

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

4

1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ИЮЛЬ — АВГУСТ

4

1974

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Эугениуш К. Костшева</i> (ПНР). Социалистической Польше — 30 лет	3
<i>С. В. Васильев, Г. П. Клепикова, Б. Ф. Стахеев.</i> Сотрудничество Института славяноведения и балканистики АН СССР с научными учреждениями социалистических стран (К 250-летию АН СССР)	11
<i>В. Марьина.</i> Аграрно-крестьянский вопрос в политике коммунистических партий стран Центральной и Юго-Восточной Европы между двумя мировыми войнами	23
<i>В. П. Грабиллина.</i> Коммунистическая партия Чехословакии и прогрессивная интеллигенция (1929—1933)	41
<i>О. А. Северная.</i> Из истории концепций творческой личности в болгарской эстетике	52
<i>Н. М. Ваганова.</i> Начало югославского революционного театра (Ранняя драматургия Мирослава Крлежи)	63
<i>А. С. Мильников.</i> Культура и национальное самосознание народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху национального Возрождения	73
<i>Т. Б. Менская.</i> Переразложение заимствованных основ (на материале греческих глагольных заимствований в болгарском)	85

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>А. В. Липатов.</i> Проблемы литературы и культуры польского Просвещения	96
<i>Н. А. Мещерский.</i> Издание и исследование выдающегося памятника древней болгарской литературы	93
<i>Т. И. Комаринец.</i> Р. Ф. Кирчів. Український фольклор у польській літературі	99
<i>И. Можаява.</i> Bibliografia polskich prac z zakresu slawistyki	101

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

Библиография

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1973—1974 гг.	103
Содержание иностранных журналов	111

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>И. К.</i> Научный симпозиум по проблеме «Социалистическая индустриализация в СССР и ПНР» (К 30-летию народной Польши)	114
<i>М. И. Копачева.</i> Обобщение опыта социалистического строительства в европейских странах	117
<i>Л. Б. Валев, Н. И. Хитрова.</i> Историческая тематика на VII Международном съезде славистов	119
<i>А. Хаджирович</i> (СФРЮ). Деятельность Института истории рабочего движения в Сараеве	121

ЭУГЕНИУШ К. КОСТШЕВА

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПОЛЬШЕ — 30 ЛЕТ

22 июля 1974 г. исполняется 30 лет с того дня, когда на освобожденной Советской Армией и народным Войском Польским части польских земель, в Люблине был опубликован исторический Июльский манифест, определивший программные основы народной Польши. Учтя опыт прошлого, польский народ избрал путь социализма, путь союза с Советским Союзом. Польша стала важным звеном социалистического содружества.

Дата 22 июля 1944 г. означает для польского народа начало совершенно нового периода в его истории, периода, важнейшей чертой которого является социалистический путь развития в тесном, нерушимом единстве и братской дружбе с Советским Союзом и другими странами социалистического содружества.

В памяти польского народа навеки сохранится подвиг советских солдат, отдавших свою кровь и жизнь за свободу Польши. Это они, едва успев снять военную форму, оказали всестороннюю помощь стране, превращенной врагом в руины.

И для нас, поляков, самое главное то, что мы бережем, как зеницу ока, — дружбу и союз на вечные времена с советским народом. Благодаря этой дружбе и союзу Польша уверенно набирает силы, всесторонне развивая свою экономику. Как составная часть социалистического содружества наша страна добилась высокого авторитета в международных делах. В непрерывно углубляющихся контактах ПОРП и КПСС, в еще большем укреплении единства и сотрудничества стран социалистического содружества, в постоянной и активной поддержке советской политики мира и достижении новых экономических рубежей польский народ видит свой патриотический и интернациональный долг.

Союз и братское сотрудничество с СССР и другими странами социалистического содружества гарантируют Польше безопасность и неприкосновенность ее границ, играют важную роль в ускорении всестороннего развития социалистического общества. Польша активно участвует в борьбе за мир, за разрядку напряженности и европейскую безопасность. Она играет активную роль в европейской политике, занимая подобающее ей место на международной арене. И советские люди могут быть уверены, что польский народ отдает себе отчет в том, что эта роль будет тем значительнее, чем больше будет вклад Польши в укрепление социалистического содружества, в осуществление социалистической интеграции, намеченной XXV сессией стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи.

За истекшие 30 лет, за годы народной власти Польша из отсталой страны со слабо развитой промышленностью и примитивным сельским хозяйством превратилась в страну, которая по промышленному производству вошла в первую десятку стран мира. Сегодня Польша известна как

страна угля, серы, меди, морских судов, современной химической, электротехнической, автомобильной, легкой и пищевой промышленности. Многие из этих отраслей в нашей стране до войны попросту не существовало. Используя опыт XXIV съезда КПСС, глубоко изучив его решения, VI съезд Польской объединенной рабочей партии выработал программу дальнейшего динамичного социалистического развития республики во имя блага человека-труженика.

Какой же была Польша в 1945 году?

Только что закончилась вторая мировая война. Она отбросила Польшу назад — в XIX век. Вот несколько цифр: в 1938 г. Польша насчитывала около 35 млн жителей, в 1945 г. — менее 24 млн. Гитлеровцы истребили свыше 22% населения Польши, более 6 млн человек, в том числе около 2 млн детей и молодежи в возрасте до 18 лет. На каждую тысячу человек было 220 погибших. Страна лишилась 38% своего национального достояния. Напомним для сравнения, что Франция потеряла 15 человек на каждую тысячу жителей и 1,5% своего национального богатства, Англия — 8 человек и 0,8% национального достояния.

Нелегкой была дорога к сегодняшнему дню. В развалинах лежали заводы, деревни, целые города — такие, как Варшава, Вроцлав, Щецин, Гданьск... Не сразу возродились очаги жизни на тогдашней карте Польши. Позднее экономисты и историки определяют этапы и периоды этого восстановления. Мы же подведем здесь лишь некоторые итоги: в 1970 г. Польша с населением в 32 млн человек производила в течение 27 дней столько продукции, сколько давала страна в течение всего 1938 г. Что же касается национального дохода на душу населения, то в 1938 г. он составлял примерно 100 долларов (в ценах 1938 г.), а в 1970 г. уже был равен 800—1000 долларам.

Рабочий класс, руководимый Польской объединенной рабочей партией, поднял страну из руин и начал создавать новую, социалистическую Польшу. Стала меняться и карта страны. Были восстановлены разрушенные войной города и села. Появились новые города. По-иному обозначены теперь на карте и многие старые города — свидетельство того, что число жителей в них выросло в два-три раза. Электрифицированы тысячи километров железнодорожных линий. Сооружены крупные водохранилища на Висле, Соле, Сане и многих других реках.

Вступили в строй десятки крупных предприятий. В первое послевоенное десятилетие заводы строились главным образом в уже существовавших городах или по соседству с ними. Благодаря этому рос экономический потенциал Варшавы, Кракова, Ченстоховы, Белостока, Люблина, Жешова и других городов.

Примерно с середины пятидесятых годов на карте Польши начинают появляться промышленные округа в районах, которые прежде были типично аграрными. Вместе с ними возник ряд новых для Польши отраслей индустрии, ставших национальной специализацией страны.

Какие это отрасли? Совершим небольшое путешествие по стране. И начнем его, пожалуй, с юго-запада. Сегодня здесь, между Зеленогурским и Вроцлавским воеводствами, находится Легницко-Глогувский горно-металлургический округ с центром в городе Любине.

Богатейшие месторождения меди были открыты в этом районе в 1957 г., а вскоре здесь развернулась огромная стройка. Уже несколько лет дают руду два новых крупных рудника, сооружается третий. Построены обогатительный завод и медный комбинат в Глогуве. Значительно расширен Легницкий комбинат.

Еще в шестидесятых годах импорт меди обходился Польше более чем в один миллиард злотых, а в 1970 г. она начала ее экспортировать сама.

По производству меди Польша вышла на второе место в Европе. В этом нам помогли Советский Союз и другие братские страны.

Подобное положение и с производством серы. Открытые в 1953—1954 гг. на юго-востоке страны, близ Тарнобжега богатейшие месторождения серы послужили базой для бурного развития добывающей и химической промышленности. В Тарнобжеге был построен серный комбинат, один из крупнейших в мире. По производству серы Польша занимает ныне первое место в Европе.

Один из крупнейших и самых современных в Европе химических комбинатов создан в последние годы в Люблинском воеводстве — в Пулавах на Висле. Этот комбинат производит азотные удобрения для сельского хозяйства. В Плоцке, севернее Варшавы, построен самый большой в стране нефтехимический комбинат, работающий на нефти, которая поступает по нефтепроводу «Дружба» из Советского Союза.

Располагая такими видами сырья, как каменный и бурый уголь, природный газ, сера, соль, Польша впредь все интенсивнее будет развивать химическую промышленность, которая в ближайшие годы станет второй после машиностроения ведущей отраслью польской индустрии.

Добыча угля — традиционная специализация Польши. Но посмотрите на карту... Сегодня каменный уголь добывается не только в старых, традиционных районах Силезии. Новый угольный бассейн — Рыбниковский — создан южнее Катовиц. Здесь построены современные угольные шахты, которые дают высококачественные коксующиеся угли.

Мощные бурогольные карьеры есть теперь в Турошове на юго-западе страны. Большая часть добытого угля поступает на построенную неподалеку электростанцию. Крупные карьеры с открытой добычей бурого угля и несколько электростанций большой мощности возникли почти в самом центре Польши — в Познаньском воеводстве, в районе Конина и Понтова. Кроме того, в Конине сооружен современный алюминиевый завод, который работает на дешевой местной электроэнергии и венгерском глиноземе.

Наряду с этими промышленными округами создаются и другие индустриальные центры. Крупные предприятия (причем не только в масштабах Польши) возникли в городах, где прежде, по существу, не было никакой промышленности: в Сандомире — стекольный завод, в Хелме — цементный комбинат, в Краснике — завод подшипников, в Дембнице — завод покрышек и т. д.

Таким образом, исчезла с карты линия, отделявшая некогда Польшу «А» (районы сравнительно развитые в экономическом отношении) от Польши «Б» (отсталой части страны). Эта доставшаяся пародной власти в наследство от капитализма разница между двумя частями Польши, из которых одна отставала от другой в своем развитии на сто и более лет, была ликвидирована всего за четверть века.

«Из отсталой сельскохозяйственной страны, раздираемой внутренними классовыми и национальными противоречиями, Польша превратилась в сильную, динамично развивающуюся индустриально-аграрную страну, занимающую прочную позицию на международной арене», — так были охарактеризованы в программном докладе Политбюро ЦК ПОРП VI съезду партии перемены, происшедшие в Польской Народной Республике по сравнению с довоенным периодом.

Доля польской индустрии в мировой промышленной продукции составляет сейчас примерно 2,3%, что обеспечивает Польше место в первой десятке индустриальных стран мира. Между тем по площади, составляющей всего 0,2% территории земного шара, наша страна занимает 61-е место в мире, а по численности населения — 19-е.

Польша занимает сейчас четвертое место в мире и третье в Европе по добыче угля, десятое в мире и седьмое в Европе по производству цемента и стали, по выработке электроэнергии — седьмое в Европе и одиннадцатое место в мире. На втором месте в Европе находится Польша по добыче цинковых и медных руд и выпуску товарных вагонов. Польша снимает со своих полей более 26% европейского урожая ржи, около 21% урожая картофеля, 40% льна.

О достижениях индустрии народной Польши красноречиво говорят и такие данные: в 1950 г. в нашей стране производилось в два с лишним раза больше промышленной продукции, чем в 1938 г., а в 1970 г. — в восемь раз больше, чем в 1950 г.

Итоги первых трех лет нынешней пятилетки свидетельствуют о том, что намеченная VI съездом ПОРП программа ускоренного продвижения Польши по пути социализма успешно осуществляется. В стране были высвобождены многочисленные резервы увеличения производства и повышения его эффективности. В результате плановые задания 1971—1973 гг. были значительно перевыполнены. Промышленная продукция возросла примерно на 20, а сельскохозяйственная — на 12%.

Успешное развитие экономики создает прочную основу для дальнейшего повышения народного благосостояния. Вскрыв имевшие место отрицательные явления, приведшие к известным осложнениям в декабре 1970 г., новое руководство ПОРП и правительство осуществили ряд мер, направленных на улучшение условий жизни трудящихся. Одной из таких мер была стабилизация розничных цен на основные продукты питания. Это решение неукоснительно проводилось в жизнь.

В течение последних двух лет были снижены цены на ряд промышленных товаров. В то же время были повышены цены на некоторые изделия и почтово-телеграфные услуги. Точные подсчеты показали, что это изменение цен на товары и услуги не повлекло за собой снижения средней стоимости жизни, которая в 1972 г. была ниже, чем в 1970 и 1971 гг.

Средняя реальная заработная плата в 1971 и 1972 гг. возросла более чем на 12%, т. е. больше, чем за все прошлое пятилетие. Число работающих за эти два года увеличилось на 800 тыс. человек. Создание новых рабочих мест также стало источником повышения доходов населения.

Лучше всего можно охарактеризовать польскую экономику на основании данных последнего сообщения Главного статистического управления. Визитная карточка польской экономики за 1973 г., содержащая двенадцать цифр, это — полная и лишенная каких бы то ни было «украшательских» элементов, картина.

Итак, национальный доход. По точным подсчетам, прирост дохода в 1973 г. оказался большим, чем предусматривалось: этот весьма важный показатель динамики развития каждой экономической системы увеличился на $\frac{1}{10}$. Этому способствовал рост промышленной продукции, которая увеличилась на 12%. Этому содействовал валовой прирост продукции сельского хозяйства почти на 8%, что было достигнуто благодаря исключительному интересу к увеличению производства и трудолюбию крестьян.

Для определения качества работы в минувшем году следует непременно обратиться к показателю, иллюстрирующему рост занятости. Число рабочих рук в обобществленном хозяйстве увеличилось менее, чем на 4%, что указывает на прогресс в сфере производительности труда. Следует также сказать о работе строительно-монтажных организаций, увеличивших производство на 20%. Эти данные говорят о темпах развития всей экономики. Если сопоставить их с увеличением перевозок на транспорте (на 10%), с инвестиционными расходами в обобществленном хозяйстве и с оборотом в транспорте (там зарегистрирован рост на 25% по

сравнению с прошлым годом), то станут особенно ясными темпы развития в 1973 г.

Динамика развития экономики обеспечивает и соответствующую систему социальных услуг. В прошлые годы реальная зарплата увеличилась на 10%, в такой же степени и потребление материальных благ. Площадь квартир, полученных населением, возросла на 12%. В магазинах розничной торговли было закуплено товаров стоимостью почти на 13% больше, чем год назад. Этими фактами полностью подтверждается правильная линия развития хозяйства страны, нацеленного на скорейшее улучшение условий жизни трудящихся.

Оценивая результаты прошлого года, можно заметить в них предпосылки для поддержки высокого темпа роста экономики и повышения благосостояния людей в последующие годы. Прирост почти на 6% стоимости основных средств — домов, строек, средств транспорта, машин и оборудования, а также высокие темпы капиталовложений между январем и декабрем 1973 г. создали условия для быстрого развития экономики в текущем году. Решающее значение имел тот факт, что третий год пятилетки прошел без осложнений в сфере инвестиций. В прошлом именно в такой период приходилось производить сокращение инвестиций, т. е. ограничивать расходы в социально-экономической области. Хорошие прогнозы относительно инвестиций были, в частности, одной из главных предпосылок для принятия осенью прошлого года на I Всепольской конференции ПОРП решения о сохранении темпов расширения национальной экономики с вытекающими из этого позитивными последствиями.

Пятилетний план предусматривает самые высокие темпы развития легкой и пищевой промышленности за все годы народной власти.

За последние годы в Польше введено в действие много новых предприятий. Ударными стройками объявлены объекты пищевой, легкой и других отраслей промышленности, выпускающих товары широкого потребления. Сооружается и модернизируется около 100 текстильных, швейных, обувных, трикотажных фабрик. В первом году пятилетки вступили в строй 120 современных предприятий пищевой промышленности. В результате производственные мощности увеличились почти на одну треть. Еще 130 таких предприятий строятся в настоящее время.

Партия и правительство ПНР сочли, что существуют условия для продления периода стабилизации цен на основные продукты питания. И в нынешнем году цены на мясо и мясопродукты, жиры, молоко и сыр, муку, хлеб и мучные изделия, крупу, сахар и соль остаются неизменными.

Народнохозяйственный план предусматривает закрепление высоких темпов роста производства, повышение его эффективности. В целом же за пятилетие промышленное производство должно возрасти на 48—50%. По темпам роста промышленной продукции Польша занимает сейчас одно из первых мест в мире.

Польша — молодая страна. Половина ее населения родилась уже после войны. А более трети граждан — люди моложе 19 лет. В нынешней пятилетке народному хозяйству предстоит принять почти 3,5 млн молодых тружеников. Такого наплыва рабочей силы в нашей истории еще не было. Случись нечто подобное в буржуазной Польше — миллионы людей оказались бы без работы. В нашем социалистическом государстве каждый находит применение своим силам. Партия открыла перед молодым поколением замечательные перспективы: построить в ближайшие два десятилетия «вторую Польшу», т. е. удвоить экономический потенциал, преобразовать народное хозяйство, сделав его более высокопроизводительным, современным.

Есть объективные условия для того, чтобы промышленное производство за двадцать предстоящих лет увеличилось в четыре-пять раз. Ведь только за две очередные пятилетки наши ассигнования на капитальные вложения будут примерно равны стоимости основных фондов, созданных предыдущими поколениями. При этом наша индустрия поднимется и на качественно новый уровень: намечено осуществить комплексную автоматизацию целых отраслей, повсеместное применение получит электронно-вычислительная техника, мы обратимся к новым источникам энергии, будем развивать атомную энергетику. Современной областью производства станет также сельское хозяйство.

Есть основания для того, чтобы в 90-е годы национальный доход страны возрос примерно в 3,5 раза по сравнению с нынешним. Достижение высоких темпов экономического роста позволит Польше, находящейся сейчас в середине группы высокоразвитых в промышленном отношении стран, переместиться в группу наиболее развитых с экономической точки зрения государств.

Подъем экономики позволит намного улучшить уровень жизни населения. Возрастет его численность. К концу столетия в Польше, по всем данным, будет 40 млн человек. Вырастут старые города, поднимутся новые. Польша станет в еще большей мере «городской» страной, чем сейчас: в городах будет жить две трети населения. Коренным образом изменится облик деревень и сел.

До 1990 г. намечено построить 7,3 млн квартир. Это в два с половиной раза больше, чем было построено в 1950—1970 гг. Квартиры будут просторнее, лучше оборудованы. Успешное выполнение этой программы позволит к середине 80-х годов обеспечить каждую семью отдельной квартирой.

В десять раз увеличится число легковых автомобилей. Пока машина у нас относится к предметам роскоши, она еще дорога. Но уже в самое ближайшее время будет налажен серийный выпуск малолитражных автомобилей, которые станут доступны широкому кругу людей самых разнообразных профессий.

Лесонасаждения в центральных районах Польши улучшат микроклимат. Регулирование рек, в первую очередь Вислы, будет способствовать лучшему использованию водных ресурсов для судоходства, энергетики, сельского хозяйства. На берегах новых водохранилищ раскинутся обширные зоны отдыха.

Значительно повысится уровень образования. Если в 1970 г. около 7 млн человек, т. е. 34% населения старше 20 лет, имели образование выше начального (профессиональное, среднее и высшее), то к 1990 г. уже две трети населения — 17 млн человек — будет иметь такое образование.

Для осуществления больших задач предстоящего двадцатилетия у нас есть благоприятные внутренние и международные условия.

Польша располагает значительным людским потенциалом, материальными ресурсами. Как подчеркивалось в принятых VII Пленумом программных тезисах Центрального Комитета ПОРП о задачах партии, государства и народа в области воспитания молодежи, от нас самих — от нашего труда, усилий и умения, от единства действий всех трудящихся зависит прогресс нашей родины, ее продвижение к высотам социалистического развития в эпоху научно-технической революции.

Решающее значение для определения места Польши в мире имеет ее принадлежность к социалистическому содружеству.

Упрочение уз дружбы и братства с Советским Союзом, укрепление единства и расширение сотрудничества стран социалистического содружества — вот основное направление польской внешней политики, за-

лог ее эффективности. Это основа внешней политики Польши. Ныне и в будущем.

Особое значение для Польши имеет укрепление союза и сотрудничества с Советским Союзом. Состоявшаяся в декабре прошлого года встреча Первого секретаря ЦК ПОРП Э. Герека и Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева продемонстрировала полное единство взглядов обеих сторон по ключевым вопросам общественно-политической жизни народной Польши и Советского Союза, их взаимоотношений и международного положения. Во время встречи руководители ПОРП и КПСС подчеркнули, «что успехи братских стран в строительстве социализма и коммунизма, в решении крупных международных проблем являются в огромной мере результатом их тесного единства и всестороннего сотрудничества. СССР и ПНР будут и впредь во всех своих действиях постоянно исходить из необходимости всемерного укрепления сплоченности братских социалистических государств»¹. Польско-советские политические, экономические, научно-технические и культурные отношения систематически расширяются и крепнут. В последнее время Польша и Советский Союз подписали ряд важных межправительственных соглашений, способствующих дальнейшему расширению взаимодействия, развитию кооперирования и специализации производства.

Расширяется сотрудничество между Польшей и Советским Союзом в области идеологии, развивается обмен информацией. Обогащаются и расширяются контакты на различных уровнях и в разных формах между Польской объединенной рабочей партией и Коммунистической партией Советского Союза. Совершенствуется система взаимных политических консультаций по основным международным вопросам. Цель этих консультаций — совместная оценка событий и разработка общих концепций и позиций.

Двусторонние отношения Польши с Советским Союзом и другими социалистическими странами способствуют расширению многосторонних форм сотрудничества и взаимодействия. Особое внимание Польша уделяет укреплению Варшавского Договора — решающего фактора мира в Европе.

Польша принимает активное участие в работе Совета Экономической Взаимопомощи, внося существенный вклад в разработку многосторонних и двусторонних форм сотрудничества и его осуществление.

Опираясь на комплексную программу развития социалистической интеграции, Польша содействует развитию кооперирования и специализации производства, осуществлению совместных капиталовложений и внедрению современной технологии во все области народного хозяйства.

Доля социалистических стран в польском внешнеторговом обороте составляет около 65%. К главным партнерам польской внешней торговли относятся СССР (36% оборота), ГДР (свыше 10%), ЧССР (около 8%).

Страны — члены СЭВ играют главную роль в польском импорте машин и оборудования. Свыше 80% машин и оборудования, транспортных средств и промышленных потребительских товаров Польша ввозит из стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи.

Внося растущий вклад в общее достояние социалистического содружества, наш народ находит в нем прочную поддержку в своем стремлении осуществить большие задачи, выдвигаемые современностью.

«Осью нашей внешней политики, — говорится в тезисах ЦК ПОРП по случаю 30-летия народной Польши, — были и остаются союз, дружба и братское сотрудничество с Советским Союзом и другими социалисти-

¹ «Правда», 1973, 20 декабря.

ческими странами. Сила нашего содружества во много раз повышает эффективность деятельности Польши и каждой социалистической страны на международной арене. Социалистическая интеграция успешно ограждает наши страны от последствий хаоса и кризисов, углубляющихся в капиталистическом мире. Сотрудничество социалистических стран, базирующееся на основах дружбы и всесторонней выгоды, будет все убедительнее доказывать превосходство социализма над капитализмом. Проводя и впредь последовательную миролюбивую внешнюю политику, мы будем способствовать по мере наших возможностей прогрессу разрядки напряженности в мире, полному торжеству ленинской идеи мирного сосуществования государств с разным общественно-политическим строем, расширению международного экономического и культурного обмена на принципах равенства и взаимности». Таким образом будут умножены достижения социалистической Польши.

С. В. ВАСИЛЬЕВ, Г. П. КЛЕПИКОВА, Б. Ф. СТАХЕЕВ

СОТРУДНИЧЕСТВО ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ АН СССР С НАУЧНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН (К 250-летию АН СССР)

На всем протяжении деятельности Института славяноведения и балканистики АН СССР значительное место в его работе занимало научное сотрудничество с учеными европейских социалистических стран. Международные научные связи Института осуществляются в соответствии с планами научного сотрудничества между Академией наук СССР и академиями социалистических стран и протоколами о сотрудничестве, подписанными Институтом и соответствующими его профилю работы зарубежными научными учреждениями.

Установление прочных международных связей Института, прежде всего с учеными европейских социалистических стран, позволило Институту на должном уровне обеспечивать исследования по истории, истории культуры, литературам и языкам народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Развитие этих связей Института способствует объединению усилий ученых социалистических стран вокруг важных в научном и политическом отношении проблем славяноведения и балканистики; в общем плане они отвечают тенденции социалистической интеграции, представляющей одну из главных закономерностей развития социалистического содружества на современном этапе.

До последнего времени научные связи Института с другими научными учреждениями социалистического содружества в основном осуществляются на двусторонней основе. В практике Института сложилось несколько форм международного научного сотрудничества: совместная подготовка трудов (публикаций документов, сборников статей и т. п.), центральной проблемой которых являются взаимосвязи народов СССР с народами стран изучаемого Институтом региона по самым различным аспектам. Другими формами сотрудничества являются взаимные консультации по готовящимся трудам, обсуждение готовых работ, участие в совместных симпозиумах и конференциях, в работе комиссий историков СССР и других европейских социалистических стран.

Центральное место в научном сотрудничестве Института с научными учреждениями социалистических стран занимает подготовка совместных трудов, и прежде всего многотомных публикаций по истории советско-польских, советско-чехословацких и советско-болгарских отношений и связей. Названные публикации документов издаются как в СССР, так и в соответствующей стране и вносят свой весомый вклад в дело укрепления дружбы и сотрудничества между народами наших братских стран.

В 1963 г. вышел в свет I том совместной советско-польской публикации «Документы и материалы по истории советско-польских отношений». Решение об издании этой публикации было принято Академией наук СССР и ПАН, была создана совместная советско-польская редколлегия издания. С советской стороны издание публикации было возложено на Институт славяноведения и балканистики АН СССР при участии Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Главного архивного управления при СМ СССР и Историко-дипломатического управления МИД СССР. С польской стороны публикацию готовит Институт истории польско-советских отношений ПАН при участии Высшей школы общественных наук при ЦК ПОРП, Главной дирекции государственных архивов ПНР. До настоящего момента вышло из печати семь томов «Документов и материалов по истории советско-польских отношений», материалы которых посвящены истории советско-польских отношений в период Октябрьской революции, в межвоенный период и в годы совместной борьбы наших народов против немецко-фашистских захватчиков. Последующие тома публикаций будут характеризовать отношения и связи СССР и Польши в период становления народно-демократического строя и строительства социализма в ПНР. Названное издание является ярким примером сотрудничества ученых наших стран, которые своим трудом способствуют делу дружбы и сотрудничества между двумя братскими народами. Публикация «Документы и материалы по истории советско-польских отношений» завоевала широкое признание общественности в СССР и ПНР. Целый ряд рецензий на это издание характеризует его как важный в научном и политическом отношении труд¹.

Начата работа в Институте и над публикацией «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений», I том которой вышел в свет в 1973 г. Предполагается издать четыре тома. С советской стороны публикацию готовит Институт славяноведения и балканистики АН СССР при участии Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Главного архивного управления при СМ СССР и Историко-дипломатического управления МИД СССР; с чехословацкой — Чехословацко-советский институт ЧСАН и Институт истории европейских социалистических стран САН при участии Института марксизма-ленинизма ЦК КПЧ, Института чехословацкой и всемирной истории ЧСАН, Института истории САН и др. Издание осуществляется на основе соглашения, заключенного между Академией наук СССР и Чехословацкой академией наук, и будет иметь своей целью всестороннее и объективное освещение истории советско-чехословацких отношений в 1917—1945 гг.

В рецензии на вышедший I том указанной публикации Я. Цесар пишет, что издание его является важным и значительным событием в научной жизни. В нем впервые всесторонне и комплексно подобраны материалы, которые позволяют с разных сторон осветить развитие советско-чехословацких отношений, начиная с Октябрьской революции до второй половины 1922 г.² Сейчас в Институте идет работа над II томом этого издания.

В настоящее время Институт готовит совместно с болгарскими учеными публикацию документов по истории советско-болгарских отношений и связей с 1917 по 1944 г.

С конца 50-х годов началась совместная работа советских и польских историков по подготовке к изданию документальных материалов, посвя-

¹ См. «Вопросы истории», 1964, № 6, стр. 152—155; «Вопросы истории КПСС», 1965, № 6, стр. 142—146; «Советское славяноведение», 1965, № 6, стр. 64—67; «Z pola walki», Warszawa, 1965, № 3, s. 206—209.

² «Nowá mysl», 1973, № 12, s. 1778—1782.

щенных 100-летию восстания 1863 г.³ Это многотомное издание также готовилось на основе соглашения Академии наук СССР и ПАН. Часть томов издавалась в СССР, часть — в Польше. Материалы публикации характеризуют русско-польские революционные связи накануне и в период восстания, революционный подъем и восстание на Украине, в Литве и Белоруссии, записки и показания участников восстания и т. д. Институт славяноведения и балканистики АН СССР выпустил семь томов, остальные тома — а уже вышло 19 томов — издаются в Польше. Однако сотрудники Института продолжают участвовать в работе над этим трудом. Публикация документов «Восстание 1863 года. Материалы и документы» получила высокую оценку в СССР и ПНР⁴.

Значительным явлением в сотрудничестве советских и болгарских ученых была публикация документов «Освобождение Болгарии от турецкого ига» в трех томах⁵. Она была подготовлена к изданию совместными усилиями сотрудников Института славяноведения и балканистики АН СССР и Института истории БАН, при участии ГАУ при СМ СССР, ЦГВИА и Народной библиотеки «Васил Коларов». I том издания посвящен освободительной борьбе южных славян и позиции России в 1875—1877 гг.; II том — национально-освободительной борьбе болгарского народа в период русско-турецкой войны 1877—1878 гг.; III том — борьбе России и болгарского народа за создание болгарского государства. В многочисленных рецензиях на это издание подчеркивается, что оно дает широкое освещение братской помощи славянским народам со стороны русского народа, показывает национально-освободительное движение южных славян в 70-х годах XIX в. и роль России в освобождении Болгарии⁶.

Другой формой подготовки совместных трудов советскими учеными и учеными европейских социалистических стран является их участие в общих сборниках статей, но она не получила достаточно широкого распространения. В качестве примера можно назвать сборник, посвященный советско-чехословацким государственным, дипломатическим, экономическим и культурным связям в межвоенный период⁷.

При подготовке обобщающих трудов по истории европейских стран социализма⁸ сотрудники нашего Института пользовались консультациями и обсуждали готовые тексты со своими зарубежными коллегами. Участие историков нашего Института в работе комиссий историков СССР — НРБ, СССР — ВНР, СССР — ЧССР, СССР — ПНР, СССР — СРР — позволяет им установить еще более тесные научные контакты с учеными братских стран.

Развитие сотрудничества с учеными социалистических стран в области литературоведения определялось в первую очередь теми задачами и проб-

³ «Восстание 1863 года. Материалы и документы». Москва — Вроцлав, 1961—1973.

⁴ «Kwartalnik Historyczny», 1964, № 4, s. 1101—1104; «Studia z dziejów ZSRR, Europy Środkowej». Wrocław — Warszawa — Kraków, 1965, s. 227—231.

⁵ «Освобождение Болгарии от турецкого ига». Документы, т. 1—3. М., 1961—1967.

⁶ «Український історичний журнал», Київ, 1962, № 2, стор. 129—130; «Исторически преглед», София, 1962, № 5, стр. 104—105; «Новая и новейшая история», 1962, № 5, стр. 150—152; 1969, № 3, стр. 158—162; «Československý časopis historický», Praha, 1963, № 3, s. 267—268 и др.

⁷ «Советско-чехословацкие отношения между двумя войнами. 1918—1939», М., 1968.

⁸ «История Болгарии», т. I—III. М., 1954—1955; «История Польши», т. I—III. М., 1956—1958; «История Чехословакии», т. I—III. М., 1956—1960; «История Югославии», т. I—II. М., 1963; «История Польши», доп. том. М., 1965; «История Румынии. 1848—1918». М., 1971; «История Румынии. 1918—1970». М., 1971; «История Венгрии», т. 1—3. М., 1971—1972.

лемами, которые решали специалисты нашего Института и литературоведы социалистических стран. В годы, когда основной задачей наших литературоведов-славистов было создание обобщающих трудов по истории славянских литератур, а в социалистических странах также разрабатывались марксистские концепции отечественного литературного процесса, важной и плодотворной формой сотрудничества стали координация выполняемых работ и научные консультации. При подготовке очерков истории болгарской и чешской литератур XIX—XX вв., книг по истории польской и словацкой литератур⁹ весьма полезную роль сыграло совместное с ведущими литературоведами зарубежных славянских стран обсуждение ключевых проблем литературного процесса, проводившееся на основе подготовленных нашими специалистами обобщающих трудов. Такая дискуссия была особенно важна и потому, что в некоторых случаях создание в СССР марксистской истории той или иной зарубежной славянской литературы предшествовало ее появлению в самой стране. Дискуссии дополнялись индивидуальными консультациями, помощью в сборе иллюстративного материала, предоставлением советским ученым возможности работать в зарубежных библиотеках и архивах. Вышедшие обобщающие труды, впервые в нашей стране освещавшие истории национальных литератур западных и южных славян, были в научной печати обстоятельно и благожелательно отрецензированы¹⁰, что свидетельствовало об их актуальности, о повышении авторитета советской литературоведческой славистики, о плодотворном развитии научных связей в области славяноведения.

В те же годы интенсивно развивались и другие формы научного сотрудничества: участие наших литературоведов в научных конференциях, сессиях, симпозиумах, проводившихся за рубежом, и литературоведов социалистических стран в аналогичных мероприятиях, организованных в СССР; выступления наших историков литературы в научных изданиях Болгарии и Польши, Чехословакии и Югославии, и зарубежных коллег в наших научных сборниках, серийных изданиях и журнале «Советское славяноведение»; взаимное рецензирование научных трудов и т. д. Здесь нет ни возможности, ни необходимости перечислять все такого рода встречи ученых и все научные публикации¹¹. Отметим, что эти формы сотрудничества характерны для научных связей со всеми зарубежными славянскими странами и что в развитии их принимает участие большинство литературоведов Института.

⁹ «Очерки истории болгарской литературы XIX—XX веков». М., 1959; «Очерки истории чешской литературы XIX—XX веков». М., 1963; «История польской литературы», М., 1968—1969; т. 1, 2. «История словацкой литературы». М., 1970.

¹⁰ К. Г е н о в. Ценен съветски труд върху историята на българската литература. «Народна култура», София, 1959, № 3; Г. Д и м о в. Забележителен успех на съветската българистика. «Литературна мисъл», 1960, № 3; В. К о л е в с к и. Принос към историята на българската литература. «Пламяк», 1960, № 5; V. F o r s t. Nad sovětskými dějinami české literatury. «Česká literatúra», 1964, № 4; J. K u l c z y c k a-S a l o n i. «Slavia orientalis», Warszawa, 1969, № 4; M. S t e p i e Ń. Radziecka historia literatury polskiej. «Ruch Literacki», 1970, № 3; M. I n g l o t. «Pamiętnik Literacki», 1971, z. 2; A. M a t o v č i k. Dejiny slovenskej literatúry v ruštine. «Slovenské pohľady», Bratislava, 1971, № 7; V. K o c h o l. Sovietske dejiny slovenskej literatúry. «Slovenska literatura», Bratislava, 1971, № 5; E. O l o n o v á. Sovětské akademické dějiny slovenské literatury. «Česka literatura», Praha, 1973, № 1.

¹¹ Назовем здесь лишь отдельные зарубежные издания книг наших литературоведов: Д. Ф. М а р к о в а — Генезис на социалистическия реализъм. София, 1972; Genéza socialistického realizmu. Bratislava, 1972; В. И. З л ы д н е в а — Извори на дружбата. Очерци за руско-българските литературни връзки на XX в. София, 1968; С. В. Н и к о л с к о г о — Мýшленка а образ ve Wolkrově poesii v letech 1919—1921, Praha, 1968; Б. Ф. С т а х е е в а — Mickiewicz i społeczeństwo rosyjskie. Warszawa, 1960.

Определение тех направлений, где возможно и целесообразно сосредоточение исследовательских усилий литературоведов различных стран, позволило перейти к совместным научным разработкам, к проведению двусторонних (а со временем многосторонних) конференций, к осуществлению совместных научных изданий. В сотрудничестве с польскими литературоведами прочно вошло в практику проведение научных конференций, тематика которых заранее согласовывается, а организаторами выступают с советской стороны — Институт славяноведения и балканистики АН СССР, с польской — Институт литературных исследований ПАН, привлекая к участию в них и работников других научных учреждений. Первая из них состоялась в 1967 г. в Москве и была посвящена проблеме «Польская революционная литература и польско-русские литературные связи 20—30-х годов XX в.»¹². Обсуждение ряда проблем, рассмотренных на этой конференции, было продолжено в 1970 г. в Варшаве на научной конференции «Литература и революция (к проблематике польско-русских и польско-советских литературных связей XX в.)». В 1972 г. в Москве была проведена конференция, посвященная проблемам польского романтизма и связей между польской и восточнославянскими литературами первой половины XIX в.¹³ На текущий год намечено проведение в Варшаве конференции по проблемам литературы конца XIX — начала XX в.

Наши и болгарские литературоведы участвовали, наряду с другими специалистами, в проводимых совместно конференциях более широкого плана, посвященных теме «Формирование и развитие болгарской социалистической культуры», состоявшихся в 1969 г. в Софии¹⁴ и в 1972 г. в Москве. Активным было участие наших литературоведов и в тех двусторонних симпозиумах, которые организовывались другими научными учреждениями. Так, литературоведы Института выступили с рядом докладов на совместных чехословацко-советских симпозиумах, проводившихся в Москве, Праге и Братиславе¹⁵.

Опыт двусторонних научных мероприятий позволил перейти к более широким формам международного научного сотрудничества. Первым шагом в этом направлении можно считать проведенную в 1971 г. в Москве конференцию по проблемам сравнительно-типологического изучения славянских литератур, в которой, наряду с литературоведами нашего Института и других научных учреждений СССР, участвовали ученые из Болгарии, Польши, Чехословакии, ГДР и других стран. Как показывают изданные материалы¹⁶, конференция выявила общность научных интересов и поисков, а в ряде случаев — трудные и нерешенные вопросы, с которыми сталкиваются слависты различных стран, обогатила методологию, позволила сопоставить достигнутый уровень проводимых исследований, что должно способствовать координации предпринятых в данном направлении усилий. Особенно важной была постановка на этой конференции задач сравнительного изучения социалистических литератур.

Можно констатировать, что за последние годы определились те проблемы, которые привлекают внимание советских и зарубежных литерату-

¹² Материалы конференции изданы: «Революционная литература Польши 20—30-х годов», М., 1969.

¹³ См. издание материалов конференции: «Польский романтизм и восточнославянские литературы», М., 1973.

¹⁴ Материалы конференции изданы: «Формирование и развитие социалистической культуры в Болгарии», София, 1971.

¹⁵ См., например, «Художественный метод и творческая индивидуальность писателя», М., 1964.

¹⁶ «Сравнительное изучение славянских литератур». Тезисы докладов и сообщений. М., 1971; «Сравнительное изучение славянских литератур». Материалы конференции 18—29 мая 1971 г. М., 1973.

роведов-славистов и стали уже предметом исследований в СССР и за рубежом, объектом международного научного сотрудничества.

Советские и чехословацкие ученые, разрабатывая проблематику зарубежных славянских литератур, осуществляют издание сборников статей и исследований с участием авторов из обеих стран. Первый из них — «Чешско-русские и словацко-русские литературные отношения (конец XVIII — начало XX в.)» — издан в 1968 г. в Москве¹⁷, второй, посвященный связям между русской и словацкой литературами, — в 1973 г. в Братиславе¹⁸.

Работа аналогичного плана — «Югославско-русские литературные связи» — сборник статей советских и югославских ученых, законченный и сданный в издательство, кладет начало совместному изучению контактов между русской литературой и литературами народов Югославии. Несколько иной характер приобрело совместное изучение польско-русских литературных связей. Исследования этой проблемы ведутся параллельно и координированно в Польше и в СССР, причем в обеих странах издаются монографии и сборники статей, посвященные этой тематике¹⁹. Проблематика связей, как отмечалось выше, занимала важное место и в проводившихся совместных научных конференциях. Выявлен и научно разработан настолько значительный и обширный материал, что актуальной задачей становится создание трудов, которые будут посвящены основным вехам, а в будущем и синтетической картине польско-русских литературных связей, оказавших весьма существенное влияние на ряд моментов литературного развития в обеих странах. Такие труды могут быть созданы в результате усилий наших и польских литературоведов и осуществлены как совместные издания.

Существенный вклад внесли наши литературоведы в совместную разработку проблем болгаро-русских литературных связей, особенно советского периода, о чем свидетельствуют и публикации советских авторов в болгарской научной печати, и материалы научных конференций²⁰.

Ввиду того, что изучение литературных связей предполагает выявление и собирание многочисленных материалов, зачастую труднодоступных, существенную важность приобретает здесь библиографический поиск. В порядке сотрудничества с зарубежными научными учреждениями такая работа выполнялась отдельными сотрудниками нашего Института²¹.

Важнейшее научное значение имеет сотрудничество советских литературоведов и ученых социалистических стран в разработке проблем литературы XX века, прежде всего революционной и социалистической литературы, историко-литературных, теоретических и методологических проблем социалистического реализма. О том, насколько важна данная проблематика для ученых братских стран, свидетельствует тот живой интерес, который вызвали подготовленные в нашем Институте работы по

¹⁷ Рецензии: D. S l o b o d n i k. *Sovietsky zborník o problémoch komparatistiky. «Slavica slovača»*, Bratislava, 1969, № 2; V. V l a š i n o v a. *O literárnych vzťahoch nově i postaru. «Československá rusistika»*. Praha, 1971, № 2.

¹⁸ *«Slovenská a ruská literatúra»*. Bratislava, 1973.

¹⁹ Среди советских изданий, в которых принимали участие полонисты нашего Института, отметим сборник «Польско-русские литературные связи», М., 1970. Рецензия: В. G a l s t e r. «Pamiętnik Literacki», Warszawa, 1971, z. 3.

²⁰ «Октомври и развитието на българската литература», София, 1967.

²¹ Библиография работ на русском языке, посвященных восприятию творчества русских писателей в Чехословакии, чешских и словацких писателей в СССР, подготовленная советскими авторами, издана в 1973 г. в Праге: «Чешско-русские и словацко-русские литературные связи (1945—1972)». Библиография. Составитель А. Я. Огпева. Вступит. статья Л. С. Кишкина. Прага, 1973. Сотрудниками Института Ю. Д. Беляевой и М. И. Рыжовой подготовлена библиография русских переводов для библиографического словаря югославских писателей.

литературе XX века²². Не случайно она заняла первостепенное место в проводимых Институтом совместных двусторонних научных конференциях, не случайно наши ученые активно участвуют в посвященных проблемам современной литературы научных форумах ученых социалистических стран²³. Сейчас развитие литератур социалистических стран в XX в., в эпоху революций и социалистических преобразований, стало проблематикой, разрабатываемой целым рядом литературоведов нашего Института, и выдвигается на первый план как объект международного научного сотрудничества. На ближайшее время запланировано проведение научных мероприятий с участием литературоведов социалистических стран, предполагающих широкий обмен мнениями, подведение итогов уже проделанных исследований, выявление аспектов дальнейшего изучения, возможностей международного сотрудничества. Именно это направление вырисовывается как важнейшая область совместных исследовательских усилий литературоведов СССР и других социалистических стран.

На протяжении почти 20 лет успешно развивается сотрудничество лингвистов нашего Института и Института болгарского языка БАН. Первой совместно разрабатываемой проблемой явилось изучение территориальных говоров Юго-Восточной Болгарии и создание I тома «Болгарского диалектического атласа» (БДА). Решение об этом было принято в октябре 1955 г., а с 1956 г. тема была включена в план Комиссии по научно-техническому сотрудничеству между СССР и НРБ. Руководителями этой работы были проф. С. Б. Бернштейн и проф. С. Стойков. Болгарские говоры обследовались по обширной программе, составленной проф. С. Стойковым («Програма за събиране на материали за Български диалектен атлас») в течение ряда лет; в четырех летних экспедициях 1956—1959 гг. с советской стороны участвовали болгароведы: С. Б. Бернштейн, И. К. Бунина, Г. К. Венедиктов, Е. И. Демина, Э. И. Зеленина, Г. П. Клепикова, Т. В. Попова, М. Г. Рожновская, Н. И. Толстой, Е. В. Чешко, И. Е. Шейн. Они обследовали 203 из 404 населенных пунктов, вошедших в БДА²⁴. Обработку собранного материала, его картографирование и комментирование вели пять сотрудников Института славяноведения под руководством проф. С. Б. Бернштейна: Г. К. Венедиктов, Э. И. Зеленина, Г. П. Клепикова, Т. В. Попова, Е. В. Чешко; они составили 143 карты (из 277 карт I тома БДА). Вступительная статья к Атласу («Особенности и структура на Български диалектен атлас») написана С. Б. Бернштейном и С. Стойковым. В 1964 г. этот капитальный труд, представляющий распространение важнейших фонетических, грамматических и лексических особенностей ряда болгарских диалектов и содержащий чрезвычайно ценные данные для истории бол-

²² См. рецензии: Т. В у j n i c k i. Wokół genezy realizmu socjalistycznego. «Ruch Literacki», Kraków, 1965, № 2; И. Б е р н ш т е й н. На подступах к большим обобщениям. «Вопросы литературы», М., 1968, № 7; В. К о л е в с к и. В наступление. «Литературен фронт», София, 1972, бр. 44, 2 ноем; D. D u r i š i n. «Slovenské pohľady», Bratislava, 1973, № 2; J. H e ř t o v á. Sovětský sborník o mezinárodní marxistické literární kritice. «Tvorba», Praha, 1973, № 14; D. S l o b o d n í k. «Slavica Slovaca», Bratislava, 1970, № 4; D. D u r i š i n. «Slovenské pohľady», Bratislava, 1971, № 2; П. Р у с е в. «Пламък», София 1970, № 18; Б. Л о м и д з е. «Вопросы литературы», М., 1971, № 6; Л. Тимофеев. «Русская литература», М., 1971, № 3; С. И г о в. «Литературен фронт», София, 1970, № 45, и др.

²³ Из последних научных конференций отметим краковскую конференцию по проблемам послевоенной польской литературы (1972), конференции по проблематике социалистического реализма в Оломоуце и Баньской Быстрице (15—20 октября 1973 г.), в Братиславе (1973).

²⁴ См. хроникальные заметки в: КСИС, вып. 25, 1958; «Вестник АН СССР», 1959, № 9.

гарского языка и истории болгарского народа, вышел из печати²⁵. Публикация его вызвала многочисленные отклики в самой Болгарии и за ее пределами²⁶.

Тесное сотрудничество советских и болгарских диалектологов нашло отражение и в том, что известное издание Института славяноведения АН СССР «Статьи и материалы по болгарской диалектологии», вышедшие с 1950 г. (вып. 1—8), стало совместным органом двух Институтов — нашего и Института болгарского языка БАН. В последующих выпусках (9—1959, 10—1962) были напечатаны статьи советских и болгарских языковедов.

В 1964 г. в план сотрудничества Института славяноведения и балканистики АН СССР и Института болгарского языка БАН была включена новая проблема: «Изучение и издание памятников болгарской письменности». С советской стороны в разработке ее участвует Е. И. Демина. Она занимается изучением памятников новоболгарской письменности XVII—XVIII вв. — так называемых дамаскинов, которые представляют большой научный интерес как первый в послекирилловскую эпоху в Болгарии опыт создания книжного языка на народной основе, с одной стороны, как тексты, впервые во всей полноте отразившие живой болгарский язык того времени в территориальном варьировании его структуры, с другой. В 1968 г. издательство БАН опубликовало I том труда Е. И. Деминой «Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в.», посвященный сравнительному текстологическому исследованию состава и редакций текста всего круга дамаскинов на традиционном славянском и новоболгарском языке (ответственный редактор — чл.-корр. БАН проф. К. Мирчев)²⁷. В итоге изучения Е. И. Деминой удалось описать модели характерного для дамаскинов устойчивого состава статей (что легло в основу их классификации), установить характер взаимоотношений между типами дамаскинов и внутри типов, сформулировать критерии реконструкции первоначального болгарского текста, выявить первоисточники перевода вошедших в них произведений и др.

В 1972 г. в Софии опубликован II том этого труда, содержащий палеографическое описание и полный текст Тихонравовского дамаскина, рукопись которого хранится в Государственной библиотеке им В. И. Ленина²⁸.

В опубликованных у нас и в Болгарии рецензиях и откликах исследование Е. И. Деминой получило высокую оценку. Оно рассматривается как основа всех будущих лингвистических, литературоведческих, историко-культурных разысканий в области болгарского письменности XVII—XVIII вв.²⁹

²⁵ «Български диалектен атлас», I. Югоизточна България, ч. 1. Карти, ч. 2, Статии. Коментари. Показалци. София, 1964 (277 карт + 204 стр.).

²⁶ К. Мирчев. «Език и литература», кн. 4. София, 1965; Т. Бояджиев. «Български език», кн. 1. София, 1966; Е. Норака. «Slavica Slovaca», Bratislava, 1966, № 1; F. Sławski. «Rocznik Slawistyczny», cz. 1. Kraków, 1966; M. Zdręcha. «Cercetări de lingvistică», t. 2. Cluj, 1966; J. Schütz. «Zeitschrift für slavische Philologie», Hf. 1, 1968.

²⁷ Е. И. Демина. Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в., ч. 1. Филологическое введение в изучение болгарских дамаскинов. София, 1968.

²⁸ Ее же, ч. 2, Палеографическое описание и текст. София, 1971.

²⁹ Т. Стоянов. «Мовознавство», Київ, 1972, № 3; Й. Пенчев и др. «Български език», кн. 5., София, 1967, стр. 442; С. Божков. «Българска академия на науките. 1869—1969». София, 1969, стр. 186; А. Минчева и др. «Български език», кн. 4—5, 1969, стр. 401; М. Младенов. Там же, кн. 1, 1969, стр. 81—82; П. Динев. Там же, кн. 2—3, 1971 стр. 206; Л. Андрейчин. Там же, кн. 5, 1972, стр. 454; Д. Иванов-Мирчев. Там же, кн. 5, 1972, стр. 459; И. Тодоров. «Текстология славянских литератур», Л., 1973, стр. 204 и др.

По плану международного сотрудничества в настоящее время ведется работа над III томом, озаглавленным «Тихопратовский дамаскип как памятник книжного болгарского языка XVII в. на пародной основе».

По проблеме «Изучение и издание памятников болгарской письменности» с 1971 г. работает и группа исследователей под руководством Е. В. Чешко. Готовится издание «Норовской псалтыри» — среднеболгарского памятника тырновской школы, датируемого концом XIII — началом XIV в. Период, к которому относят появление этой рукописи, был переломным в истории болгарского языка, когда в народных говорах формировались черты нового грамматического строя — аналитизма³⁰.

Памятники письменности (и в том числе «Норовская псалтырь»), хотя они и написаны на церковнославянском языке, представляют собой ценный источник для изучения процессов, происходивших в живом языке того времени. Работу над текстом «Норовской псалтыри», комментариями и указателями слов и форм предполагается завершить в 1974 г., печататься этот памятник будет в Болгарии, в издательстве БАН (ответственный редактор — чл.-корр. БАН проф. К. Мирчев).

В 1960 г. началось сотрудничество в области языкознания между Институтом славяноведения и балканистики АН СССР и Институтом лужицкого народоведения (г. Бауцен) при Центральном институте истории АН ГДР в Берлине. М. И. Ермакова и Л. Э. Калнынь приняли участие в работе над «Серболужицким диалектологическим атласом»; в период экспедиций 1960 и 1961 гг.³¹ они обследовали на территории Нижней Лужицы по специальной «Программе» («Fragenbogen für den regionalen sorbischen Dialektatlas, Bd. I, II. Bautzen, 1958—1959») 15 населенных пунктов (из 61). Собранный в них материал вошел в первые три тома указанного Атласа³².

Лингвистические наблюдения, сделанные М. И. Ермаковой и Л. Э. Калнынь в диалектологических экспедициях, послужили основой для написания ряда исследований. Упомянем прежде всего монографию Л. Э. Калнынь «Типология звуковых диалектных различий в нижнелужицком языке» (М., 1967), которая продолжает разработку теории звуковых диалектных различий впервые применительно к лужицкому языковому материалу³³, и многие ее статьи³⁴. Отметим также статьи М. И. Ермаковой по морфологическим проблемам нижнелужицкого языка³⁵, широко используется диалектный материал и в ее кандидатской диссертации «Из истории употребления простых форм прошедшего времени в серболужицких языках» (М., 1964 — рукопись; также — автореферат).

³⁰ См. монографию: Е. В. Чешко. История болгарского склонения. М., 1970.

³¹ Хроникальные заметки о них см. «Вестник АН СССР», 1961, № 2; КСИС, вып. 35, 1962.

³² «Sorbischer Sprachatlas». Bautzen, Bd. 1—1965; II — 1968; III — 1970. См. рецензии на атлас: А. Ž a r e b a. «Rocznik slawistyczny», XXX, Kraków, 1969; G. H. S t o n e. «The Slavonic and East European Review». London, 1969, № 47; А. Н а б о в š t i а к. «Slavica Slovaca». Bratislava, 1969, № 4; А. F r i n t a. Přehled lužickosrbškého kulturního života za rok 1965—1966, č. 9. Praha, 1967; Л. Э. К а л н ы н ь. «Советское славяноведение», 1967, № 2.

³³ Высокая оценка этого труда содержится в рецензиях: S. M i c h a l k. «Zeitschrift für Slawistik». Berlin, 1969, № 2; K. H e l t b e r g. Linguistics. The Hague — Paris, 1972, № 86.

³⁴ Л. Э. К а л н ы н ь. О фонологической системе одного из нижнелужицких говоров. В кн. «Studije k serbskeje dialektologiji». Bautzen, 1963; е е ж е. О нижнелужицком вокализме. В кн. «Серболужицкий лингвистический сборник», М., 1963 (далее — СЛС); е е ж е. Из истории нижнелужицкого вокализма. В сб. «Исследования по серболужицким языкам», М., 1970 (далее — Иссл.).

³⁵ М. И. Е р м а к о в а. Морфология и значение форм настоящего времени в нижнелужицком языке. В кн. СЛС; е е ж е. Двойственное число в серболужицких языках. В сб. Иссл.

Институт славяноведения и балканистики АН СССР издал два тематических сборника, посвященных различным проблемам серболужицкого языкознания (редактор обоих сборников — Л. Э. Калнынь)³⁶, в которых публикуются статьи как советских, так и лингвистов ГДР (З. Михалка, Р. Летча, Л. Эйхлера).

В мае 1966 г. в Берлине и Бауцене состоялась Международная конференция по сорабистике. В ней участвовали С. Б. Бернштейн, В. А. Дыбо, М. И. Ермакова. Позднее их доклады и выступления были напечатаны в сборнике «Beiträge zur sorbischen Sprachwissenschaft». Bautzen, 1968.

В 1960 г. было заключено соглашение о научном сотрудничестве АН СССР и АН ЧССР, касающееся создания однотомного Словаря старославянского языка. Основой его является картотека Чехословацкой АН (1,5 млн карточек), которая составлялась для большого трехтомного Словаря старославянского языка («Slovník jazyka staroslověnského», seš 1—24. Praha, 1956—1973) и отражает лексику 83 памятников славянской письменности X—XVI вв. Однотомный Словарь необходим славистам самых различных специальностей — от языковедов до этнографов; нужен он и студентам гуманитарных факультетов университетов и пединституты, где старославянский язык является обязательной дисциплиной. Этот Словарь задуман как общедоступное пособие, основанное вместе с тем на строгих научных принципах.

С чешской стороны в работу включились сотрудники словарного сектора Института славяноведения ЧСАН (руководитель — акад. И. Курц); советская сторона была представлена группой лексикографов Института славяноведения АН СССР, которую возглавлял С. Б. Бернштейн. В 1961 г. был написан, обсужден (в СССР и ЧССР) и принят проект будущего Словаря. Было решено, что в него войдут слова 15 памятников X—XI вв. так называемой болгаро-македонской и чехо-моравской редакций; была установлена структура Словаря и словарных статей, определены принципы и средства раскрытия значений слов³⁷. Инструкция по оформлению словарных статей утверждена в 1964 г. Чешские лингвисты (в Праге и Брно) должны были написать статьи первой половины Словаря (буквы А — О); в Институте славяноведения АН СССР готовилась вторая половина — от П до конца алфавита³⁸. В 1966 г. Р. М. Цейтлин опубликовала для широкого обсуждения рукопись Словаря на букву «Р» (в сборнике «Славянская лексикология и лексикография». М., стр. 227—268).

Позднее, однако, наступил значительный перерыв в работе. Она возобновилась лишь в 1973 г. В настоящее время в составлении Словаря принимают участие сотрудники Кабинета иностранных языков ЧСАН Э. Благова, С. Геродес, Л. Пацнерова и сотрудница Института славяноведения и балканистики АН СССР Р. М. Цейтлин (она же редактор статей, которые будут написаны чешскими лингвистами). Статьи, подготавливаемые Р. М. Цейтлин, редактируются Э. Благовой. Авторская работа должна быть завершена в 1978 г. Предполагается, что «Словарь языка старославянских памятников» будет издан в СССР.

В настоящее время осуществляется контакт между Академией наук СССР и Словацкой АН. Решением Научной коллегии по языкознанию САН

³⁶ Серболужицкий лингвистический сборник. М., 1963; «Исследования по серболужицким языкам», М., 1970. См. рецензии на сборники: Л. И. Ройзензон. «Slavia», роč. 35, Praha, 1966; Н. Фабеке. Lëtöpis Institutu za serbski ludospyt, 18. Bautzen, 1971; R. Lötzsche. «Zeitschrift für Slawistik», IX, Berlin, 1964.

³⁷ См. Р. М. Цейтлин. О принципах составления словаря старославянского языка. «Вопросы славянского языкознания», вып. 6. М., 1962, стр. 112 и сл.

³⁸ Хроникальные заметки о работе над этим трудом см. «Вестник АН СССР», 1964, № 6; КСИС, вып. 43, 1965.

сотрудник сектора языкознания нашего Института Л. Н. Смирнов утвержден рецензентом готовящегося в Словакии, в Институте языкознания им. Л. Штура САН, «Большого словацко-русского словаря» — «Vel'k ýslovensko-ruský slovník» (главный редактор — известный словацкий лексикограф Д. Коллар). Впервые будет составлен подобный академический двуязычный словарь. Предполагается издать четыре тома общим объемом около 300 а. л.³⁹ В текущем году Л. Н. Смирнов приступил к работе над рукописью первого тома (буквы А — К), который должен быть сдан в печать в конце 1974 г.

В плане сотрудничества академий социалистических стран следует рассматривать и работу по составлению аннотированной библиографии, которая ведется в Институте славяноведения и балканистики АН СССР с 1956 г. в соответствии с решением Международного комитета славистов, принятом в 1955 г. на заседании в Белграде. Учитываются все издаваемые в СССР труды по южно-, западно- и восточнославянским языкам (с 1964 г. — за исключением русского, поскольку теперь это делают сотрудники Института русского языка АН СССР). Библиографию славистической литературы регулярно печатает польский журнал «Rocznik Slawistyczny» (Краков), являющийся международным библиографическим органом по языкознанию (главный редактор — проф. Ф. Славский); опубликованы данные о книгах, вышедших из печати в 1953—1971 гг.⁴⁰

До 1963 г. библиографическую работу выполняла специальная группа, ее возглавляли Г. К. Венедиктов (1956—1957 гг.) и И. Е. Можаяева (1958—1963 гг.). В настоящее время в нашем Институте это важное направление научной деятельности обеспечивает И. Е. Можаяева. Ежегодно ею аннотируется 400—500 книг и статей из журналов, сборников и других периодических изданий (типа «Ученых записок»), авторефератов диссертаций, обзоров, рецензий.

В последнее время определелось еще одно направление совместной работы Института славяноведения и балканистики АН СССР и языковедческих учреждений академий социалистических стран. Речь идет о создании большого коллективного труда — «Общекарпатского диалектологического атласа» (ОКДА), целью которого является изучение проблем интерференции языков и диалектов карпатского ареала. Решение о работе над Атласом принято на Международном симпозиуме по проблемам карпатского языкознания (Москва, 1973 г.), в котором активное участие приняли лингвисты НРБ, ВНР, ГДР, ПНР, ЧССР⁴¹. Научная значимость, актуальность этой темы подчеркнута и в решениях VII Международного съезда славистов (Варшава, август 1973 г.). Признано необходимым разрабатывать эту проблематику совместными усилиями диалектологов-карпатоведов всех стран указанного региона. Основная задача ближайших лет (до 1976 г.) — создание локальных вопросников (по отдельным языкам и диалектам зоны Карпат), а затем и общей программы-вопросника ОКДА. Далее два года отводится на сбор материала (1977—1978) и один — на картографирование (1979). От СССР в работе над Атласом принимают участие сотрудники нашего Института, Института языка и литературы АН МССР, Ужгородского и других университетов (руко-

³⁹ Проект этого Словаря опубликован в журнале «Slavica Slovaca». 1972, № 1, s. 3—22.

⁴⁰ Часть указанной библиографии (за 1956—1960 гг.) вошла в книгу: И. Е. Можаяева. Славянское языкознание. Библиографический указатель литературы, изданной в СССР с 1918 по 1960 г., ч. 2. 1956—1960. М., 1963.

⁴¹ Хронике об этом симпозиуме см. «Лимба ши литература молдовеняскэ», 1973, № 3; «Советское славяноведение», 1973, № 6. К симпозиуму были изданы тезисы докладов: «Симпозиум по проблемам карпатского языкознания (24—26 апреля 1973 г.)». М., 1973.

водитель советского коллектива — С. Б. Бернштейн), от ПНР, ЧССР — сотрудники ряда академических учреждений и университетов (Краковского, Братиславского), сотрудники Института языкознания АН ВНР, а также Института болгарского языка БАН.

По линии сотрудничества Академии наук СССР и академий социалистических стран идет и подготовка научных кадров, повышение их квалификации. Так, в 1968—1971 гг. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР училась в аспирантуре преподаватель филологического факультета Софийского университета им. К. Охридского Р. Павлова (научный руководитель — Е. В. Чешко). В июне 1971 г. состоялась защита ею кандидатской диссертации на тему «Сопоставительное исследование конструкций с предлогами причинного значения в болгарском и русском современных литературных языках»⁴².

В декабре 1972 г. сотрудник сектора славянского языкознания нашего Института Л. Н. Смирнов защитил в Институте языкознания им Л. Штура САН в качестве диссертации на соискание степени доктора филологических наук свою монографию «Глагольное видообразование в современном словацком литературном языке» (М., 1970)⁴³, официальными оппонентами были чл.-корр. САН проф. Й. Ружичка, д-р филол. наук проф. Й. Мистрик, д-р филол. наук проф. Ф. Мико, д-р филол. наук Я. Оравец⁴⁴.

Одной из важных задач Института является дальнейшее развитие сотрудничества с научными учреждениями социалистических стран на двусторонней и многосторонней основе.

⁴² Об этом см. «Советское славяноведение», 1972, № 2.

⁴³ Книга Л. Н. Смирнова получила высокую оценку словацких лингвистов; см. опубликованные до настоящего времени рецензии: J. O r a v e c. «Slovenská reč», Bratislava, 1971, № 3; E. S e k a n i n o v á. «Jazykovédny časopis», Bratislava, 1971, № 2; F. M i k o. «Slavica Slovaca», Bratislava, 1973, № 3.

⁴⁴ Хронику о защите см. «Советское славяноведение», 1973, № 4, См. также.: Věstník ČSAV, Praha, 1973, čís. 6.

В. МАРБИНА

АГРАРНО-КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В ПОЛИТИКЕ КОММУНИСТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ

Проблема отношений рабочего класса с крестьянством, союза двух этих классов является одной из краеугольных в марксизме-ленинизме. К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин научно обосновали, что рабоче-крестьянский союз под руководством рабочего класса является необходимым условием победы социалистической революции и упрочения диктатуры пролетариата. Называя этот союз альфой и омегой Советской власти, В. И. Ленин писал, что в нем равно заинтересованы как пролетариат, так и крестьянство: «Грудящимся массам деревни нет спасения иначе, как в союзе с коммунистическим пролетариатом, в беззаветной поддержке его революционной борьбы за свержение ига помещиков (крупных землевладельцев) и буржуазии.

С другой стороны, промышленные рабочие не могут выполнить своей всемирно-исторической миссии освобождения человечества от гнета капитала и от войн... без внесения классовой борьбы в деревню, без объединения трудящихся масс деревни вокруг коммунистической партии городского пролетариата, без воспитания первых последним»¹.

В. И. Ленин подчеркивал, что руководство рабочего класса, его партии является важнейшим условием формирования и укрепления союза пролетариата с крестьянством.

Особенно велико значение этого союза в тех странах, где крестьянство составляет большинство населения. К таким странам накануне второй мировой войны относились и все государства Центральной и Юго-Восточной Европы, за исключением Чехословакии и Германии. Данная статья представляет собой попытку проследить формирование аграрно-крестьянских требований коммунистических партий стран рассматриваемого региона между двумя мировыми войнами, а также показать их взаимоотношения с традиционно крестьянскими и псевдокрестьянскими партиями этих стран.

Ленинское учение о союзе пролетариата и крестьянства было принято как руководство к действию всеми рабочими партиями, объединившимися в Коммунистический Интернационал, в том числе и партиями стран Центральной и Юго-Восточной Европы. В 5-м пункте Условий приема в III Коммунистический Интернационал говорилось: «Рабочий класс не может закрепить свою победу, не имея за собой хотя бы части сельских

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 169—170.

батраков и беднейших крестьян и не нейтрализовавши своей политикой часть остальной деревни. Коммунистическая работа в деревне приобретает в настоящую эпоху первостепенное значение... Отказ от этой работы или передача ее в ненадежные полуреформистские руки равносильна отказу от пролетарской революции»². С помощью Коминтерна и В. И. Ленина, уделявшего постоянное внимание работе коммунистов среди непролетарских трудящихся масс, компартиям Болгарии, Венгрии, Германии, Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии удалось постепенно занять правильные позиции в крестьянском вопросе и приступить к налаживанию рабоче-крестьянского союза.

В феврале 1921 г. во время встречи с Г. Димитровым В. И. Ленин, рекомендуя болгарским коммунистам сосредоточить внимание на укреплении компартии и организации самого рабочего класса, одновременно подчеркивал необходимость создания союза рабочих и крестьян, главным образом крестьянской бедноты и середняков³. В мае 1921 г. на III съезде Болгарской коммунистической партии (БКП) союз рабочего класса с крестьянством был провозглашен необходимым и обязательным условием победы социалистической революции в Болгарии. Основатель партии Д. Благоев в своем докладе указал, что в своей политике по отношению к крестьянам болгарские коммунисты должны использовать богатый уроками опыт русской революции⁴.

В специально принятой съездом резолюции содержались основные положения аграрной политики болгарских коммунистов. Подчеркнув, что пролетарии и полупролетарии являются теми слоями деревенского населения, которые можно полностью приобщить к борьбе городского пролетариата, съезд признал и революционные возможности мелких сельских собственников, указав, что при определенных условиях средние крестьяне могут стать союзниками пролетариата, резервом революции. В резолюции указывалось, что вся земля станет общенародным фондом, общенародной собственностью и будет передана тем, кто ее обрабатывает. Особо отмечалось, что после прихода к власти коммунистическая партия «будет отдавать предпочтение советским хозяйствам, крестьянским земельным кооперативам, крестьянским земельным коммунам... будет стремиться убеждать бедняков и середняков... объединяться и переходить к общественной обработке земли»⁵.

Выдвижение лозунга о национализации земли как первом шаге революции не могло в условиях глубоко укоренившихся мелкособственнических традиций в Болгарии способствовать сплочению широких масс трудящегося крестьянства вокруг партии и поэтому было ошибочным⁶.

II съезд Коммунистической рабочей партии Польши (сентябрь — октябрь 1923 г.) призвал к созданию единого рабочего фронта, союза рабочего класса, крестьянства и угнетенных национальностей при руководящей роли рабочего класса, к совместной борьбе за свержение буржуазно-помещичьего строя, за рабоче-крестьянскую власть⁷. Решение, принятое съездом, гласило, что союз рабочего класса с крестьянством является условием победы пролетарской революции. Выдвинув лозунг «Земля — крестьянам», партия намечала конфискацию всей помещичьей, церковной и прочей земли и передачу ее в распоряжение крестьянских

² Там же, стр. 206—207.

³ «История Болгарской коммунистической партии». М., 1971, стр. 240.

⁴ Д. Б л а г о е в. Съчинения, т. 19. София, 1963, стр. 161.

⁵ «БКП в резолюции и решения на конгресите, конференциите, пленумите и Политбюро на ЦК», т. II. София, 1957, стр. 137—142.

⁶ «История Болгарской коммунистической партии». М., 1971, стр. 238.

⁷ «Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк». М., 1969, стр. 203.

советов, состоящих из представителей трудящихся слоев деревни⁸. Большинство съезда пришло к выводу, что в условиях Польши трудящееся крестьянство можно завоевать как целое и «повести против шляхты и поддерживающего ее немногочисленного слоя деревенских богачей»⁹. Считая, что нужды беднейшей части деревни должны быть удовлетворены прежде всего, большинство делегатов высказалось за передачу части земли среднему крестьянству (хотя конкретных обещаний в этом плане дано не было), за всестороннюю экономическую помощь хозяйствам середняков¹⁰.

Первые целенаправленные попытки установить боевой союз рабочего класса и крестьянства сделали болгарские и польские коммунисты во время Сентябрьского антифашистского восстания в Болгарии и ноябрьской всеобщей забастовки и Краковского вооруженного выступления в Польше в 1923 г. Однако эти попытки окончились неудачей: сказалась недостаточная организованность компартий, непрочность их связей с широкими массами трудящихся, неизжитые еще ошибки в крестьянском вопросе. Исполком Коминтерна, оценивая вооруженное выступление в Кракове, отмечал что «союз рабочего и крестьянина, запечатленный кровью в Кракове, — главное условие победы польской революции, таков главный урок, извлекаемый из краковских событий, такова основная задача коммунистов»¹¹.

Отголоски социал-демократизма в крестьянском вопросе, недооценка революционных возможностей крестьянства были подвергнуты критике на II съезде Коммунистической партии Чехословакии (октябрь — ноябрь 1924 г.). Съезд подчеркнул необходимость революционного решения аграрного вопроса по русскому образцу, т. е. путем конфискации всей земли крупных землевладельцев и передачи ее трудящимся крестьянам. Он поставил задачу развернуть борьбу за непосредственные требования трудящихся крестьян и укрепить в этой борьбе союз пролетариата с крестьянством¹².

Действовавшая после подавления Венгерской Советской Республики в труднейших условиях подполья Коммунистическая партия Венгрии уделила значительное внимание вопросу о работе среди крестьянства на своем I съезде в августе 1925 г. в Вене. Съезд констатировал, что борьба за укрепление союза рабочего класса и трудящегося крестьянства является одной из основных задач венгерских коммунистов. Важнейшим пунктом программы, одобренной съездом, была конфискация помещичьей земли и наделение ею неимущих крестьян¹³. Требование конфискации помещичьих и церковно-монастырских имений размером свыше 100 хольдов и безвозмездной передачи земли трудящимся крестьянам и батракам содержалось и в программе Социалистической рабочей партии Венгрии, действовавшей в тесном контакте с компартией и являвшейся легальной революционной партией рабочего класса¹⁴.

Крестьянский вопрос в 20-е годы стоял на повестке дня всех коммунистических партийных форумов Югославии. Еще на объединительном съезде в апреле 1919 г. было выдвинуто требование искоренения феодальных пережитков, существовавших в югославской деревне, изъятия без компенсации земли у феодальных собственников, бесплатной передачи

⁸ И. С. Я ж б о р о в с к а я. Коммунистическая партия Польши и идеи Октября. М., 1967, стр. 290.

⁹ H. S l a b e k. Polityka agrarna PPR. Warszawa, 1967, s. 105—106.

¹⁰ Ibid., s. 109.

¹¹ «Коммунистический Интернационал...», стр. 204.

¹² «Dejiny KSC», Bratislava, 1961, s. 199—200.

¹³ «История Венгрии», т. III, М., 1972, стр. 233.

¹⁴ Там же, стр. 232, 237.

ее крестьянству и оказания материальной помощи деревне¹⁵. Эти требования, уточненные и конкретизированные, выдвигаются и на всех последующих съездах и конференциях КПЮ, а также на учредительной конференции Независимой рабочей партии Югославии в январе 1923 г.¹⁶

Итак, молодые коммунистические партии стран Центральной и Юго-Восточной Европы, поддерживаемые Коминтерном, в 20-е годы сделали первые шаги в борьбе за создание рабоче-крестьянского союза. Все они признали необходимость союза пролетариата и крестьянства для победы коммунизма и восприняли учение о рабоче-крестьянском союзе как высшем принципе диктатуры пролетариата. Такое признание было в первую очередь следствием воздействия опыта Октябрьской революции и большевистской партии в России. Правильная постановка вопроса о важности втягивания широких крестьянских масс в революцию и руководства ими со стороны пролетариата, однако, еще не гарантировала успешного претворения этих положений в жизнь. Компартиям необходим был собственный опыт, чтобы прийти к всестороннему пониманию значимости рабоче-крестьянского союза для победы социализма и коммунизма.

Реализация теоретически правильных марксистских положений по аграрно-крестьянскому вопросу в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в 20-е годы затруднялась рядом обстоятельств. Коммунистические партии были еще слабы в идейном и организационном отношении и только становились на путь большевизации. Как и Коммунистический Интернационал, они вели в этот период борьбу против правого оппортунизма и «ультралевых» уклонов. Фракционная борьба, которая тогда имела место в руководстве всех коммунистических партий стран рассматриваемого региона, зачастую мешала претворению в жизнь и тех правильных решений, в том числе и по крестьянскому вопросу, которые принимались партиями под воздействием их боевых революционных сил. Связи компартий с массами затруднялись вследствие того, что в большинстве названных стран им приходилось действовать в условиях жестокого террора и подполья.

Более благоприятные условия для установления рабоче-крестьянского союза сложились в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в начале 30-х годов. К этому времени ослабли надежды трудящихся крестьян на улучшение их положения в связи с проводимыми буржуазными правительствами аграрными реформами. В первые послевоенные годы господствующие классы стран Центральной и Юго-Восточной Европы, стремясь успокоить крестьянские массы, поднявшиеся на борьбу за землю, вынуждены были пойти на некоторые реформы в области аграрных отношений. Осуществление этих реформ, носивших весьма ограниченный характер, растянулось в некоторых странах на многие годы. Часть помещичьих земель (на практике значительно меньшая, чем по закону) была передана за выкуп крестьянам. Львиная доля при этом досталась зажиточным слоям деревни. Проведение аграрных реформ укрепило социальную базу буржуазии в деревне. Декретируя преобразование земельных отношений и обещая крестьянам улучшить их положение, буржуазия добилась усиления своего влияния на крестьянство.

Опыт решения земельного вопроса в межвоенное двадцатилетие в странах Центральной и Юго-Восточной Европы подтвердил, что национальная буржуазия этих стран, также как и российская буржуазия после февраля 1917 г., оказалась не способна на радикальные аграрные преобразования в интересах трудящегося крестьянства. Опасаясь рево-

¹⁵ D. B a j a l i c a. Komunistička partija Jugoslavije i «seljačko pitanje». Beograd, 1959, s. 19—20.

¹⁶ Ibid., s. 20.

люционных последствий глубокого вторжения в отношения частной собственности, она не решилась нанести окончательный удар помещичьему землевладению и в аграрном вопросе из политических соображений пошла на компромисс с крупными земельными собственниками.

Результаты послевоенных аграрных преобразований, проведенных в Польше, Чехословакии, Румынии, Венгрии, Болгарии, Югославии с благословения господствующих классов, показали трудящемуся крестьянству эфемерность его надежд на решение земельного вопроса в условиях буржуазно-помещичьего строя. Подпольная румынская коммунистическая печать характеризовала, например, аграрную реформу, проведенную в стране, как «хорошо продуманный акт румынской буржуазии, которая отдает сегодня то, что во всяком случае было бы отобрано у нее завтра, и готова отобрать завтра все, что она отдала из-за боязни»¹⁷.

Аграрный кризис 30-х годов, развернувшийся на фоне мирового экономического кризиса, вызвал в условиях неразрешенного земельного вопроса в странах Центральной и Юго-Восточной Европы быстрое обнищание трудящегося крестьянства и резкую его радикализацию. В деревнях поднималось крестьянское движение, усиливалась классовая борьба. Забастовочное движение пролетариата в городах дополнялось и поддерживалось крестьянскими выступлениями.

Коммунистические партии стран Центральной и Юго-Восточной Европы, к середине 30-х годов окрепшие идейно и организационно, приобретшие значительный опыт революционной борьбы, постепенно преодолевавшие и изживавшие в процессе большевизации свои оппортунистические и сектантские ошибки, практически становились на ленинские позиции в решении вопроса о взаимоотношениях с крестьянством.

Разработке крестьянского вопроса компартиями и активизации их деятельности в деревне способствовало принятие аграрной программы на VI конгрессе Коммунистического Интернационала. Особое внимание в программе уделялось внутренней структуре рабоче-крестьянского союза в странах с различными социально-экономическими условиями, земельному вопросу и формам работы коммунистов в деревне¹⁸. В. Коларов, один из виднейших теоретиков международного коммунистического движения того периода в области крестьянского вопроса, рассматривая взаимоотношения пролетариата и крестьянства в странах со средним уровнем развития капитализма и значительными остатками полуфеодальных отношений (а к ним он относил Польшу, Венгрию и все Балканские страны) и подчеркивая сложность этих отношений, писал, что на первом этапе революции, когда в большем или меньшем для разных стран объеме будут решаться вопросы буржуазно-демократического характера, пролетариат может идти со всем крестьянством. «В странах аграрных с значительными феодальными пережитками, — писал В. Коларов, — с успехом можно добиваться не только нейтрализации, но и привлечения среднего крестьянства, больших слоев его на сторону пролетариата». В условиях же мирового аграрного кризиса, чрезвычайно тяжело отразившегося на положении всего трудящегося крестьянства, в том числе и среднего, эта задача, считал В. Коларов, облегчается и для высокоразвитых капиталистических стран¹⁹.

Аграрная программа Коминтерна предусматривала экспроприацию без вознаграждения всей крупной земельной собственности, передачу

¹⁷ «Аграрный вопрос и национально-освободительное движение». «Проблемы мира и социализма», 1961, № 3, стр. 81.

¹⁸ «Аграрная программа Коммунистического Интернационала». М., 1928.

¹⁹ В. Коларов. Аграрная программа Коммунистического Интернационала. «Аграрный вопрос и современное крестьянское движение» вып. 1. М., 1935, стр. 13.

ее частично крестьянству, а частично в управление органов пролетарской диктатуры. «Доля передаваемых крестьянству земель, — писал В. Колларов, комментируя программу, — определяется как хозяйственной целесообразностью, так и необходимостью завоевать крестьянство на сторону пролетариата или нейтрализовать его. Во всяком случае должны быть переданы крестьянам те помещичьи земли, которые обрабатывались крестьянами»²⁰.

Говоря о национализации земли, В. Колларов подчеркивал, что «и в этом вопросе обеспечение победы революции есть высший закон». «В большинстве капиталистических стран, — писал он, — где частная собственность в силу исторических традиций укоренилась у широких слоев мелкого и среднего крестьянства, не может быть и речи о немедленной полной отмене частной собственности пролетарской властью. Подобное мероприятие лишь отбросило бы трудящихся крестьян от революции, лишь взорвало бы союз рабочих и крестьян. Поэтому программа Коммунистического Интернационала, признавая национализацию всей земли предпосылкой социализма, отодвигает ее проведение в жизнь на более поздний этап революции и лишь через ряд промежуточных ступеней, продельваемых под руководством пролетариата всем трудящимся крестьянством добровольно, по убеждению в их целесообразности»²¹.

Программа призывала пролетариат решительно защищать трудящихся деревни от всякого рода социального, политического и национального гнета, поддерживать массовую борьбу крестьян за улучшение их положения, возглавить эту борьбу, укреплять союз рабочего класса с крестьянством.

«В аграрных и аграрно-промышленных странах с крупными остатками феодализма на первом месте в деревне коммунисты ставят аграрный вопрос о земле, — писал В. Колларов, — .... Для капиталистических стран осью коммунистической работы в деревне служат налоговый вопрос, вопрос о ценах на промышленные товары и на сельскохозяйственные продукты, вопрос о фашизме и о войне»²².

Основной организационной формой мобилизации трудящихся деревни на защиту их требований программа Коминтерна считала крестьянские комитеты борьбы, выбираемые самими крестьянами. В. Колларов писал о необходимости самого серьезного внимания со стороны компартий к работе в массовых крестьянских организациях. «Создание широкого боевого единого фронта трудящихся деревни, — подчеркивал он, — на основе борьбы за частичные требования против фашизма и войны является основной тактической линией компартий в деревне»²³.

Опираясь на аграрную программу Коммунистического Интернационала и исходя из условий социально-экономического развития своих стран, коммунистические партии стран Центральной и Юго-Восточной Европы разработали свои программы в крестьянском вопросе.

В резолюции ЦК БКП о положении в Болгарии и задачах БКП, предварительно одобренной Политсекретариатом ИККИ и опубликованной в феврале 1933 г., определялись движущие силы и характер назревавшей в стране революции. Подчеркивалось, что Болгария относится к числу стран со средним уровнем капиталистического развития, что ее своеобразие по сравнению со странами того же типа заключается в ее аграрной социально-экономической структуре, отсутствии помещичьего землевладения, ликвидации с освобождением от турецкого ига.

²⁰ Там же, стр. 18.

²¹ Там же, стр. 19.

²² Там же, стр. 22—23.

²³ Там же, стр. 27.

Охарактеризовав предстоявшую в Болгарии революцию как пролетарскую, в ходе которой должны будут осуществляться и некоторые буржуазно-демократические преобразования, резолюция определила ее движущие силы: пролетариат в союзе с беднейшим крестьянством, привлекающие на свою сторону широкие массы среднего крестьянства²⁴.

Выдвинутые в резолюции лозунги, касающиеся крестьянства, были в основном тождественны требованиям, включенным в программу действий БКП в деревне, принятую на II очередной нелегальной конференции партии в конце 1927 — начале 1928 г. в Берлине: борьба против ограбления деревни крупными землевладельцами, ростовщиками и банкирами, широкий и дешевый кредит для мелких производителей, широкое развитие кооперативного движения при всесторонней поддержке государства, уничтожение косвенных налогов на предметы первой необходимости и массового потребления. И в резолюции II нелегальной конференции БКП, и в февральской резолюции 1933 г. ЦК БКП было выдвинуто требование экспроприации земли у крупных землевладельцев, церквей и монастырей. Но если в первой предполагалась ее бесплатная передача безземельным и малоземельным крестьянам, то во второй говорилось о разделе земли между трудящимися и эксплуатируемыми крестьянами²⁵.

БКП требовала также освобождения от налогов сельскохозяйственных рабочих и крестьян и снижения налогов, взимаемых с середняков; аннулирования долгов сельскохозяйственного пролетариата, бедного и среднего крестьянства банкам и ростовщикам; прекращения принудительной продажи имущества трудящихся крестьян в уплату за долги и т. д.²⁶.

Работа венгерских коммунистов в начале 30-х годов по-прежнему проходила в обстановке террора и жестоких преследований. Связь заграничного ЦК БКП с революционным подпольем была чрезвычайно затруднена. II съезд партии, состоявшийся в феврале — марте 1930 г. под Москвой, принял программу, базировавшуюся на неправильной оценке соотношения классовых сил в стране, содержавшую явно нереальные положения и ориентировавшую БКП на установление диктатуры пролетариата как непосредственную задачу. Союз рабочего класса с крестьянством в этих условиях толковался как союз с беднейшим крестьянством²⁷. Однако в «Программе действия», принятой в 1932 г. и определявшей основные направления работы партии в деревне, наряду с разделами, в которых излагались требования в защиту сельскохозяйственных рабочих, деревенской молодежи, мелких арендаторов, имелся и раздел, специально посвященный защите интересов мелких и средних крестьян. Венгерские коммунисты призывали к немедленному и полному аннулированию всякого рода прямых и косвенных налогов, взимаемых с трудовых слоев деревни, в том числе и со среднего крестьянства, к немедленной отмене всех долгов и прекращению описи имущества мелких и средних крестьян. Они снова выдвинули лозунг экспроприации всего церковного и светского крупного землевладения со всем живым и мертвым инвентарем и безвозмездного его распределения между сельскохозяйственными рабочими, батраками, мелкими арендаторами, владельцами карликовых участков и середняками²⁸.

С конца 20-х годов начала преодолевать пассивность в своей работе в деревне и Коммунистическая партия Германии. XII съезд партии (июнь

²⁴ «БКП в резолюции и решения...», т. III, стр. 431—432.

²⁵ Там же, стр. 224, 434.

²⁶ «Аграрный вопрос и крестьянское движение», т. II. М., 1936, стр. 153.

²⁷ «История Венгрии», т. III, стр. 263—264.

²⁸ «Аграрный вопрос и крестьянское движение», т. I, стр. 132—133.

1929 г.) принял решение об улучшении работы среди крестьян. В начале 30-х годов немецкие коммунисты также связывали решение крестьянского вопроса с победой социалистической революции в Германии. Об этом, в частности, свидетельствовали выступление Э. Тельмана перед ольденбургскими крестьянами в мае 1931 г. и воззвание ЦК КПГ в мае 1934 г., в котором были сформулированы основные требования компартии по аграрному вопросу. КПГ выступала за конфискацию всех крупных помещичьих, монастырских, церковных и прочих земель и безвозмездное предоставление их со всем принадлежавшим им инвентарем в свободное пользование крестьянам и сельскохозяйственным рабочим. Она высказывалась за аннулирование долгов мелких и средних крестьян, за отмену прямых налогов для мелких крестьян и снижение их для середняков, за отмену арендной платы помещикам, за государственную помощь трудящимся крестьянам и т. д.²⁹

VI съезд Коммунистической партии Польши (ноябрь 1932 г.) отказался от ряда ультралевых решений по крестьянскому вопросу, принятых в предыдущие годы. Исходя из тезиса, что предстоящая социалистическая революция в Польше призвана осуществить и задачи буржуазно-демократической революции, съезд считал, что «пролетариат может повести за собой к революции, против буржуазии и помещиков, широчайшие массы эксплуатируемых и угнетенных города и деревни»³⁰. В программе съезда подчеркивалось, что вследствие разорения среднего крестьянства пролетарская революция в Польше имеет возможность привлечь преобладающую часть середняков, нейтрализуя остальные середняцкие элементы³¹. Задачи пролетарской диктатуры в области сельского хозяйства определялись в программе следующим образом: 1) немедленная конфискация в пользу трудящегося крестьянства и сельхозрабочих и передача в распоряжение советов рабочих и крестьянских депутатов всех крупных земельных владений (как частных, так и церковных, монастырских и т. д.). Конфискация всего производственного имущества крупных земельных владений, включая постройки, машинное оборудование и мертвый и живой инвентарь; 2) передача крестьянам конфискованных земель, особенно тех, которые они обрабатывали; 3) передача части крупных имений, в особенности имеющих характер промышленно-аграрных хозяйств или большое экономическое значение, в управление органов пролетарской диктатуры, а также организация советских хозяйств; 4) запрещение всякой купли-продажи земли в целях борьбы с захватом крестьянской земли капиталистами, кулаками, спекулянтами. Предусматривались борьба с ростовщиками, аннулирование всех долгов эксплуатируемых слоев крестьянства, освобождение от налогов беднейших крестьян, широкие государственные мероприятия для поднятия производительных сил сельского хозяйства, поддержка и финансирование сельскохозяйственной кооперации и т. д.³²

V съезд Румынской компартии (декабрь 1931 г.) пришел к выводу, что Румыния стоит перед завершением буржуазно-демократической революции, которая быстро перерастет в революцию социалистическую. Он выработал политическую линию партии по аграрному вопросу. Одной из главных стратегических задач партии была признана борьба за создание боевого союза рабочего класса, трудового крестьянства и трудящихся

²⁹ Там же, стр. 95—96.

³⁰ «Программа Коммунистической партии Польши». В кн. Б. Б р о к о в с к и й. Коммунистическая партия Польши. Минск, 1935, стр. 54.

³¹ Там же, стр. 68.

³² Там же, стр. 61—62.

угнетенных национальностей при гегемонии пролетариата и руководящей роли коммунистической партии.

«В борьбе за завершение буржуазно-демократической революции, — говорилось в программе, — пролетариат опирается в деревне на пролетарские и полупролетарские элементы, ведет за собой бедняцкие и основные середняцкие слои крестьянства как союзника, парализует влияние буржуазно-помещичьих и мелко-буржуазных партий на основные массы крестьянства и ведет борьбу с деревенской буржуазией (кулачеством) за руководство основными массами крестьянства»³³.

Чтобы объединить трудящееся крестьянство вокруг Коммунистической партии, считал съезд, следует в первую очередь решительно бороться против всех ошибок, допущенных ранее партией в крестьянском вопросе. К таким относились лозунги о проведении немедленной коллективизации в Румынии, о национализации и экспроприации всей земли и др.³⁴

Одним из основных требований компартии Румынии было изъятие всех коронных, помещичьих и церковно-монастырских земель вместе с инвентарем без выкупа, наделение ими безвозмездно сельскохозяйственных рабочих, бедных и беднейших крестьян и середняков.

В программе КПП содержались также требования отмены уплаты долгов и налогов, оказания помощи мелким крестьянам, удовлетворения насущных нужд и улучшения условий труда сельскохозяйственного пролетариата и т. д.³⁵

Считая всемерную поддержку борьбы крестьян и руководство ею одной из основных задач партии, съезд нацеливал на усиление связей с деревней, укрепление сети партийных и комсомольских организаций на селе. Он рекомендовал создавать крестьянские комитеты как органы действия всех трудящихся крестьян, независимо от их партийной принадлежности³⁶.

V (1929 г.) и особенно VI (1931 г.) съезды Коммунистической партии Чехословакии подвергли резкой критике ошибки партии в крестьянском вопросе. VI съезд принял «Тезисы по аграрному вопросу», явившиеся, по существу, первой аграрной программой КПЧ. В этот период чехословацкие коммунисты связывали решение крестьянского вопроса с социалистической революцией и установлением диктатуры пролетариата. Предполагалось, что революция решит и некоторые задачи буржуазно-демократического характера в деревне³⁷. Центральным программным лозунгом партии в аграрном вопросе стало безвозмездное отчуждение всех помещичьих, церковных, государственных и общинных земель и их передача в руки трудящегося крестьянства. В тезисах, правда, упоминалось о пролетарской национализации земли, но ни в одном из последующих довоенных документов компартии, касающихся аграрного вопроса, этот лозунг не повторялся³⁸.

Одновременно КПЧ боролась за удовлетворение частичных требований трудящегося крестьянства: отмену всех прямых налогов, взимаемых с полупролетариев и мелких крестьян, снижение их для средних крестьян; аннулирование всех долгов указанных слоев деревни; передачу всякого рода арендованных земель в бесплатное пользование мелким арендаторам;

³³ «Пятый съезд Румынской коммунистической партии». М., 1932, стр. 29.

³⁴ Там же, стр. 101.

³⁵ Там же, стр. 107—112.

³⁶ Там же.

³⁷ «Za chléb, práci, půdu a svobodu. Sbornik dokumentů k II, III, IV, V svazku spisů K1, Gottwalda». Praha, 1954, s. 152.

³⁸ Ibid., s. 156.

бесплатное за счет государства и крупных землевладельцев социальное страхование, страхование от стихийных бедствий и падежа скота для мелких земледельцев и т. д.³⁹

В тезисах по аграрному вопросу подчеркивалось значение прочного союза рабочего класса с трудящимся крестьянством.

Внутренняя структура этого союза определялась следующим образом: основной и ведущей силой является городской промышленный пролетариат, руководимый коммунистической партией; его непосредственная опора — весьма многочисленный сельскохозяйственный пролетариат и рабочие, живущие в деревне; его ближайший союзник — деревенский полупролетариат и мелкое крестьянство; его возможный союзник — часть среднего крестьянства, особенно пострадавшая от аграрного кризиса; по отношению к остальной части среднего крестьянства предполагалось проведение политики нейтрализации⁴⁰.

Коммунистическая партия Югославии, вынужденная, особенно после установления королевской диктатуры в 1929 г., действовать нелегально, потерявшая вследствие репрессий значительную часть своих кадров и допустившая в крестьянском вопросе оппортунистические и левосектантские ошибки, в конце 20-х годов значительно ослабила свои связи с деревней. Неудовлетворительность работы партии на селе была отмечена еще на III съезде КПЮ в Вене (май 1926 г.) и подвергнута резкому осуждению на IV съезде в Дрездене (ноябрь 1928 г.).

«Всей партии следует осознать, — говорилось на IV съезде, — что важнейшим вопросом сегодняшнего дня является борьба между буржуазией и пролетариатом за крестьянство... Партия может создать союз пролетариата и крестьянства только тогда, когда углубит и расширит свою работу в деревне, мобилизует крестьянские массы на борьбу за конкретные частные требования и свяжет эту борьбу с борьбой за рабоче-крестьянскую власть»⁴¹.

Главным лозунгом коммунистов в деревне, как писала в 1930 г. газета «Пролетер», по-прежнему было отчуждение всей земли, живого инвентаря и сельскохозяйственных машин у крупных земельных собственников, церквей и монастырей без какого-либо вознаграждения и передача их малоземельным крестьянам и сельскохозяйственным рабочим. Компартия выступала также за аннулирование долгов трудящихся крестьян ростовщикам, банкам и ипотечным учреждениям и неуплату налогов⁴².

В «Программе действия в деревне», принятой КПЮ в 1934 г., указывалось, что поднимающееся в стране крестьянское и национальное движение носит буржуазно-демократический характер⁴³.

Таким образом, все коммунистические партии стран Центральной и Юго-Восточной Европы в начале 30-х годов сделали решительный поворот в сторону правильных взаимоотношений с крестьянством. Если в начале своего существования они теоретически признавали необходимость создания союза рабочего класса и крестьянства, то теперь этот вопрос был практически поставлен на повестку дня. Объективная возможность рабоче-крестьянского союза превращалась в действительность по мере того, как коммунистические партии на деле усваивали значение этого вопроса для революционной борьбы пролетариата. Это не означает, что в дальнейшем решение указанной задачи шло гладко, без всяких осложнений, что все уже было понятно и окончательно выяс-

³⁹ Ibid., s. 158.

⁴⁰ Ibid., s. 153.

⁴¹ D. B a j a l i c a. Komunistička partija..., s. 21. 27.

⁴² Ibid., s. 27.

⁴³ «Аграрный вопрос и крестьянское движение», т. II стр. 195.

нено. Оставалась еще масса неразрешенных и даже не поставленных проблем. Но важно было то, что пролетариат стран Центральной и Юго-Восточной Европы под руководством своих коммунистических партий сделал важные практические шаги в деле отвоевания крестьянских масс у буржуазии и привлечения их на сторону революции.

Все коммунистические партии в тот период выдвинули требование конфискации крупного землевладения и бесплатной передачи земли трудовым слоям деревни. Борьба за реализацию этого требования увязывалась с борьбой за конкретные частичные требования крестьянства.

Большинство компартий считали, что в предстоящей пролетарской революции, призванной решить и задачи буржуазно-демократического характера, союзником пролетариата могут выступить не только беднейшие слои деревни, но и основная масса середняков.

Во второй половине 30-х годов аграрные программы коммунистических партий были уточнены с учетом задач, которые встали в связи с необходимостью мобилизации широких народных масс на борьбу против угрозы фашизма и войны. Большую помощь в этот период оказал компартия VII конгресс Коминтерна и его решения. Выступая на конгрессе, Генеральный секретарь ИККИ Г. Димитров говорил: «В деле мобилизации трудящихся масс на борьбу с фашизмом особо важной задачей является создание *широкого народного антифашистского фронта* на базе *пролетарского единого фронта*. Успех всей борьбы пролетариата тесно связан с установлением боевого союза пролетариата с трудящимся крестьянством и основной массой городской мелкой буржуазии, составляющими большинство населения даже промышленно развитых стран»⁴⁴. «Основное, самое решающее для установления антифашистского народного фронта, — продолжал Г. Димитров, — это *решительное выступление революционного пролетариата* в защиту требований этих слоев, и в частности, трудящегося крестьянства, требований, которые идут по линии коренных интересов пролетариата при сочетании в процессе борьбы требований рабочего класса с этими требованиями»⁴⁵. О важности организации борьбы за выполнение самых насущных экономических и политических требований трудовых крестьянских масс говорили также в своих выступлениях К. Готвальд, В. Коларов, Ю. Ленский, представлявшие компартии Чехословакии, Болгарии, Польши⁴⁶.

Позиции Коминтерна по вопросу отношения пролетарских партий к крестьянству в этот период раскрыты также в выступлении Г. Димитрова на заседании комиссии Секретариата ИККИ по голландскому вопросу в декабре 1937 г. В выступлении был сформулирован ряд принципиальных положений о политике и тактике коммунистов в борьбе по антифашистский Народный фронт. Затрагивая крестьянский вопрос, Г. Димитров говорил: «...наша партия как партия рабочего класса должна вести крестьянскую политику, отвечающую общим интересам пролетариата и крестьянства... на основе анализа положения рабочего класса и крестьянства нужно сформулировать общие требования рабочего класса и трудящегося крестьянства, мелких и средних крестьян в области производства, торговли, финансов, кооперативов, культуры, внешней политики и т. д. Мы должны поставить эти общие интересы на первый план. Это мост между рабочими и крестьянами. Это материальная основа для союза политического характера и совместного выступления рабочего класса и крестьянства.

⁴⁴ Г. Д и м и т р о в. Избранные произведения, т. I. София, 1967, стр. 633.

⁴⁵ Там же, стр. 634.

⁴⁶ «Коммунистический интернационал...», стр. 406.

Далее следуют специфические интересы и требования крестьянских масс. Мы должны решительно выступать в защиту этих интересов во всех областях... Если мы будем вести правильную политику в этой области, то мы приобретем тысячи новых друзей среди крестьян. Они будут искать нас и пытаться установить с нами связь»⁴⁷.

В аграрные программы компартий в этот период были внесены коррективы, нацелившие партии на тесную связь с широкими слоями трудящегося крестьянства, преодоление всяких проявлений сектантства в этом вопросе. Примером может служить «Программа спасения мелкокрестьянского и сельского люда», разработанная КПЧ в 1935 г., «План экономического, социального и культурного подъема Словакии», принятый в 1937 г., и другие документы чехословацкой компартии второй половины 30-х годов. В Программе излагались насущные нужды и требования деревни, которые можно и нужно было осуществить немедленно. Компартия предложила пересмотреть прежде всего в интересах трудовых слоев деревни вопрос ликвидации задолженности крестьянства, о перестройке налоговой системы по принципу «пусть платят богатые!», об изменении политики цен, о производственной помощи трудящимся крестьянам за счет прибылей крупной финансовой, промышленной, торговой и аграрной буржуазии и т. д. Что касается аграрного вопроса, то под лозунгом «Безработным — работа, а бедным крестьянам — земля!» КПЧ потребовала разделить между беднейшими слоями деревни землю (174 000 га), предназначенную властями для поселения безработных промышленных рабочих⁴⁸.

О проведении последовательной парцелляции крупных землевладений говорилось и в Плате всестороннего подъема Словакии. Наряду с требованием завершения первой земельной реформы здесь выдвигался лозунг новой реформы, предусматривавшей раздел земельных владений свыше 50 га⁴⁹.

Создание широкого антифашистского фронта предполагало перенесение основного удара революционных сил в деревне с аграрной буржуазии как целого прежде всего на ее наиболее реакционные круги, которые наряду с промышленным, монополистическим и финансовым капиталом были носителем фашистских тенденций в Чехословакии. В «Программе защиты мелкокрестьянского и сельского люда» КПЧ выдвинула задачу привлечь все среднее крестьянство к борьбе против наступления фашизма и угрозы войны. Более того, стремясь нейтрализовать в этой борьбе сельскую буржуазию, Коммунистическая партия Чехословакии проводила дифференцированную политику по отношению к различным ее группам. Так, в ряде требований, выдвигаемых коммунистами, были учтены и интересы низших слоев кулачества (владельцев участков от 20 до 30 га земли, а в некоторых случаях и до 50 га)⁵⁰. Требования, с помощью которых можно было бы вовлечь широкие крестьянские массы в антифашистские фронты, выдвинули и другие коммунистические партии стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Правда, это не были столь обширные и подробно разработанные программы, как программа КПЧ. В Болгарии, Венгрии, Германии, Польше, Румынии, Югославии существовали в этот период фашистские или полуфашистские режимы, и деятельность компартий была, естественно, очень затруднена. Так, январский пленум 1935 г.

⁴⁷ «За единство демократических сил, против фашизма и войны. Новые документы Г. Димитрова». «Коммунист», 1972, № 8, стр. 33

⁴⁸ V. Plevza, L. Vebur, S. Sambel. KSC a roľnícká otázka na Slovensku (1921—1960). Bratislava, 1961, s. 329—331.

⁴⁹ Ibid., s. 353, 357.

⁵⁰ Ibid., s. 295, 326—327; K. Slivka. O niektorých otázkach politiky komunistickej strany v otázke zväzku robotníkov i roľníkov na Slovensku. «Slovenský filozofický časopis», 1956, № 2, s. 110.

ЦК БКП рекомендовал для создания широкого единого фронта выдвигать требования, в удовлетворении которых заинтересованы все трудящиеся⁵¹. В нелегально распространяемом осенью 1937 г. Воззвании к болгарским крестьянам компартия призывала обсуждать на крестьянских собраниях такие вопросы, как увеличение цен на сельскохозяйственные и снижение цен на промышленные товары, введение прогрессивно-подходящего налога, списание задолженности с бедняков, предоставление дешевого и легкодоступного кредита, уничтожение зависимости болгарской экономики от гитлеровской Германии и т. д.⁵²

IV общеюгославская конференция КПЮ (1935 г.), обращаясь к крестьянам, призывала их не платить долгов и налогов, отказываться от принудительных работ в помещичьих имениях, изгонять из сел экзекуторов-жандармов и фашистов, поддерживать забастовки рабочих, выступать вместе с рабочими против военно-фашистской диктатуры, против фашизма и подготовки войны⁵³. В директивах партии о работе в деревне, принятых в 1937 г., говорилось о необходимости обратить особое внимание на организацию и руководство борьбой трудящихся крестьян за удовлетворение их частичных требований⁵⁴. В июньско-июльском номере органа КПЮ «Пролетер» за 1940 г. была напечатана статья И. Б. Тито «За боевой союз рабочего класса и крестьянства». В ней говорилось, что важнейшей задачей партии в деревне является активизация и организация крестьянских масс в ходе борьбы за демократические и социальные права, за решение конкретных вопросов жизни бедных и средних крестьян, а также увязывание этой борьбы с революционной борьбой рабочего класса⁵⁵.

Большое внимание крестьянскому вопросу уделила V конференция КПЮ, состоявшаяся в октябре 1940 г. под Загребом. Она выдвинула лозунг создания народного правительства, опирающегося на рабоче-крестьянский союз⁵⁶. Конференция призвала коммунистов возглавить борьбу крестьян за бесплатный раздел крупнособственнических, церковных и государственных земель между малоземельными слоями деревни; за полную отмену налогов, взимаемых с беднейших крестьян, снижение их для средних крестьян и увеличение для сельских богачей и крупных землевладельцев; за предоставление беспроцентного кредита бедным крестьянам, снабжение их посевным материалом и дровами, аннулирование всех штрафов и т. д.⁵⁷.

Одним из центральных требований венгерских коммунистов в период борьбы за создание широкого народного антифашистского фронта по-прежнему была ликвидация крупного помещичье-капиталистического землевладения и наделение земель трудящихся крестьян⁵⁸. Компартия Польши в 1935 г. выступила за объединение трудящихся в борьбе против фашизма, рекомендовав выдвигать такие требования, достижение которых принесло бы немедленное облегчение положения народных масс⁵⁹.

Интересы широких слоев трудящихся защищала румынская коммунистическая партия, выдвинувшая в феврале 1935 г. требование создания народного фронта, способного преградить путь наступлению фашизма⁶⁰.

⁵¹ «История Болгарской коммунистической партии», стр. 380.

⁵² «Нелегални позиви на БКП». София, 1954, стр. 180—181.

⁵³ D. B a j a l i c a. Komunistička partija..., s. 28.

⁵⁴ Ibid., s. 30.

⁵⁵ S. D u r đ e v i ć. Jugoslavija uoči drugog svetskog rata i politika narodnog fronta. «Iz istorije Jugoslavije 1918—1945». Beograd, 1958, s. 324.

⁵⁶ «Преглед историје Савеза комуниста Југославије», Београд, 1963, стр. 294.

⁵⁷ «Преглед историје...», стр. 297.

⁵⁸ А. И. П у ш к а ш. Борьба за аграрные преобразования в Венгрии. 1944—1948. М., 1959, стр. 53.

⁵⁹ H. S t a b e k. Politika agrarna..., s. 159.

⁶⁰ «История Румынии», т. III, стр. 204.

Брюссельская партийная конференция Коммунистической партии Германии (октябрь 1935 г.) поставила в центр внимания борьбу за демократические права и свободу народа, за свержение гитлеровского правительства и создание коалиционного правительства единого рабочего фронта или антифашистского народного фронта. Бернская конференция КПГ (январь — февраль 1939 г.) сформулировала программу борьбы за германскую демократическую республику. Одним из основных ее требований было проведение демократической земельной реформы в интересах крестьян и батраков⁶¹.

VII Конгресс Коминтерна рекомендовал компартиям в целях вовлечения средних слоев в народный фронт вести работу во всех объединяющих их организациях и партиях, несмотря на то, что руководство этими организациями находилось в руках буржуазии. Учитывая неоднородность социального состава крестьянских партий и организаций и то обстоятельство, что основная масса их членов не знает действительного политического лица своего руководства, говорил в своем докладе на конгрессе Г. Димитров, коммунисты обязаны дифференцированно подходить к этим объединениям⁶².

Перед компартиями была поставлена задача привлекать крестьянские партии и организации или отдельные их группы на сторону антифашистского народного фронта. Независимо от того, имеются ли на это шансы, указывал Г. Димитров, «наша тактика *при всех условиях* должна быть направлена на то, чтобы втягивать входящих в них мелких крестьян, ремесленников, кустарей и т. п. в антифашистский народный фронт»⁶³.

Если в начале 30-х годов коммунистические партии стран Центральной и Юго-Восточной Европы оценивали крестьянские объединения как аграрно-фашистские, как главное препятствие на пути создания единого фронта трудящихся деревни, то во второй половине 30-х годов эти ошибочные взгляды были преодолены. К этому времени основная масса крестьянства стран рассматриваемого региона находилась под влиянием крестьянских партий, однако в результате разорения трудящихся деревни в годы аграрного кризиса, в результате их разочарования в политике крестьянских партий, многие из которых входили в число правящих, а также в результате изживания ошибок компартиями в крестьянском вопросе и активизации их работы начался процесс высвобождения некоторой части крестьянства из-под влияния руководства крестьянских партий, возглавляемых буржуазией. Наибольшее влияние в деревне имели Болгарский земледельческий народный Союз (БЗНС) в Болгарии, Партия мелких сельских хозяев (ПМСХ) в Венгрии, Народная партия (Стронництво людове — СЛ) в Польше, национал-царанистская партия в Румынии, Республиканская партия мелкокрестьянского и сельского люда (Аграрная партия) и Глинковская словацкая народная партия в Чехословакии, Земледельческий союз (Сербия) и Хорватская крестьянская партия (ХКП) в Югославии.

Социальная неоднородность и значительная классовая дифференциация деревни стран Центральной и Юго-Восточной Европы явились источником внутренних противоречий в крестьянских партиях этих стран; в них постоянно возникали различные политические фракции, течения, группировки, время от времени происходили большие и малые расколы⁶⁴.

⁶¹ О. В и н ц е р. 12 лет борьбы против фашизма и войны. Очерки по истории Коммунистической партии Германии в период с 1933 по 1945 г. М., 1956, стр. 88, 122—123; «Очерк истории немецкого рабочего движения», М., 1964, стр. 147, 151.

⁶² Г. Д и м и т р о в. Там же, т. II, стр. 634.

⁶³ Там же.

⁶⁴ М. М. Г о л а н о в и ч. Крах «Зеленого интернационала». М., 1967.

Уловив усилившееся к середине 30-х годов недоверие трудящегося крестьянства и стремясь не допустить ослабления своих позиций в деревне, буржуазное и мелкобуржуазное руководство многих крестьянских партий в демагогических целях радикализовало свои аграрные программы, а в странах с национально-неоднородным составом населения (например, в Чехословакии, Югославии) пыталось связать аграрные требования с установками националистического характера. Крестьянские партии проводили свою политику в деревне, опираясь на «теорию аграризма» — проповедуя идею общности интересов всех слоев крестьянства и подчеркивая антагонизм между деревней и городом, между крестьянством и городским пролетариатом.

В Болгарском земледельческом народном союзе в середине 30-х годов выделились три группировки. Крайне правое, профашистское крыло, безоговорочно поддерживало открытую военно-фашистскую диктатуру, установленную в Болгарии в 1934 г. Центр — «Врабча 1» — наиболее многочисленная и влиятельная группировка в БЗНС колебалась в своем отношении к режиму, предпочитая выжидательную позицию, хотя формально и причислялась к оппозиционным партиям. Наконец, левое течение («Пладне»), появившееся в БЗНС в 1932 г., высказывалось за единство действий с революционными силами в борьбе против фашизма и реакции.

В резолюции V пленума ЦК БКП, принятой в связи с фашистским переворотом в Болгарии в мае 1934 г., говорилось о необходимости обратиться с предложением о едином фронте в деревне как к массам — организованным и неорганизованным, — так и к местным организациям и руководству БЗНС. В резолюции подчеркивалось, что временные соглашения не исключаются даже с отдельными недовольными руководителями Союза⁶⁵.

Принципиальное взаимопонимание в вопросе антифашистского единого фронта было достигнуто в 1935 г. между БКП и БЗНС («Пладне»), который обратился к массам с призывом к общей борьбе против фашизма. БЗНС («Врабча 1») отверг предложения коммунистов о едином фронте⁶⁶.

БКП и в последующие годы обращалась к руководителям центра и левого крыла БЗНС с призывом крепить антифашистское единство, одновременно критикуя и разоблачая перед массами их колебания и непоследовательность в этом вопросе, склонность к сотрудничеству с фашистским режимом⁶⁷.

Венгерские коммунисты стремились сделать своим союзником в борьбе за народный фронт оппозиционную к хортистскому режиму Партию мелких сельских хозяев, в руководстве которой образовалось левое крыло, выступавшее с программой частичного решения аграрного вопроса в Венгрии путем раздела 3 млн хольдов земли за выкуп среди крестьян⁶⁸. Одновременно ВКП держала курс на сотрудничество с демократическим движением «Мартовский фронт», организованным молодыми писателями-народниками, увлеченными идеями «крестьянского социализма». Программа «Мартовского фронта», опубликованная в 1937 г., предусматривала раздел крупнопоместных земель, превышавших 500 хольдов. Один из руководителей ВКП И. Реваи оценивал эту программу накануне войны как самую демократическую крестьянскую программу в Венгрии⁶⁹. Левые представители «Мартовского фронта» высказывались за союз рабочего класса и крестьянства.

⁶⁵ «БКП в резолюции...», т. III, стр. 322.

⁶⁶ «История Болгарской коммунистической партии», стр. 400.

⁶⁷ См., например, открытое письмо ЦК БКП ко всем членам партии в январе 1938 г. «Нелегални позиции на БКП», стр. 203.

⁶⁸ А. И. П у ш к а ш. Борьба за аграрные преобразования..., стр. 60.

⁶⁹ Там же, стр. 62.

В 1939 г. народники создали национально-крестьянскую партию, отражавшую интересы бедноты и выступившую с радикальной аграрной программой⁷⁰. Коммунисты поддерживали эту партию, стремились к сотрудничеству с ней. Однако с середины 1940 г. НКП практически прекратила свою деятельность, т. е. из-за террора властей не смогла организационно укрепиться⁷¹.

В Польше коммунистическая партия рассчитывала на то, что сможет договориться о создании единого антифашистского фронта с партией «Стронництво людове», которая находилась в оппозиции к режиму «санации». В 1935 г. эта партия выступила против фашизма и войны, за демократические свободы, и выдвинула (в демагогических целях) требование конфискации помещичьих земель. Молодежная организация людовцев «Вици» предлагала более радикальное решение аграрного вопроса, чем партия. Она высказалась за передачу конфискованной помещичьей земли только безземельным и малоземельным крестьянам, признавала возможным коллективное ведение хозяйства. «Вици» заявила, что «в борьбе за новый социально-политический строй крестьянский класс естественным своим союзником считает рабочий класс», что «объединенное и солидарное усилие трудящихся деревни и города должно привести к низвержению нами фашизма и созданию на его развалинах нового экономического строя на основе социальной справедливости и всеобщего равенства»⁷².

Руководство СЛ ответило отказом на обращение КПП о создании антифашистского народного фронта. Оно заявило, что не может согласиться на сотрудничество с коммунистами, поскольку поддерживает существующий в Польше общественный строй⁷³. «Народный антифашистский фронт в Польше, — писал в марте 1936 г. один из руководителей КПП Ю. Ленский, — находится еще в зачаточном состоянии. Успехи его в деревне незначительны»⁷⁴.

Компартия Румынии, выдвинув в качестве основной задачи создание народного антифашистского фронта, указала на возможность единства действий с национал-царанистской партией. Эта партия была одной из тех, кто способствовал утверждению фашизма в Румынии, но в середине 30-х годов она перешла в оппозицию, чтобы восстановить доверие крестьянских масс. В 1935 г. она приняла новую партийную программу, провозгласившую борьбу за создание так называемого «крестьянского государства»⁷⁵. Усилившиеся в буржуазном руководстве партии правые элементы отказались участвовать в создании антифашистского народного фронта. Поэтому КПП встала на путь непосредственного сотрудничества с ее низовыми организациями. «Хотя руководители национал-царанистской партии и являются представителями части финансового капитала в Румынии... массы членов партии и сочувствующих настроены против фашизма и против эксплуатации финансового капитала и помещиков»⁷⁶, — говорилось в одном из подпольных документов КПП в 1936 г.

В чехословацкой деревне политически главенствовала Аграрная партия, находившаяся на правом крыле чехословацкого буржуазного лагеря и ставшая в середине 30-х годов патроном и организатором всех фашист-

⁷⁰ «История Венгрии», т. III, стр. 325.

⁷¹ Там же, стр. 351.

⁷² «Аграрный вопрос и крестьянское движение», т. II, стр. 48—49.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же, стр. 54.

⁷⁵ В. Виноградов и др. История Румынии нового и новейшего времени. М., 1964, стр. 222.

⁷⁶ Там же, стр. 226

ских сил в стране ⁷⁷. О сотрудничестве с ее профашистским руководством, вступившим в сговор с агентурой Гитлера в Чехословакии — судето-немецкой партией, не могло быть и речи. Поэтому КПЧ в борьбе за создание единого антифашистского фронта ориентировалась на «действительно демократические, антифашистские элементы» ⁷⁸, которые имелись в низовых организациях Аграрной партии и в многочисленных крестьянских объединениях и союзах, которыми она руководила. Коммунистическая партия старалась использовать оппозиционное движение, наметившееся в организациях Аграрной партии, и особенно в «Домовине», в середине 30-х годов.

В Югославии самыми сильными крестьянскими партиями были Сербский земледельческий союз и Хорватская крестьянская партия, находившиеся в оппозиции к монархо-фашистскому режиму. У руководства обеими организациями стояли правые реакционные элементы, отказавшиеся от участия в едином антифашистском фронте, но и в той и в другой были левые крылья, с которыми и старалась наладить сотрудничество КПЮ. Левые элементы Земледельческого союза, выдвигавшего программу создания югославского корпоративного государства, выступили с лозунгами совместной с рабочим классом борьбы и создания народного фронта ⁷⁹. Левое течение в ХКП опубликовало в 1932 г. национально-революционную программу, в которой высказалось против национального и социального гнета, против великосербских и хорватских фашистов и за союз с рабочим классом ⁸⁰.

Таким образом, накануне войны компартии стран Центральной и Юго-Восточной Европы уже имели некоторые успехи в установлении контактов с левыми течениями в партиях и организациях, традиционно представлявших интересы крестьянства.

Постепенно освобождаясь от социал-демократических ⁸¹ и сектантских ошибок в крестьянском вопросе, коммунистические партии не только теоретически признали необходимость рабоче-крестьянского союза, но и на опыте собственной революционной борьбы убедились в его важности. Они ясно осознали, что достичь победы над буржуазией пролетариат сможет только объединив вокруг себя средние слои города и деревни, и в первую очередь крестьянство, составлявшее основную массу населения

⁷⁷ В словацкой деревне к этому времени значительно укрепилась фашистская словацкая народная партия Глинки, привлекая к себе путем демагогических обещаний земельной реформы довольно широкие массы словацкого крестьянства.

⁷⁸ K. G o t t w a l d. Spisy, d. VI. Bratislava, 1953, s. 213—215.

⁷⁹ «Аграрный вопрос и крестьянское движение», т. II, стр. 193.

⁸⁰ Там же, стр. 192.

⁸¹ Следует отметить, что в ряде стран в середине 30-х годов и социал-демократические партии, традиционно нигилистически относившиеся к деревне и считавшие ее оплотом реакции, приняли аграрные программы. Так, впервые за 40 лет существования Социал-демократическая партия Венгрии опубликовала проект аграрной программы, в котором высказалась за выкуп частного крупного землевладения свыше 500 гектаров и распределение его среди крестьян (А. И. П у ш к а ш. Борьба за аграрные преобразования..., стр. 58). Аграрная программа Польской социалистической партии, под влиянием которой находились такие относительно крупные организации как «Союз сельскохозяйственных рабочих» и «Союз малоземельных крестьян», содержала требование безвозмездного отчуждения помещичьих, церковных и монастырских земель и передачи их сельскохозяйственным рабочим, безземельным и малоземельным крестьянам («Аграрный вопрос и крестьянское движение», т. II, стр. 51). В программе Социал-демократической партии Румынии, создавшей в 1933 г. «Социал-демократический союз крестьянства», имелся пункт об отчуждении помещичьих земель и передаче их беднейшим крестьянам, вступившим в сельскохозяйственные общества (там же, стр. 173). Социал-демократическая партия Чехословакии, имевшая некоторое влияние среди пролетарских и полупролетарских слоев деревни, требовала возобновления проведения аграрной реформы, приостановленного под влиянием реакции, и ее ревизии в целях перераспределения земли в интересах мелкого крестьянства (там же, т. I, стр. 149—150).

стран рассматриваемого региона. Необходимо было вырвать деревню из-под влияния капитала и превратить ее из резерва буржуазии в резерв пролетариата. На решение этой задачи были направлены усилия коммунистических партий накануне войны. Компартии разработали и приняли свои марксистские аграрные программы и боролись за их претворение в жизнь. В целях повышения мобилизующего воздействия программ они вносили в них соответствующие уточнения, учитывая при этом задачи дня и изменившуюся обстановку.

В предвоенные годы коммунисты приобрели уже некоторый опыт руководства революционными выступлениями крестьянства, начали налаживать работу в деревне и в массовых крестьянских организациях. К этому времени обозначился поворот в настроениях трудовых слоев деревни, начался их отход из-под влияния реакционного руководства традиционно крестьянских партий, что проявилось в усилении в этих партиях левых течений, понимавших значение рабоче-крестьянского союза и выразивших готовность к сотрудничеству с коммунистами. Однако коренного перелома еще не произошло: основная масса крестьянства продолжала следовать за буржуазными партиями, прилагавшими немалые усилия, чтобы удержать его.

Опыт решения крестьянского вопроса в довоенные годы помог компартиям стран Центральной и Юго-Восточной Европы в период второй мировой войны мобилизовать широкие крестьянские массы на борьбу за свое национальное и социальное освобождение, помог разработать аграрные программы, способствующие дальнейшему укреплению рабоче-крестьянского союза — залога победы пролетариата над буржуазией.

В. П. ГРАБИЛИНА

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ЧЕХОСЛОВАКИИ И ПРОГРЕССИВНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

(1929 — 1933 гг.)

Проблема привлечения союзников на сторону пролетариата и его партии всегда находилась в центре внимания революционного марксизма. Теоретически разработанная в трудах основоположников марксизма-ленинизма, практически подкреплённая огромным опытом КПСС, «без всестороннего учета которого немыслимо развитие марксизма-ленинизма»¹, она получила дальнейшее развитие в практике братских компартий, в документах мирового коммунистического движения и является особенно актуальной в условиях растущей антиимпериалистической борьбы на современном этапе.

Разрабатывая идею гегемонии пролетариата в революции, В. И. Ленин учил искать пути и методы подхода к его союзникам с учетом конкретно-исторических условий и специфических особенностей того или иного слоя общества. Он предупреждал, что нельзя обольщаться, что средние слои города и деревни легко станут на сторону пролетарской революции. В силу двойственности своего социально-экономического положения они колеблются между пролетариатом и буржуазией, между революцией и контрреволюцией².

Это положение в равной степени относится и к интеллигенции, о которой В. И. Ленин еще в конце прошлого века писал, что она «занимает своеобразное положение среди других классов, примыкая отчасти к буржуазии по своим связям, воззрениям и проч., отчасти к наемным рабочим, по мере того, как капитализм все более и более отнимает самостоятельное положение у интеллигента, превращает его в зависимого наемника, грозит понизить его жизненный уровень»³.

Исходя из ленинских указаний, II конгресс Коммунистического Интернационала (1920 г.) обратил внимание партий на привлечение к революционному движению средних слоев населения, в том числе и интеллигенции⁴.

Основываясь на опыте Советского государства, III конгресс Коминтерна (1921 г.) пришел к выводу о необходимости использования интеллигенции в период перехода от капитализма к социализму для разрешения «вопросов государственного и хозяйственного управления» и ликвидации

¹ Постановление ЦК КПСС «О 70-летию II съезда РСДРП». «Правда», 1973, 13 апреля.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 340—342; т. 34, стр. 39—40.

³ В. И. Ленин. Там же, т. 4, стр. 209.

⁴ «Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919—1932». М., 1933, стр. 90.

«изолированного положения пролетариата в глазах общественного мнения»⁵.

Пятый расширенный пленум Исполкома Коминтерна (1925 г.) одним из важнейших условий большевизации компартий считал «правильную и умелую тактику в отношении промежуточных слоев населения» и рассматривал интеллигенцию как возможного союзника рабочего класса «при нынешнем соотношении сил между буржуазией и пролетариатом»⁶. Подобный же вывод был сделан и в Программе Коммунистического Интернационала, принятой VI конгрессом Коминтерна в 1928 г.⁷ Однако утвердившаяся в коммунистическом движении с конца 20-х годов тактика «класс против класса» затрудняла установление тесного сотрудничества рабочего класса с непролетарскими слоями трудящихся.

В 20-х годах возникают первые международные организации прогрессивной интеллигенции, мировоззрение которой формировалось под непосредственным воздействием Великой Октябрьской социалистической революции. Для многих представителей интеллигенции Советская Россия становится символом общественного прогресса в мире.

Тогда же появились первые организации прогрессивной интеллигенции и в Чехословакии. На формирование мировоззрения чешской и словацкой интеллигенции не могли не оказать влияния, с одной стороны, националистические иллюзии, связанные с недавним образованием буржуазной республики, идеология масарикизма с присущими ему идеями «демократизма» и «гуманизма», с другой стороны — классовая борьба пролетариата и поляризация сил в рядах социал-демократии.

Значительная часть передовой интеллигенции Чехословакии объединялась вокруг одного из руководителей анархо-коммунистического движения, писателя С. К. Неймана и его журнала «Червен», созданного в 1918 г. В нем писатели И. Ольбрахт, Е. Малиржова, В. Ванчура выступали с критикой националистических иллюзий о Чехословацкой буржуазной республике, решительно отвергали интервенцию против Советской России. В 1920 г. журнал опубликовал переведенную впервые на чешский язык ленинскую работу «Государство и революция».

В тесной связи с журналом «Червен» находился «Социалистический совет рабочих просвещения», ведущими деятелями которого были С. К. Нейман, И. Ольбрахт, Б. Врбенский, З. Неедлы и др. Заслугой его являлось пробуждение у интеллигенции интереса к марксизму⁸.

Сторонники бывшей чешской партии реалистов⁹ создали в 1920 г. «Реалистический клуб», в который вошли представители пражской интеллигенции. Отношение к революции в России являлось своеобразным «пробным камнем» для его участников. Прогрессивно настроенные «реалисты» объединились вокруг З. Неедлы, который позднее, покинув «Реалистический клуб», вместе со своими сторонниками организовал прогрессивный журнал «Вар», формально стоявший «вне партий». Однако уже во вступительной статье к первому номеру журнала З. Неедлы писал: «В конечном счете коммунисты, поскольку они идут к новым идеалам, наиболее близки нам в нашей борьбе за прогресс»¹⁰.

Произведения членов созданного в 1920 г. «Объединения молодых писателей и художников Деветсил», в которое в разное время входили Я. Сей-

⁵ Там же, стр. 197.

⁶ Там же, стр. 486.

⁷ «Программа Коммунистического Интернационала». М.—Л., 1928, стр. 66—69.

⁸ M. L a i c h m a n. Brněnská Levá fronta. 1929—1933. Brno, 1971, s. 31—32.

⁹ K. J e s c h o v á. Leví realisté a československý proletkult. «Československý časopis historický», 1968, № 5, s. 688.

¹⁰ «Var», 1922, № 1.

ферт, В. Незвал, И. Волькер, К. Библ, В. Ванчура и другие, печатались в журналах С. К. Неймана и Э. Нееды, на страницах «Руде право». Несмотря на то, что их взгляды на искусство были противоречивы, заявления о приверженности к коммунизму и пролетарской культуре свидетельствовали о большом влиянии на их творчество революционных идей, отражали солидарность с КПЧ прогрессивных молодых писателей Чехословакии.

С образованием Коммунистической партии Чехословакии не все представители левой интеллигенции вступили в ее ряды, но многие поддерживали деятельность коммунистов. Уже на учредительном съезде КПЧ в мае 1921 г. Б. Шмераль говорил о задаче привлечения лучших представителей интеллигенции на сторону партии: «Коммунисты не могут допустить, чтобы они были нейтральными или служили крупному капиталу...»¹¹. Многие представители левой интеллигенции: писатели И. Ольбрахт, М. Майерова, Й. Гора пришли в ряды КПЧ из социал-демократии и принимали активное участие в организации коммунистической печати. Так, например, И. Ольбрахт работал в редакции «Руде право», одновременно являлся редактором коммунистического еженедельника «Словацко», издававшегося в Годонине; в 1925 г., когда возникла необходимость в идеологическом усилении Брненской партийной организации, он стал главным редактором газеты «Ровност»¹². В отделе культуры «Руде право» сотрудничали писатели Э. Нееды, М. Майерова, А. Мацек и другие.

КПЧ еще не имела опыта работы с интеллигенцией. Свою политику в области культуры начиная с 1921 г. она проводила, опираясь на Пролеткульт. Одним из его ведущих деятелей был С. К. Нейман, который в течение ряда лет редактировал одноименный журнал. Установление тесной взаимосвязи пролетариата с прогрессивной интеллигенцией в целях ее политического воспитания Пролеткульт считал первоочередной задачей партии в области культурной политики. «Мы остановились бы на полдороге, если бы у нас не было собственных писателей и художников-коммунистов, — указывалось в обращении подготовительного комитета Пролеткульта. — Нет сомнения, что они рождаются в среде пролетариата и перейдут к нам из рядов буржуазии. Но как пролетариат должен пройти школу искусства, так и художники-коммунисты должны учиться у пролетариата. Даже талант, пришедший непосредственно с завода, может легко заразиться буржуазной идеологией и мелкобуржуазными предрасудками, если он не будет постоянно повышать свое классовое самосознание, если он не будет в процессе творчества неизменно помнить о своих товарищах-рабочих, об их нуждах, думах, чувствах»¹³. Преобразование Пролеткульта II съездом КПЧ в агитационно-пропагандистский отдел ЦК, главным направлением деятельности которого становится агитация и пропаганда, связанная с практическими задачами партии, поставило перед партией проблему создания пропагандистских кадров. Для ее решения К. Готвальд, возглавивший агитационно-пропагандистский отдел вскоре после III съезда, привлекал на сторону партии лучших представителей интеллигенции. Писатели-коммунисты И. Ольбрахт, М. Майерова и другие выступали на рабочих собраниях, митингах, участвовали в подготовке литературы для широкой сети партийной учебы, помогали создавать заводскую печать, формировать армию рабочих корреспондентов.

В Словакии большой популярностью среди левой интеллигенции пользовался созданный в 1924 г. журнал «ДАВ», в котором сотрудничали

¹¹ «Protokoly sjezdu KSC», sv. 1. Praha, 1958, s. 133.

¹² S. V l a š í n. Ivan Olbracht — spoluzakladatel KSC. «Tvorba», 1971, № 9, s. 10.

¹³ «Rudé právo», 14 VIII 1921.

Л. Новомеский, В. Клементис, П. Илемницкий, Д. Окали и др. Журнал ставил своей целью «показать несправедливость современного общества» и напомнить «представителям интеллигенции их обязанность в отношении трудящегося пролетариата...»¹⁴.

Коммунисты, сотрудники «ДАВ», открыто поддержали линию V съезда КПЧ, и в момент острой нехватки кадров в партийной печати пришли на помощь партии: с марта 1929 г. Л. Новомеский, по предложению К. Готвальда, становится политическим редактором газеты «Руды вечерник»; Э. Уркс в конце 1929 г. занимает пост главного редактора этой газеты и заместителя редактора «Руде право»; в 1930 г. он работал в редакции журнала «Творба»¹⁵. «ДАВ» наряду с «Творбой», которую после 1928 г. возглавил Ю. Фучик, постепенно превращается в культурно-политический печатный орган КПЧ.

Передовая словацкая интеллигенция искала в марксизме ответ на две волнующие ее проблемы — социальную и национальную. Поэтому не случайно внимание VI съезда КПЧ к национальному вопросу вызвало его широкое обсуждение на страницах журнала «ДАВ» летом-осенью 1931 г. Были изданы также специальная брошюра, включающая фрагменты из произведений В. И. Ленина, и решения VI съезда КПЧ по этому вопросу¹⁶.

В период усиления фашистской опасности в Европе «ДАВ» особенное внимание уделял проблеме молодежи. В журнале публикуются статьи, посвященные социальному положению студенчества, делаются попытки вскрыть причины активизации реакционных групп среди словацкой молодежи. Помещаются статьи и самих студентов, которых Л. Новомеский образно именовал «R-10» (поколение 10-х годов)¹⁷. Несомненная заслуга «ДАВ» в том, что он оказал влияние на Союз словацкого студенчества¹⁸, который постепенно начал приобретать антифашистскую ориентацию. Секретарем этой организации, а затем и членом редакции «ДАВ», становится Г. Гусак¹⁹.

Как и другие издания партии, «ДАВ» преследовался цензурой: за весь период 30-х годов не вышел ни один номер журнала без пометки «после конфискации 2-е, исправленное издание», его свободная продажа периодическим запрещалась правительством. «Было бы неправильно утверждать, — писал позднее один из руководителей „ДАВ“ Л. Новомеский, — что между Компартией и „ДАВ“ не было никаких разногласий, но с уверенностью можно сказать, что они не носили принципиального характера»²⁰.

Значительную часть интеллигенции составляла студенческая молодежь, которая была объединена в организации, существовавшие при политических партиях, в том числе и социалистических, и порой слепо поддерживала их лозунги²¹. Вследствие незнания марксизма-ленинизма

¹⁴ «ДАВ», 1924, № 1.

¹⁵ V. P l e v z a. Davisti a KSČ. «Nová mysl», 1964, № 6, s. 717.

¹⁶ L. K n ě z e k. Knichy DAVu. «Slovenské pohľady», 1963, № 7, s. 21.

¹⁷ V. P l e v z a. Ibid. s. 722.

¹⁸ Союз словацкого студенчества был создан в августе 1921 г. и являлся составной частью Центрального союза чехословацкого студенчества, основанного в мае 1920 г. и представлявшего собой неполитическую организацию, в задачи которой входила защита социальных прав студентов. (V. P l e v z a. Davisti z revolučnom hnutí. Bratislava, 1965, s. 15).

¹⁹ V. P l e v z a. Davisti a KSČ, s. 723.

²⁰ L. N o v o m e s k ý. O DAVe. «Dějiny a současnost», 1964, № 5, s. 3.

²¹ Существовал Союз социал-демократического студенчества; социалистическое студенчество имело также свою центральную организацию — Союз клубов студентов; аграрная партия имела свой Центральный союз студентов и т. д. Немецкое студенчество объединялось в Свободное объединение социалистических студентов. («Za lepší svět». Sborník statí a vzpomínek na studentské pokrokové hnutí tricátých let. Praha, 1963, s. 39.)

или искаженного представления о нем, изоляции студенчества от рабочего класса большинство студентов имело весьма отдаленное представление о социализме и классовой борьбе.

Еще до образования КПЧ возникают первые прогрессивные организации студентов, которые ставят своей целью знакомство студенческой молодежи с произведениями К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. В 1919 г. было создано «Интернациональное объединение студентов-марксистов». Свою политическую деятельность в нем начинали Я. Шверма, В. Копецкий, А. Бубеничек и другие видные деятели КПЧ.

Образование компартии и Коммунистического союза молодежи Чехословакии создало предпосылки для развития коммунистического движения и среди учащейся молодежи. В 1922 г. появляется первая коммунистическая студенческая организация — «Коммунистическая студенческая фракция» (Костуфра), группы которой существовали в отдельных учебных заведениях страны. Костуфра выступала за союз рабочего класса со средними слоями, вела идеологическую работу среди студенческой молодежи в коммунистическом духе, поддерживала борьбу молодежи против фашизма и войны. Руководство организации рассматривало ее как «составную часть компартии Чехословакии»²² и стремилось осуществлять в работе среди молодежи тактику единого фронта. Об этом речь шла на состоявшейся 11—12 февраля 1928 г. общегосударственной конференции Костуфры. В ее резолюции осуждалось — как антиленинское — положение, что «нельзя сесть за один стол с реформистами». Одновременно подчеркивалось, что «нельзя отказываться от критики вождей тех организаций, с которыми мы совместно выступаем»²³. Конференция также рассмотрела вопросы о роли интеллигенции в революционном движении пролетариата, о соединении идеологической и экономической борьбы и некоторые другие²⁴. В целом деятельность Костуфры имела большое значение для распространения передового научного мировоззрения среди молодой интеллигенции: из рядов ее вышли такие видные деятели КПЧ как Э. Уркс, И. Секанина, Ю. Фучик. Основанный ими в 1925 г. «журнал студентов и рабочих» под названием «Авангарда» в передовой статье первого номера провозглашал, что у интеллигенции может быть только один путь — с революционным пролетариатом. В журнале широко освещались проблемы интеллигенции, студенчества, обсуждались вопросы марксистской теории, литературы, печаталось много материалов о Советском Союзе. Характерно, что уже первый номер этого журнала вышел с пометкой «после конфискации исправленное издание»²⁵.

Опасность фашизма и войны, усилившаяся в мире к началу 30-х годов, настоятельно требовала объединения всех прогрессивных сил страны. С другой стороны, мировой экономической кризис, который, начиная с 1930 г. захватил и чехословацкую экономику, принес неисчислимые бедствия массам трудящихся и создал объективные условия для сплочения их в единый фронт борьбы с капитализмом.

Поворотным моментом в деятельности КПЧ и в разработке тактики в новых условиях были решения состоявшегося в феврале 1929 г. V съезда: отныне партия, которая до сих пор была вынуждена сосредоточивать основное внимание на борьбе с оппортунизмом в своих рядах, могла перенести центр тяжести работы в массы.

²² Ústřední archiv ministerstva vnitra (далее — ÚAMV), f. PP334, dopis předsedy Kostufry Fr. Wahle od 16 VIII 1924 g. v presidium zemské správy politické v Praze.

²³ ÚAMV, f. PP323 presidiuma zemské správy politické v Praze, 1928, č. 1958 (opis).

²⁴ ÚAMV, zpráva prezidia zemské správy politické v Praze, 1928, č. 2147.

²⁵ С. А. Ш е р л а и м о в а. О концепции революционного искусства в чешской литературе 20-х годов. «Советское славяноведение», 1965, № 5, стр. 38.

Анализ чехословадской экономики, сделанный К. Готвальдом на съезде, позволил сформулировать вывод о расстановке классовых сил в стране уже накануне экономического кризиса: «С одной стороны, буржуазный лагерь во главе с финансовым капиталом, объединяющим всю буржуазию, верхние слои мелкой буржуазии, помещиков и незначительный слой рабочей аристократии; с другой стороны, пролетариат совместно с мелким и частично со средним крестьянством и пролетаризированными слоями мелкой буржуазии»²⁶.

Это положение, по сути дела, уже определяло возможных союзников пролетариата в условиях растущего экономического кризиса. Повышение теоретического уровня членов партии, работа среди молодежи — задачи, намеченные съездом, предполагали широкое привлечение интеллигенции к партийной работе²⁷. Естественно, для решения этих задач партия могла привлечь в первую очередь представителей молодой коммунистической интеллигенции, для которых работа в партийной печати и организациях передовой интеллигенции была полезной подготовительной школой. Для привлечения беспартийной интеллигенции на сторону КПЧ серьезную роль могли сыграть также уже существовавшие массовые организации интеллигенции — атеистические, антивоенные, культурные, учительские союзы и т. д., — поэтому съезд нацеливал партию на создание в них коммунистических фракций²⁸.

На съезде впервые говорилось о школьной политике партии, указывалось, что оппортунизм в ней проявился в не критичном отношении к буржуазному воспитанию, в мнении, что все недостатки буржуазной школы устранены отменой изучения религии. Партия должна разоблачать классовый характер буржуазной школы, устранить монополию буржуазии в деле воспитания подрастающего поколения²⁹.

Внимание съезда к этой проблеме объяснялось рядом причин. Во-первых, тем, что капиталистическая рационализация вовлекала в производство большое количество молодежи, и именно она через несколько лет должна была составить ядро рабочего класса; во-вторых, молодежь представляла собой тот слой трудящихся, который менее других был заражен оппортунизмом и пережитками социал-демократизма; в-третьих, уже в период, предшествовавший V съезду, именно молодое поколение коммунистов во главе с К. Готвальдом решительно выступило против оппортунизма в партии.

Решения съезда, направленные на укрепление связей партии с массами, на борьбу с оппортунизмом в рядах КПЧ, не были приняты всеми представителями левой интеллигенции одинаково: семь писателей-коммунистов (И. Ольбрахт, М. Майерова, В. Ванчура, Е. Малиржова, С. К. Нейман, Я. Сейферт, Й. Гора) опубликовали манифест, в котором выразили свое несогласие с линией нового руководства КПЧ. В ответ Ю. Фучик, В. Незвал, Б. Вацлавек, В. Клементис, К. Конрад, Л. Новомеский и другие писатели-коммунисты выступили с заявлением верности делу партии, рабочего класса, революции. Этот конфликт послужил толчком к дискуссии в печати по вопросу о роли интеллигенции в обществе и ее взаимоотношениях с партией. Дискуссия помогла представителям левой интеллигенции выбрать правильный путь — за исключением

²⁶ «Protokol V. řádného sjezdu Komunistické strany Československa 18—23 II 1929». Praha, 1971, s. 44.

²⁷ К сожалению, автор статьи не располагает данными о численности интеллигенции в рядах КПЧ к моменту V съезда. Известно лишь из сообщений мандатной комиссии, что в числе 124 делегатов съезда представители интеллигенции составляли 11 человек. (Ibid., s. 329).

²⁸ Ibid., s. 586—587, 570.

²⁹ «Protokol V. řádného...», s. 379.

Я. Сейферта и Й. Горы, которые впоследствии вступили в другие политические партии, остальные писатели, подписавшие манифест, отказались от своих ошибочных взглядов. Готвальдовскую линию КПЧ в области политики и искусства сразу же горячо поддержал З. Нееды, который отмечал, что в 1929 г. в кризисе оказалась не партия, а те люди, которые от нее отошли³⁰. Дискуссия способствовала выяснению ряда основных вопросов развития передовой литературы, помогла размежеванию подлинных сторонников прогресса с его мнимыми попутчиками, создала предпосылки для организации Левого фронта, местные отделения которого в течение 1929—1930 гг. возникли во многих городах страны (Праге, Брно, Градце Кралове, Остраве, Братиславе, Жилине, Ужгороде, Кошицах и др.). Членами Левого фронта были многие известные представители передовой интеллигенции, в том числе коммунисты (И. Секанина, Б. Вацлавек, С. К. Нейман, Ю. Фучик, Б. Шмераль, Л. Штолл, Я. Крейчи, В. Незвал, В. Клементис и др.). Они стремились к тому, чтобы Левый фронт не только боролся против реакции в области культуры, но и пропагандировал марксизм-ленинизм, выступал за союз интеллигенции с рабочим классом, за международную солидарность против фашизма и войны.

Вопрос о привлечении интеллигенции к сотрудничеству с рабочим классом впервые подробно был рассмотрен в выступлении Ю. Фучика на VI съезде партии в марте 1931 г. Исходя из политических тезисов ЦК КПЧ съезду, указывающих на массовую безработицу, в том числе и среди интеллигенции³¹, он обратил внимание на дифференциацию средних слоев и процесс пролетаризации интеллигенции, особенно усилившийся в связи с экономическим кризисом: «сегодня в рядах наемной интеллигенции безработица столь велика, что если ее выразить в процентах, то получится цифра значительно большая, чем у рабочих... Быстрее, гораздо быстрее, чем мелкие торговцы и ремесленники, наемная интеллигенция приближается к пролетариату»³².

Этот процесс вызывает «душевный кризис интеллигенции», из которого только два выхода — либо коммунизм, либо фашизм. Поэтому партия должна перейти от политики нейтрализации интеллигенции к привлечению ее к борьбе рабочего класса. Для этого необходимо вести идеологическую работу среди интеллигенции, ибо, несмотря на начавшуюся радикализацию, она еще «тонет в море мелкобуржуазных предрассудков, мелкобуржуазных законов»³³.

Состоявшаяся 7—8 июня 1931 г. общегосударственная конференция Левого фронта, на которой присутствовали 55 делегатов³⁴ и гости — представители от различных организаций (Пражского социалистического союза учителей, Союза пролетарских атеистов, Рабочей помощи. Федера-

³⁰ «Очерки истории чешской литературы XIX—XX веков». М., 1963, стр. 385.

³¹ За период домюнхенской республики нет полных данных о количестве безработной интеллигенции. Известны лишь следующие данные: количество безработных среди выпускников средних и высших учебных заведений увеличилось с 15 тыс. в 1931 г. до 20 тыс. в 1932 г. и составило в 1935 г. 30 тыс. человек. (J. H o u s e r, V. R u ž i č k a. Nezaměstnanost inteligence v předmnichovské republice. «Právně-historické studie», 1. Praha, 1955, s. 62. Если же учитывать и представителей старшего поколения интеллигенции, то в 1933 г. общее количество безработных среди интеллигенции составило 50 тыс. человек. (M. L a i s h m a n. Ibid., s. 48.) Количество безработных служащих на 1 XII 1930 г. составляло около 10,5 тыс. человек. (J. H o u s e r, V. R u ž i č k a. Ibid., s. 79, tabulka 6.)

³² «Protokol VI. řádného sjezdu KSČ». Praha, 1931, s. 92.

³³ Ibid.

³⁴ В числе делегатов было 12 студентов, 6 юристов, 6 техников, 5 учителей, 4 служащих, 4 редактора, 3 профессора, 3 безработных, 3 работницы, 2 писателя, 3 врача, 2 драматических актера, 1 издатель, 1 художник. (M. L a i s h m a n. Ibid., s. 83—84.)

ции пролетарских спортсменов и др.), а также от рабочих брненских заводов и Комитета действия безработных, в своей работе опиралась на решения VI съезда КПЧ³⁵. Выступившие на конференции Л. Штолл, Б. Вацлавек и другие делегаты подчеркнули, что значительная часть интеллигенции начинает понимать, что ее путь — это тесное сотрудничество с пролетариатом и его партией. Особое внимание КПЧ должна уделять тем слоям интеллигенции, которые особенно подвержены влиянию фашистской идеологии, разъяснять им, что интересы интеллигенции ближе движению пролетариата, чем фашизму³⁶.

Резолюция, принятая конференцией, определила основные направления деятельности Левого фронта: борьба против ухудшения положения интеллигенции, за сотрудничество с рабочим классом, против влияния фашистской идеологии³⁷.

Наряду с КПЧ, Обществом культурных и экономических связей с СССР и Союзом друзей СССР³⁸, Левый фронт был одним из наиболее активных пропагандистов культуры Советской России. Многочисленные лекции, беседы, тематические вечера, показ советских кинофильмов, организуемые им, демонстрировали достижения советской культуры и искусства; член Левого фронта Б. Вацлавек в числе других представителей левой интеллигенции Чехословакии в 1930 г. присутствовал на международной конференции революционной пролетарской литературы в Харькове.

С усилением фашистской опасности в Европе деятельность Левого фронта все более начинает приобретать антифашистскую направленность: проводятся антифашистские вечера, пропагандируется помощь немецким эмигрантам, в момент Лейпцигского процесса Левый фронт организует широкую кампанию в поддержку Г. Димитрова.

Являясь фактически внепартийной организацией, Левый фронт работал в тесном сотрудничестве с компартией. Так, например, в числе руководителей одной из крупнейших организаций Левого фронта, брненской, были члены областного комитета партии. Коммунисты интересовались всеми важнейшими мероприятиями Левого фронта, нередко им же приходилось осуществлять охрану их от провокаций реакционно настроенных групп. В свою очередь Левый фронт предоставлял компартии возможность использовать его легальные средства информации, а на собраниях, организованных коммунистами, зачастую с лекциями на самые разнообразные темы выступали члены Левого фронта³⁹.

Чешская и словацкая прогрессивная интеллигенция активно выступала против произвола буржуазного правительства в отношении трудящихся. После расстрела демонстрации сельскохозяйственных рабочих близ Кошиц в мае 1931 г. В. Клементис, Л. Новомеский и другие представители словацкой интеллигенции одними из первых оказались на месте событий. Они составили Манифест протеста против полицейского произвола в Словакии за подписью 34 чешских, словацких и венгерских деятелей культуры⁴⁰, а В. Клементис стал защитником на судебном процессе, сфабрикованном буржуазным правительством против словацкого коммуниста Ш. Майора, возглавившего кошицкую демонстрацию. Благодаря отличному ведению защиты Ш. Майору был определен сравнительно не-

³⁵ L. Š t o l l. Z bojů na Levé frontě. Praha, 1964, s. 418, 420.

³⁶ Ibid., s. 45—57; «Rudé právo», 9 VI 1931.

³⁷ L. Š t o l l. Ibid., s. 422—426.

³⁸ Подробнее об их деятельности см., например, Е. Д. В о р о б ь е в а. «Образование и деятельность чехословацкого Общества экономического и культурного сближения с Новой Россией (1925—1927)». «Советское славяноведение», 1965, № 2; J. S e d l a č e k, J. V á v r a. Pro zemi milovanou. Praha, 1960.

³⁹ M. L a i c h m a n. Ibid., s. 89—90.

⁴⁰ «Tvorba», 2, 9 VI 1931.

большой срок тюремного заключения — 18 месяцев, а В. Клементис с этого момента стал известен как «адвокат бедноты»⁴¹.

В связи с кошачьей трагедией представители прогрессивной интеллигенции опубликовали в коммунистической печати серию разоблачительных статей и направили письма протеста в некоторые зарубежные журналы, в том числе и в советский «Вестник иностранной литературы», а также всемирноизвестным деятелям культуры — Р. Роллану, М. Горькому и др.⁴². «ДАВ» издал брошюру под названием «Ныне в Кошицах порядок и спокойствие» (слова, произнесенные министром внутренних дел Славиком в парламенте), включающую документы о кошачьих событиях⁴³. Оценивая ее значение, Ю. Фучик писал: «...эта маленькая, едва в 100 страниц книжка, касающаяся узкой темы, стала, по сути дела, первой книгой о Словакии в Чехословацкой республике»⁴⁴.

В ответ на расстрел демонстрации рабочих Фривальдова в ноябре 1931 г. представители прогрессивной интеллигенции составили протест за подписью уже 70 человек⁴⁵.

Пример активной борьбы пролетариата за свои права способствовал сплочению интеллигенции. Обращаясь с Открытым письмом к студенческой молодежи в январе 1932 г., проф. З. Неedly и проф. Ф. Крейчи писали: «Борьба возможна при условии создания единой организации, объединяющей все, что есть в студенчестве действительно прогрессивного...»⁴⁶. Такой единой студенческой организацией стал Союз немущего и прогрессивного студенчества, созданный в марте 1932 г. и объединяющий не только студентов-коммунистов и членов Коммунистического союза молодежи, как это было в Костуфре, но и некоторых студентов-социалистов и социал-демократов⁴⁷.

В январе 1932 г. возник Блок интеллигенции Словакии (БИС), объединяющий прогрессивную интеллигенцию и студенчество. Территориальный принцип построения организации, введенный Блоком, сыграл серьезную роль в объединении словацкой интеллигенции⁴⁸.

Большое значение для привлечения интеллигенции на сторону коммунистов имела деятельность парламентской фракции КПЧ. Так, в феврале 1932 г. коммунисты внесли в Национальное собрание проект мероприятий в поддержку безработной интеллигенции. В нем предлагалось назначить пособие в размере 500 крон ежемесячно выпускникам средних школ и 600 крон выпускникам высших школ, не нашедшим работы в течение месяца после ее окончания. Этот проект нашел поддержку среди трудовой интеллигенции, но, как и многие другие предложения парламентской фракции коммунистов, он был провален буржуазными депутатами⁴⁹.

Активный отклик в рядах передовой интеллигенции получила Мостецкая стачка — крупнейшее событие в рабочем движении Чехословакии периода экономического кризиса. Созданный под руководством Пражской областной партийной организации Комитет солидарности, в состав которого вошли представители рабочих столицы и прогрессивной интеллигенции, организовал выезд группы передовых писателей и журналистов

⁴¹ V. P l e v z a. Ibid., s. 87.

⁴² «DAV», 1931, № 5—6, s. 2—3.

⁴³ S. D r u g. «DAV» a davisti. «Slovenské pohľady», 1963, № 7, s. 11.

⁴⁴ J. F u č í k. Kniha o Slovencku. «DAV», 1931, № 8, s. 14.

⁴⁵ «Levá fronta», 1931, № 4.

⁴⁶ «Rudé právo», 31 I 1932.

⁴⁷ A. S m u t k o v á. Vybrané materialy k dějinám kulturní politiky KSČ v předmnichovské republice, č. 1. Praha, 1965, s. 30.

⁴⁸ «DAV», 1932, № 1, s. 12.

⁴⁹ «Těsnopisecké zprávy o schůzích poslanecké sněmovny Narodního shromáždění republiky Československé», 168 schůze, s. 4.

в район стачки. Итогом поездки явилась серия статей, опубликованных в «Творбе»⁵⁰. Поездка на север сыграла большую роль в формировании политических взглядов писателей. Так, например, посещение района забастовки вызвало серьезный перелом в мировоззрении и творчестве М. Пуймановой, приведший писательницу к социалистическому реализму, она становится членом «Левого фронта». Вернувшийся из Моста поэт В. Незвал на заседании Комитета солидарности с бастующими горняками заявил: «Хотя мы, литераторы, и не занимаемся политической деятельностью, но, оказавшись лицом к лицу с таким общественным явлением, как событие в Мосте, мы ясно видим: нет в общественной жизни ни одного явления, которое существовало бы вне сферы зависимости от политической ситуации»⁵¹.

Героическая борьба северочешских горняков всколыхнула всю страну: проходят массовые собрания и манифестации, в которых принимают участие представители различных слоев населения; зачастую такие митинги организуются прогрессивной интеллигенцией. По предложению Союза немущего и прогрессивного студенчества в апреле 1932 г. в Праге состоялся митинг, в котором приняли участие студенты и преподаватели высших учебных заведений столицы, рабочие пражских заводов, журналисты, побывавшие на севере. Была принята резолюция, в которой подчеркивалось, что только стачка и единство смогут привести трудящихся к победе⁵². В ответ на расстрел горняков 13 апреля 1932 г. в день генеральной стачки северочешских горняков 50 представителей брненской интеллигенции опубликовали протест по поводу действий правительства⁵³. Интеллигенция приняла участие также в сборе средств в фонд бастующих шахтеров⁵⁴.

Своеобразным ответом на единство северочешских горняков в стачке было совместное обращение журналов «Творба», «Левый фронт», «ДАВ» и других к интеллигенции с призывом поддержать борьбу пролетариата⁵⁵.

Осенью 1932 г. вспыхнула стачка шахтеров Росицко-Ославанского бассейна, продолжавшаяся 16 недель. Прогрессивная интеллигенция, особенно члены брненского Левого фронта, в период героической борьбы росицких горняков оказывали им моральную поддержку, выступая на собраниях⁵⁶, публикуя в печати обращения к общественности⁵⁷. Представители прогрессивной интеллигенции входили в состав созданного в Росицко-Ославанском бассейне Комитета солидарности с бастующими горняками. Именно внимание широкой общественности, которое передовой интеллигенции удалось привлечь к борьбе росицких шахтеров, помешало

⁵⁰ См., например, публикации и репортажи Ю. Фучика, Л. Цекотовой, Г. Вчелички, В. Кана и других в журнале за 1932 г. №№ 15—19.

⁵¹ «Tvorba», 1932, № 16.

⁵² «Rudé právo», 22, 23 IV 1932.

⁵³ «Dělnická rovnost», 21 IV 1932.

⁵⁴ К примеру, актеры Пражского освобожденного театра 16 IV 1932 г. согласились бесплатно участвовать в спектакле «Цезарь», весь сбор от которого (8432 кроны) был передан в фонд бастующих. («Rudé právo», 17 IV 1932.)

⁵⁵ «Levá fronta», 1932, № 8.

⁵⁶ Например, на собрании горняков, состоявшемся 14 ноября 1932 г. в Ославангах, выступали представители брненской прогрессивной интеллигенции: проф. Й. Кроха, адвокат И. Стерн; 20 ноября 1932 г. на собрании, организованном в Збышове, к горнякам обратился А. Запотоцкий и другие деятели КПЧ; на этом же собрании выступила член Комитета солидарности с бастующими горняками, актриса Брненского театра Н. Балцарова. (M. L a i c h m a n. Ibid., s. 102—103).

⁵⁷ См., например, обращения «Трудящейся общественности» («Dělnická rovnost», 10 XI 1932), «Всем, всем, всем!» (Ibid., 11 XI 1932), воззвание Комитета солидарности с бастующими горняками, к которому присоединились 67 представителей пражской и словацкой интеллигенции (Ibid., 8, 14 I 1933), воззвание брненской интеллигенции «Товарищи, друзья!» (Ibid., 5 II 1933).

местным органам власти запретить его деятельность. Используя опыт Мостецкой стачки, интеллигенции удалось организовать сбор средств и продуктов в фонд бастующих горняков и их семей.

Проявлением солидарности с шахтерами было также выступление брненских адвокатов Р. Флейшнера, Л. Мигеля, Ф. Лории, К. Штепана в качестве их защитников на суде⁵⁸.

Натиск предпринимателей и предательство реформистских вождей принудили бастующих горняков прекратить забастовку, однако, несмотря на поражение, опыт стачки росицких горняков имел серьезное значение для укрепления связей передовой интеллигенции с рабочим классом и КПЧ.

Усиление фашистской опасности в Европе потребовало разработки новой тактики международного рабочего и коммунистического движения, перенесения центра тяжести работы коммунистов в направлении развертывания антифашистской, антивоенной борьбы, защиты принципов демократии, в том числе буржуазной, на основе создания широкого фронта прогрессивных сил. Опыт Коммунистической партии Чехословакии и других братских компартий по привлечению интеллигенции к классовой борьбе трудящихся в конце 20-х — начале 30-х годов явился серьезным вкладом в разработку тактики народного фронта в последующие годы.

---

⁵⁸ M. L a i c h m a n. Ibid., s. 108.

О. А. СЕВЕРНАЯ

ИЗ ИСТОРИИ КОНЦЕПЦИЙ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ В БОЛГАРСКОЙ ЭСТЕТИКЕ

Процесс развития художественной культуры определяется целой суммой конкретных исторически реальных величин. Одной из таких величин является творческая личность художника.

В болгарской эстетике интерес к ее изучению возник в конце прошлого столетия. Он был связан с общей тенденцией обращения к теоретическим проблемам творчества, с попыткой средствами той или иной науки дать объяснение природы творчества, специфики познания мира художником. В эстетике проблема творческой личности очерчивалась как компонент более общей проблемы отношения искусства к действительности.

На рубеже XIX—XX вв. в Болгарии не возникает сколько-нибудь оригинальных философско-эстетических теорий художественного творчества. В основе своей это перенесенные на болгарскую почву эстетические воззрения представителей различных школ и течений Западной Европы и России, что связано с состоянием философской науки в Болгарии этого времени. Неокантианство, философия Вундта, ремкеанство — вот что главным образом усваивается болгарской буржуазной интеллигенцией, многие представители которой получают образование в Германии, Австрии, Франции. На этой философской основе идет оформление различного рода эстетических воззрений идеологов буржуазного искусства, с которыми ведет непримиримую борьбу формирующаяся болгарская марксистская эстетика. Принято говорить о двух полюсах, о двух направлениях внутри болгарской эстетики: материалистической линии Димитра Благоева, основоположника болгарской марксистской эстетики, и линии Крystю Крystева, основоположника идеалистической эстетики.

Существует немало работ болгарских и советских авторов, анализирующих как историю борьбы в болгарской эстетике, так и эстетические воззрения представителей обоих направлений¹.

Однако все еще недостаточно изученными остаются возникавшие на протяжении почти полувека в рамках этих направлений эстетические концепции, касающиеся теоретических проблем художественного твор-

¹ Д. Ф. Марков. Об эстетических взглядах Д. Н. Благоева. Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР, т. 2, М.-Л., 1950, стр. 78—92; Г. Цанев. Димитър Благоев литературен теоретик и критик. В сб.: «100 години Димитър Благоев», София, 1956; Г. Грозев. История на българската философия. «Наука и изкуство», 1959, ч. II; Г. Димитров-Гошкин. Эстетическите възгледи на Тодор Павлов. «Юбилеен сборник Тодор Павлов», София, 1961; Б. Ценков. Из историята на эстетическата мисъл в България. София, 1964; В. И. Злыднев. Формирование и развитие марксистской литературной критики в Болгарии. В сб.: «Формирование марксистской литературной критики в зарубежных славянских странах». «Наука», 1972.

чества, в частности проблемы личности художника. Эти концепции были связаны с решением определенной группы вопросов психологического характера, прежде всего таких как соотношение в художественном творчестве социального и биологического, сознательного и бессознательного, рационального и эмоционального. Это диктовалось самой гносеологической природой творчества — она определяла содержание концепций, направленность их борьбы, выбор той или иной методологии. И поскольку сущность концепций наиболее четко очерчивается в периоды обострения этой борьбы, рассмотрение таких моментов заслуживает внимания.

Смещение центра тяжести в сторону анализа психологических проблем, определившееся в европейской эстетике к концу XIX в., не было случайным явлением. Успешное решение ряда сложных проблем человеческой психики, в частности мышления, привлекло внимание эстетиков к психологии. Стали искать специфику творческого процесса в психологии, объяснять признаки творческой личности (талант, одаренность, воображение и т. д.) исключительно индивидуальными особенностями психики и даже отклонениями в ней. Начался период активного накопления различного рода эмпирического материала творческой деятельности с применением всевозможных психологических методик и методов.

Этому способствовали известные достижения в области экспериментальной психологии. Опираясь на методы экспериментальной психологии, все более широкое распространение получает возникшее в Германии направление так называемой «психологической эстетики» (Фехнер, Фолькельт).

В Болгарии утверждение принципов психологической эстетики связано с именем философа-идеалиста К. Крыстева. Получив философское образование в Лейпциге, Крыстев перенес усвоенные им в Германии принципы психологической эстетики на анализ болгарской литературы. Журналы «Критика» и, особенно, «Мисъл», которые редактирует Крыстев, становятся проводниками его идеалистических концепций. За 15 лет существования журнала «Мисъл» он был фактически превращен Крыстевым в трибуну психологической эстетики.

В 1896 г. Крыстев выступает со статьей «Эстетика как наука». Фактически это было изложение взглядов Й. Фолькельта на предмет эстетики и имело своей целью утвердить эстетику как науку главным образом нормативно-психологическую. Исходя из того, что искусство имеет релятивную природу и «эстетические качества вещей — не их физические свойства, а продукты нашей психики»², Крыстев делает заключение, что основой эстетики должна стать психология.

Несколько позднее в журнале «Мисъл» он формулирует принципы психологической эстетики, сводящиеся в основном к следующему: 1) непосредственная цель искусства — доставлять эстетическое наслаждение; 2) источник этого наслаждения — не форма, не содержание, а отношение данной формы и данного содержания к совокупности наших представлений о мире; 3) искусство не имеет никакого прямого отношения к реальной жизни, так как то, что оно дает нам, — не действительность, а иллюзия. Субъект художественного творчества является тем медиумом, через посредство которого только и возможно обнаружение эстетической реальности³.

Принцип иллюзорности искусства Крыстев считал ядром психологической эстетики и подчинял ему все остальные принципы. Отрицая объек-

² К. Крыстев. Литературни и философски студии. Пловдив, 1898, стр. 30.

³ «Мисъл», 1903, кн. 2, стр. 101.

тивность художественного познания мира, он тем самым подготовил теоретическую платформу утверждения «чистого» искусства.

Однако нормативность философско-эстетической теории Крыстева нередко опрокидывалась его же практикой, когда он выступал как литературный критик.

Это особенно отчетливо проявилось в формировании его концепции творческой личности.

Ещё в 1894 г. в сборнике «Этюды и критика», анализируя творчество И. Вазова, Т. Влайкова, Михалаки Георгиева, Крыстев ставит вопрос о социальной роли писателя. Как достоинство он отмечает социальную направленность, понимая под ней критику пороков окружающей действительности, слияние с судьбой угнетенного народа. С чувством сожаления он отмечает, что в сборнике лирических стихотворений И. Вазова «Звуки» (статья «Поэт и общество»), почти нет стихов, в которых отражена была бы связь личных переживаний поэта с духом времени.

«Лирический поэт, который не старается осознать неясные стремления своего времени, не отражает его надежды и идеалы, который не потрясает пламенным призывом сознание апатичного, заплывшего умственной ленью современника, который, облекая в плоть и кровь свои чувства, сомнения, страдание и тревогу, не стремится передать в них общечеловеческие идеалы, — такой лирический поэт очень далек от своего высокого призвания»⁴. Оценка, достойная критика-реалиста.

И в той же статье, переходя к теоретическим обобщениям, Крыстев определяет совсем в духе кантианства философскую основу подхода к специфике познания мира художником: поэт не может передать как самой объективной реальности, так и точных и верных в подробностях образов ее, ибо «границы человеческого познания основываются на априорных, врожденных способностях человеческого духа вообще и неотделимы от поэтического творчества так же, как и всякий другой процесс нашего сознания»⁵.

Идеалистическая основа такого подхода очевидна. Для Крыстева она становится ведущей, когда он на базе эстетического психологизма возводит умозрительные построения своей концепции творца.

Объявляя иллюзию единственным источником искусства, Крыстев приходит к полному отрицанию роли разума в творческом процессе. В статье «По поводу одной критики» он пишет: «Есть исключительно импульсивные натуры: психология считает их атавистическими представителями докультурного человека, натуры, у которых действие предшествует мышлению, так как интеллект еще не дифференцировался от воли. Эти натуры по самому существу своему враждебны <...> дискурсивной мысли. <...> Инстинкт и непосредственный иррациональный импульс вместо мысли. <...> Их область — наивное творчество, где инстинкт — все, рассудок — ничто»⁶. Такими «атавистическими натурами» Крыстев считает поэтов. «Поэт только до той минуты поэт, пока он воспекает то, чем он живет, а не то, что думает»⁷.

Так на страницах журнала «Мисъл» начинает вырастать концепция творческой личности как исключительно биологического существа.

Это не замедлило сказаться и на практике. После 1901 г. журнал «Мисъл» превращается в трибуну антивазовской направленности, а его редактор, до того высоко ценивший талант Вазова, возглавляет борьбу

⁴ «Этюды и критика», 1894, стр. 97.

⁵ Там же, стр. 98.

⁶ «Мисъл», 1901, кн. 10, стр. 654.

⁷ Там же, стр. 655.

против реалистического направления в литературе⁸. Одновременно на страницах журнала все чаще звучит апологетика индивидуализма. Он становится оплотом формализма и литературного эстетства.

Своеобразное доразвитие концепция Крыстева получает в его статье «О тенденциозности и тенденциозной литературе»⁹.

Само понятие тенденциозности у Крыстева крайне противоречиво. Тенденциозность понимается им и как определенное толкование жизни писателем, и как способность создавать «двойника», проповедующего его взгляды на жизнь, и как критерий художественности.

Однако художественность, равно как и идейность, он видит только там, где художественные концепции представлены писателем в иллюзорной форме. Умение выразить иллюзорность, иррациональный импульс, исключающий работу мышления, выступающий как мерило таланта, отрицание тенденциозности и мировоззрения — таков идеал, к которому должна стремиться творческая личность, какою ее представляет Крыстев.

Эта реакционная концепция, по сути отрицающая творческую личность как социальное существо, сводящая творческий процесс к овеществлению иррациональных импульсов, подверглась всесторонней критике в болгарской марксистской эстетике в работах ее основоположника Димитра Благоева.

Эстетические воззрения Д. Благоева формируются как результат развития на марксистской основе революционно-демократической эстетики Л. Каравелова и Х. Ботева, а также под непосредственным влиянием русских революционеров-демократов и Плеханова.

Вопросами эстетики Благоев занимается главным образом в конце 90-х годов прошлого и в первые годы нынешнего века. В этот период начинает оформляться философская основа болгарской марксистской эстетики и литературной критики. Она развивается в борьбе с идеалистическими концепциями психологической эстетики за утверждение материалистической теории художественного творчества.

Уже ранние эстетические работы Благоева посвящены гносеологическому объяснению природы художественного сознания. Так, в статье 1891 г. «Что такое социализм и имеет ли он почву у нас?» Благоев дает материалистическое объяснение происхождения идей. «Идеи или понятия о предметах внешнего мира не существуют готовыми в нашем сознании, а являются более или менее верным отпечатком этих предметов в нашей голове. Для того, чтобы в ней родилась какая-нибудь идея о предмете, необходимо, чтобы этот предмет существовал и производил на нас впечатление. Наше сознание зависит от вещественных условий, в которых мы живем, а не условия жизни зависят от нашего сознания»¹⁰.

Большое значение в укреплении марксистской философско-эстетической основы теории художественного творчества имела состоящая из семи статей работа Благоева «Диалектический материализм и теория познания». В ней получила отражение всесторонняя критика философии болгарских неокантианцев по всем основным вопросам гносеологии, в частности по вопросу о сущности сознания и генезисе идей.

Так, критикуя положение Д. Михалчева о том, что природа наших представлений априорна, Благоев утверждает, что «понятия о мире и явлениях суть отражения в нашем мозгу действительно существующего мира и действительно совершающихся явлений»¹¹. Такой материалисти-

⁸ Подробнее об этом см. «История одной литературной вражды» в кн. Л. Георгиева «Д-р К. Крыстев», София, 1968.

⁹ «Мисъл», 1903, кн. 2.

¹⁰ Д. Благоев. Съч., т. 1, София, 1957, стр. 494—495.

¹¹ Там же, т. 9, статья 5, стр. 31.

ческий подход к вопросу о сущности сознания давал марксистскому критику возможность создания единственно правильной философской основы трактовки процесса художественного познания, а следовательно и специфики мышления творческой личности.

В 1897 г., возглавив общественно-политический журнал «Ново време», Д. Благоев на его страницах начинает борьбу за утверждение марксистской концепции творческой личности. Ее формирование идет в русле общеэстетических оценок на основе критического анализа болгарской литературы. В статье «Наша художественная литература» Благоев определяет конкретные основы построения марксистского анализа творческой личности писателя, выделяя, как важнейшую, социально-исторический подход: «Для правильной оценки писателя необходимо иметь в виду условия его жизни — его классовую принадлежность, среду, в которой он воспитывался, и время, в которое он жил»¹².

В противоположность выдвигаемому идеалистической эстетикой принципу иллюзорности искусства Благоев подчеркивает значение художественной литературы в процессе самосознания общества. «Назначение художественной литературы, — пишет он в статье „Из жизни и литературы“ (1901), — состоит именно в удовлетворении насущных общественных нужд, — служить самопознанию общества, а тем самым и поддержке и развитию в нем общественных связей»¹³. Но это общественное самопознание осуществляется не путем смены общественных инстинктов, как утверждал Крыстев, а благодаря огромной преобразующей работе творца в процессе художественного познания; в этом процессе Благоев придавал особенно большое значение рациональному началу.

В 1902 г. в журнале «Ново време» Благоев публикует свою статью «Громкий ответ», которая явилась открыто полемическим откликом на статью Крыстева «По поводу одной критики», затрагивающим основные вопросы его концепции творческой личности. Острые критики Благоева направлены прежде всего на недооценку Крыстевым роли мышления в процессе творчества. «Неверно, что поэт, художник неспособен мыслить и что мысль убивает поэта, — писал он. — Поэт, художник мыслит и не может не мыслить. Возможно, что его мысль не столь „дискурсивна“, медлительна, как у „филистера“, возможно, она интенсивна, даже молниеносна, но все же это мысль. Художник мыслит и до того, как его творческое воображение создало образы и картины, в которых он изливает свою мысль, мыслит и тогда, когда он рисует созданные его творческим воображением образы и картины. Художник не может выразить свои мысли иначе, как через живые образы и картины»¹⁴.

Идеалистическому принципу иррациональности творческого акта Благоев противопоставляет принцип рационального соотношения сознательного и бессознательного в творческом процессе. Присутствие элемента бессознательности в творчестве он допускает в том смысле, что художник не вполне сознает значение, которое могут иметь созданные им образы, и не предвидит реакцию, которую может вызвать его произведение. Но элемент бессознательного всегда занимает второстепенное, зависимое положение в акте творчества.

В этой связи Благоев рассматривает роль фантазии в художественном творчестве. Он считает, что фантазия не имеет самостоятельного значения. Функционально развиваясь по законам прекрасного, которые представляют собой отражение законов прекрасного в реальной действительности, она является необходимым элементом художественно-творческого

¹² Д. Благоев. Литературно-критические статьи. София. 1951, стр. 275.

¹³ Е го же. Сч., т. 7, стр. 141.

¹⁴ Там же, стр. 179.

мышления и подчиняется принципу верности художественного воображения жизни.

Столь же диалектично отношение Благоева к вопросу взаимодействия мировоззрения и таланта. В противовес Крыстеву, заведомо отрицавшему какую бы то ни было тенденциозность в процессе творчества, Благоев справедливо утверждает, что «если художник мыслит, создавая свои творения, то, очевидно, достоинства его произведений зависят и от достоинств его мысли, а последние определяются именно тем, что называется мировоззрением»¹⁵. От характера мировоззрения зависит отношение художника к образам, которые он рисует, и тем фактам и суждениям, которые он передает. От него зависит выбор темы произведения и то, насколько удачно представил художник ее развитие в «живых образах и картинах». Последнее же определяется талантом художника, его творческими способностями. Благоев не абсолютизирует роль таланта. Равнодействующую взаимодействия таланта и мировоззрения он ищет в художественно-образном отражении действительности.

Концепция Благоева, таким образом, сформировалась в процессе непримиримой борьбы с идеалистическими теориями буржуазной эстетики. И хотя она не содержала еще ответа на многие вопросы теории художественного творчества, это была борьба за социально значимого, сознательно творящего и выражающего определенное мировоззрение художника. Она заложила основу марксистского подхода к теории творческой личности в болгарской эстетике.

В 20—30-е годы борьба в эстетике за утверждение марксистской концепции творческой личности вновь обострилась. В идеалистической эстетике продолжателем линии журнала «Мисъл» выступил основанный в 1920 г. журнал «Златорог», который объединил ряд писателей и критиков, утверждавших в искусстве формализм и субъективный психологизм. Эта новая волна буржуазной психологической эстетики, наблюдаемая в середине 20-х годов, объясняется известным спадом марксистской эстетической мысли, наступившим в результате поражения Сентябрьского восстания 1923 г. и последовавшего усиления фашистской реакции в стране. В искусстве это нашло выражение в известной тематической упрощенности, сужении проблематики. Все это не могло не отразиться на характере концепций, выдвигаемых идеалистической эстетикой. Вновь был поднят на щит лозунг «искусства для искусства», поэзии, стоящей над жизнью, вновь проводилось утверждение субъективизма в художественном творчестве.

В качестве философской основы журнал «Златорог» использует психологические идеи ученика и последователя Крыстева философа С. Казанджиева, который на протяжении всего времени существования журнала, т. е. более 20 лет, являлся редактором его философско-эстетического отдела. Выступая как теоретик психологической эстетики, Казанджиев развивает исходный тезис Крыстева об эстетическом как имеющем сугубо психологическую природу и вытекающем из него принципе иллюзорности искусства, и создает субъективно-психологическую теорию художественного творчества и эстетического восприятия. Идеи Казанджиева находят выражение на страницах «Златорога» в первую очередь в деятельности его редактора В. Василева, который выступает как главный «законодатель» формально-психологической эстетики журнала. Так, в статье «Новые опыты в романе», которая должна была явиться программным документом для болгарских писателей, даны «рекомендации» писателям, работающим как в области сельской тематики — обращаться главным образом к «первичным жизненным инстинктам психики крестьянина», —

¹⁵ Там же.

так и в области городской — «искать в исторических переменах устойчивость, которая не может быть ничем иным, как утверждением сильной индивидуальной воли или психики»¹⁶.

Начав с насаждения такого рода «психологизма» в литературе, с провозглашения отказа от общественно-значимых проблем, журнал «Златорог», ставший трибуной психологической эстетики, не замедлил перейти от теории к практике.

С позиций крайнего индивидуализма, а также узкого понимания типического и тенденциозного идет «развенчание» творческой личности Христо Ботева, поэзии Смирненского и других революционных поэтов. В статье «Личность и легенда» В. Василев объявляет Ботева «априорной» личностью, которая жертвует жизнью не ради свободы своих собратьев, а одержимая манией бессмертия, и потому его поэзия есть воплощение некоей «национальной абсолютной интуиции»¹⁷.

И не заботой о судьбах развития национального театра, о творчестве актера продиктована статья «Вопросы, связанные с Народным театром»¹⁸. В ней звучит призыв к обновлению репертуара за счет сведения до минимума русских пьес, якобы не способствующих воспитанию социального человека. Из любви к такого рода «социальному человеку», под которым подразумевается прежде всего личность реакционно мыслящая, В. Василев, будучи директором Народного театра, после фашистского переворота 1923 г. увольняет из театра большую группу актеров — известных артистов И. Попова, В. Игнатиеву, В. Тенева и др., вызвав тем самым бурю протеста в среде болгарской прогрессивной интеллигенции.

Более 20 лет журнал «Златорог» служит проводником реакционных буржуазных идей, сознательно формируя как верноподданнического, так и аполитичного художника. В этой деятельности он использует свою теорию творческой личности как «агента осуществления художественного образа». Сущность этой теории состоит в следующем. Художник создает образ, нисколько не заботясь о его подобии материалу действительности. Фантазия — основное средство художественного строения, сущность творчества, его измерение и истина. Произведение имеет художественную значимость только в том случае, если творческая личность, поднявшись над действительностью, станет основной оценочной величиной, мерилем в творчестве. Личность, оригинальность — главные критерии достоинства произведения. Отсюда и апологетика отказа от политической значимости искусства, которая так упорно защищается на страницах «Златорога» и получает яркую характеристику в откровенном признании его редактора: «Идеи, которые проводят писатель, художник, артист, музыкант, их политическая и общественная устремленность не могут быть ни оценкой, ни мерой художественной значимости создаваемых ими образов. Мы не навязываем искусству никаких политических лозунгов»¹⁹.

На деле же деятельность «Златорога» была подчинена политике волюнтаризма в эстетике и критике, внедрению индивидуализма и субъективизма в творчестве. Это явление получило название «златороговщины».

Состав журнала не был однородным. Наряду с буржуазными литераторами, исповедовавшими эстетический формализм и субъективный психологизм, в нем сотрудничали такие крупные писатели-реалисты, как Стаматов, Йовков, Мипков, Багряна, Райчев, а также ряд молодых писателей с еще не установившимися идейно-художественными воззрениями,

¹⁶ «Златорог», 1921, кн. 1, стр. 589.

¹⁷ Там же, 1926, кн. 5—6, стр. 288.

¹⁸ Там же, 1924, кн. 5.

¹⁹ Там же, 1939, кн. 10, стр. 473—474.

на творчество которых реакционные идеи журнала оказывали особенно большое воздействие.

Передовая литературная критика (Г. Бакалов, Л. Стоянов), выступая за сплочение писателей антифашистской общедемократической направленности в единый фронт прогрессивной литературы, вела активную борьбу с реакционной идеологией журнала. И подобно тому, как в начале века Благоев подверг всесторонней критике эстетические концепции идеалистической эстетики «Златорога» выступил Тодор Павлов.

Теоретической основой этой критики явился марксистский анализ самого предмета эстетики, научное освещение вопроса взаимоотношения эстетики и психологии, что способствовало развенчанию эстетики психологической. Решительно отвергая растворение эстетики в психологии, Т. Павлов отводит последней вспомогательную роль в исследованиях механизма художественного творчества и восприятия, которой эстетика еще не исчерпывается.

Т. Павлов защищает право эстетики существовать в качестве самостоятельной науки, имеющей свои задачи и функции, и в этой связи ставит вопрос о ее нормативности. Он критикует нормативную эстетику за субъективность предлагаемых ею эстетических законов, которым должна подчиняться творческая личность. Нормативности, основанной на метафизике, критик-марксист противопоставляет историко-материалистическую эстетику, нормы которой определяются самой внутренней закономерностью искусства.

Принцип иллюзии, выдвигаемый нормативно-психологической эстетикой, как один из важнейших, также рассматривается Т. Павловым с позиций исторического материализма: искусство — не иллюзия, а эстетическая реальность, ибо художник в творческом процессе творит, соотносясь с законами объективной действительности, а не абстрагируясь от них.

Материалистическое понимание характера, задач и метода эстетики, а также специфики искусства нашло выражение в работах «Теория отражения» и «Общая теория искусства», написанных в 1932—1936 гг. во время пребывания Т. Павлова в Советском Союзе. Творческая разработка и конкретизация марксистско-ленинской теории отражения в этих работах способствовали развитию болгарской эстетики. Все это давало Т. Павлову возможность правильно поставить вопрос о сущности и специфике творца художественной культуры и с этих позиций вести борьбу с реакционными эстетическими концепциями журнала «Златорог».

Решающее значение в утверждении марксистско-ленинской основы эстетической концепции творческой личности имела написанная Т. Павловым в конце 30-х годов статья «Эстетические взгляды хорватского писателя Мирослава Крлежи». Нося характер конкретной критики теоретических положений М. Крлежи, она фактически была нацелена на борьбу с «Златорогом». В русле этой борьбы идет развенчание интуитивизма Крлежи, слепо следующего в объяснении художественного творчества за Кречмером и Бергсоном, а также его недооценки логического и общепсихологического моментов в творческом процессе.

Вытекающее отсюда значение конкретно-социального подхода в творчестве Т. Павлов рассматривает на анализе специфики создания художественного образа. Это было прямым ответом редактору «Златорога» Василеву, начавшему в это время с Павловым полемику по вопросу о специфике художественного образа.

По мнению Василева, художественный образ — это явление иллюзорное, субъективно-психологическое. Субъекту в процессе создания худо-

жественного образа отводится роль выразителя его сугубо личных, чувственных переживаний. Критикуя такую постановку вопроса, Т. Павлов пишет: «Художественный образ — не просто и не только чувственно-конкретное выражение и воспринятое духовно-идейное состояние художника»²⁰.

Опираясь на ленинскую теорию отражения, Павлов дает научное объяснение специфики создания художественного образа, взаимоотношения субъекта (творца) с объективной реальностью, вскрывая тем самым порочность субъективистского подхода в этом вопросе. Для Павлова создание художественного образа — это не биологизированное отражение действительности, а глубочайшее в своей сущности, исторически определенное и значимое отражение объективной реальности. «Поэтому тот, кто превращает художественный образ в простое, конкретно-чувственное выражение духовно-идейных переживаний художественного субъекта», — заключает он, — стоит не на диалектически-материалистической, а на идеалистической точке зрения по этому основному в научной эстетике вопросу»²¹. И поэтому, критикуя интуитивистский подход к специфике искусства Крлежи, Павлов определяет один из главных признаков творца художественного образа: «Чтобы быть настоящим поэтом, а не „чижиком“, не „весталкой или пифией“, поэт должен быть всегда и прежде всего глубоко социален и идеен, при этом в духе конкретно-исторического общества (класса, народа, человечества), в духе своего времени»²².

В течение 30-х годов Т. Павлов неоднократно выступал с критикой эстетических концепций златороговцев. Наиболее сильной в своей аргументации была статья Т. Павлова «Позиция „Златорога“», написанная им в 1940 г. по поводу 20-летия журнала. Она подводила итог многолетней критике журнала и представляла по существу его идейный разгром. Основной удар направлялся на златороговскую теорию творческой оригинальности.

Оригинальность в эстетической концепции творца ставилась теоретиками «Златорога» во главу угла всякого художественного творчества. Она выдвигалась как определяющий критерий творческой индивидуальности художника. Оригинальный писатель, по мнению Василева, — это писатель, творчество которого строго лично, относительно неповторимо и значимо во все времена. Оправданы любые художественные средства, если они подчинены достижению оригинальности. И здесь, в первую очередь, подразумевалась художественная форма. Художники, даже если они развивают один и тот же сюжет, должны отличаться друг от друга умением создавать оригинальные художественные символы и конструкции. Проводя с позиций формализма резкую критику авторов, которые в своем творчестве не опирались на эти принципы, златороговцы, и в первую очередь Василев, не признавали творчество Х. Смирненского и других пролетарских поэтов как «не оригинальных творческих личностей».

Т. Павлов, давая обстоятельный литературно-эстетический анализ ряда статей журнала, развенчивает прежде всего формализм как основной эстетический метод златороговцев.

«Преобразование творческой индивидуальности в единственного агента осуществления художественного образа, — основной, типичный и самый существенный признак эстетического формализма»²³. Павлов показал, что эстетический формализм означает отрицание не только общественной

²⁰ Т. Павлов. За марксистская эстетика, литературна наука и критика, т. I. София, 1954, стр. 157.

²¹ Там же, стр. 158.

²² Там же, стр. 159.

²³ Там же, стр. 97.

роли искусства, но и отрицание всякого искусства вообще. В противоположность златороговскому культу формы как критерию оригинальности, он, не отрицая значения формы, указывал на необходимость ее связи с содержанием и показал несостоятельность тенденции рассматривать художника изолированно от общественной среды. «Подлинная оригинальность возможна только тогда, — пишет Павлов, — когда творческая индивидуальность проявляется в согласии как с особенными, специфическими тенденциями искусства, культуры, так и в согласии с общими законами и всей жизнью человека. Оригинальный художник не тот, кто выступает только как яркая творческая индивидуальность, а тот, кто проявляет ее в мастерской постановке и решении специфическими средствами и методами данного искусства самых общих, основных, самых животрепещущих и важных проблем общества и своего времени»²⁴.

В эстетической концепции Т. Павлова в конце 30-х годов важное место занимает разработка проблем мировоззрения и художественного метода.

В концепции Благоева вопрос о мировоззрении художника ставился лишь в общем плане: необходимость для творца иметь мировоззрение и значение последнего для развития творческих способностей.

Заслугой Павлова была многосторонняя разработка на широкой теоретической и практической основе категории мировоззрения в художественном творчестве, особенно в ее взаимодействии с категорией художественного метода.

В статье «К вопросу об отношении между мировоззрением и художественным методом» (1941) Павлов включает в понятие мировоззрения политические взгляды художника. Следует отметить, что содержание этого понятия у Павлова менялось, но несмотря на его объем, суть оставалась одна: Павлов рассматривал мировоззрение как философию. Это давало ему возможность подходить к анализу творческого мировоззрения тех или иных писателей с научно-гносеологических позиций, отводя определяющую роль общественному бытию.

Столь же материалистически оправданно определяется и художественный метод как «не просто внутренняя закономерность искусства, взятая как субъективное отражение объективной закономерности действительности, а сознательное использование этой внутренней закономерности с целью постижения художественной истины и прогрессивно-целесообразного изменения мира»²⁵.

Последнее имело особенно важное значение в утверждении творческой личности как активного создателя художественных ценностей.

Вопрос о связи мировоззрения и метода имеет у Павлова диалектическую постановку. «Между мировоззрением и творческим методом, — отмечает он, — есть и должно быть не метафизическое абсолютное тождество, а диалектическое единство, при котором мировоззрение сохраняет свою определяющую роль, но реалистический метод проявляет свою специфичность, относительную самостоятельность и способность обратного воздействия на мировоззрение»²⁶.

Анализ мировоззрения и метода как единства двух диалектических противоположностей вносил ясность в сложный вопрос противоречия, возникающего между ними. По этому вопросу также возникла полемика редактора «Златорога» с Т. Павловым.

Василев отстаивает точку зрения, согласно которой противоречия, возникающие между мировоззрением и методом, основываются на том,

²⁴ Там же, стр. 100.

²⁵ Там же, т. 2, стр. 100

²⁶ Там же, стр. 129.

что искусство определяется факторами не только общественно-экономического характера, но и психологического. Этот фактор психологического характера не что иное, как «совесть писателя»²⁷. Смешав объективный фактор с субъективным, Василев оказался не в состоянии объяснить, чем определяется эта «совесть писателя», и в конце концов был вынужден прийти к своему исходному положению о «суверенности художника от действительности»²⁸.

Полемика с Павловым была начата Василевым в 1941 г., когда фашизм, утвердившись в Болгарии, вел уже наступление на всех фронтах. Развязав ее, Василев рассчитывал нанести удар болгарской марксистской эстетике. Он ставил своей целью утвердить в эстетике крайне тенденциозную концепцию творческой личности, личности, стоящей над жизнью, осуществляющей в искусстве лишь свое самовыражение.

Несмотря на невыгодные условия полемики, Т. Павлов, уже будучи заключенным болгарским фашистским правительством в концлагерь, сумел разбить положения Василева в четырех статьях, опубликованных в газете «Заря», и тем окончательно подвел итог борьбе с «Златорогом».

Критика Павловым идеалистической эстетики «Златорога» в исторических условиях предреволюционного периода сыграла огромную роль. Она не только продолжила боевую традицию Д. Благоева, боровшегося в свое время с идеалистической эстетикой журнала «Мисъл», и тем способствовала развитию основ его концепции творческой личности, но и имела большое значение в самом процессе становления теоретических положений этой концепции на основе марксистско-ленинской теории отражения. Утверждая теоретическую базу формирования творца революционного пролетарского искусства, она практически помогала росту и объединению всех демократических художников страны.

---

²⁷ «Златорог», 1941, кн. 4, стр. 185.

²⁸ Там же, стр. 156.

Н. М. ВАГАПОВА

НАЧАЛО ЮГОСЛАВСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТЕАТРА (ранняя драматургия Мирослава Крлежи)

Творчество виднейшего современного драматурга Мирослава Крлежи (р. 1893), уже в ранних своих пьесах воплотившего в своеобразной форме социалистические идеи и прямо связавшего мечты о будущем человечества с Великой Октябрьской социалистической революцией, стало весьма существенным, качественно новым этапом в развитии революционного театра народов Югославии.

Первые литературные произведения Крлежи были опубликованы в период между балканскими войнами и началом первой мировой войны.

Юноша из аристократической хорватской семьи, он должен был, в соответствии с традициями своей среды, поступить в высшее военное учебное заведение «Людовицеум» в Пеште. «... Восемнадцатилетним юношей я поступил в Людовицеум¹. <...> Идеиная „прямолинейность“², как говорят русские, пробуждение души в духе коштувовском, гарибальдийском, антивенском, антиавстрийском стали во мне смешиваться с предвоенно-омладинским³ туманом нашей национальной романтики, с именами Супило⁴, Мештровича, Назора⁵. <...> Я грезил о международной солидарности на пештской свалке, <...> превращенной в королевский экзерцир-плац Ракоши, — читая Толстого, Петефи и Ибсена, сочиняя стихи и обрывая в себе последние нити, связывавшие меня с Австрией и с португеей австрийского офицера...»⁶, — писал в 1923 г. Крлежа во вступлении к циклу своих новелл «Хорватский бог Марс», опубликованному в революционном литературном журнале «Книжевна република». Эти настроения привели молодого писателя к решительному шагу: в начале первой мировой войны он дезертировал из австро-венгерской армии и обратился к правительству Сербии с просьбой о предоставлении политического убежища, желая воевать на стороне Сербии, отстаивавшей свою национальную независимость. Вполне закономерно было, что Крлежа оказался одним из первых югославских интеллигентов, приветствовавших Октябрьскую революцию и сразу примкнувших к основанной в 1919 г. Коммунистической партии Югославии. В том же 1919 г. Крлежа вместе с писателем-коммунистом Августом Цесарцем предпринял в Загребе издание литературно-

¹ Это заведение готовило офицеров для знаменитых хорватских уланских полков Австро-Венгерской монархии, которые под командованием бана Елачича участвовали в подавлении революции 1848 г.

² В оригинале это слово приводится по-русски.

³ Имеется в виду движение «Омладины».

⁴ Супило Фран (1870—1917) — видный деятель хорватского национального движения конца XIX — начала XX в.

⁵ Назор Владимир (1876—1949) — хорватский поэт, активный участник народно-освободительной борьбы югославского народа.

⁶ «Književna republika», 1923, № 2—3, s. 99—102.

публицистических журналов «Пламен» и «Книжевна република», пропагандировавших идеи социалистической революции.

«Талант Крлежи созревает в то время, когда <...> возникла пропасть между прошлым и настоящим. Хотя позже обострившиеся классовые бои привели к победоносной революции только в одной шестой части земного шара, <...> во втором десятилетии XX века вся Европа <...> была охвачена предреволюционной лихорадкой, и ее лучшие сыны напряженно всматривались в будущее. Эта революционная волна чувствуется и в литературе всех народов, независимо от того, насколько хорошо было в отдельных странах организовано революционное движение», — пишет в своих «Заметках на полях драматургии Крлежи» югославский драматург и театровед Мариян Маткович⁷.

Напряженно всматривается в будущее и Мирослав Крлежа. Первые драмы Крлежи отражают огромный, стремительно совершившийся перелом в сознании художника и многих его современников. Контуры видений поэта на первых порах расплывчаты, неопределенны. Драмы «Легенда» и «Маскарад», предложенные автором дирекции хорватского Национального театра в Загребе в 1914 г., незадолго до начала войны, — пьесы разговорные. Роль действия в них играет конфронтация тезисов и анти-тезисов, представляющих два противоположных взгляда на жизнь. Крлежа использует библейские сюжеты. В «Легенде» всего три персонажа: Иисус, его Тень и Мария. Ничто здесь не говорит прямо о современной действительности. Однако философская разработка темы, для которой легенда о Христе служит лишь отправной точкой, ярко отражает духовное смятение, поиски «правды жизни», характерные для европейской интеллигенции предвоенной поры. Христос в драме «Легенда» ведет бесконечный спор со своей Тенью о смысле жизни, о вере и безверии, о добром и злом начале в человеке.

Многое из «Легенды», так и не поставленной на сцене, поскольку Крлежа в обстановке шовинистического угара был объявлен дезертиром и «антинародным элементом», перейдет потом в драму «Христофор Колумб», написанную в 1917 г. (первая публикация ее датируется 1918 г.) и посвященную автором В. И. Ленину. М. Маткович писал по поводу «Легенды»: «Драматический талант Крлежи проступает здесь лишь в диалогах Христа со своей Тенью. Это — как бы первые страницы театра Крлежи, на них он позже выстроит самые сильные сцены из „Христофора Колумба“». Однако в «Христофоре Колумбе» возникнет нечто принципиально новое по сравнению с «Легендой»: образ народа, толпы, мужчин и женщин, богатых и бедных, свободных людей и рабов. Крлежа стремится представить народ не безликой массой, а выделить в толпе индивидуальности, сгруппировав их по социальному признаку. И здесь драматург опирается на опыт драмы, хронологически разделяющей «Легенду» и «Христофора Колумба», — пьесы «Кралево», первая редакция которой датируется 1915 годом. Пьеса описывает традиционное ярмарочное гулянье в предместье Загреба Кралево в ночь накануне Иванова дня.

«Кралево» начинается с грандиозной массовой сцены. Сутолока, толкотня, давка, грохот, крики, визг шарманки, возгласы — угар ярмарочного веселья. Обыватели на традиционной ярмарке в Кралево. Сцену заполняет картина вселенской балаганной суеты, становящейся символом бездуховного мещанского существования.

Авторские ремарки определяют четкий ритм чередования эпизодов, реплик, звуков, поз, создавая ощущение нереальности всей этой кару-

⁷ М. М а т к о в и ć. Marginalija uz Krležino dramsko stvaranje. В сб.: «Miroslav Krleža», Zagreb, 1963, s. 234.

сели. В раз навсегда установленных формах веселятся манекены, которым суждено пройти свой круг, не испытав ни подлинной радости, ни человеческого горя. Но вот какая-то пронзительная, тревожная нота промелькнула в скороговорке проститутки, рассказывающей, как «у них в номерах» повесился один клиент. Перепуганная женщина вдруг наяву видит перед собой этого мертвеца с веревкой на шее. На какое-то мгновение покойник становится виден всем, и всем становится не по себе. Добропорядочный обыватель открещивается, отплеивается: «Чур меня, нечистая сила!», «Но кто принимает всерьез бредни пьяной бабы?», «А впрочем, господа, лучше уйдем отсюда на время, так спокойнее».

Бывший служащий похоронного бюро, а ныне воскресший мертвец Янез остается один в опустевшем кабачке. Немного погодя к нему присоединяется утопленник по имени Штеф, и Янез за рюмочкой рассказывает ему свою историю. Янез повесился, узнав об измене своей любимой жены. Но сила любви столь велика, что в эту летнюю ночь, когда, по народному поверью, мертвецы встают из могилы, он явился с того света еще разок взглянуть на свою Анку. Беседа Янеза и Штефа становится кульминационным центром драмы. Самоубийцы, сохранившие верность дружбе и любви, они живее и человечнее, чем тщеславная красотка Анка или ее самодовольный любовник — цирковой силач, чем вся эта несущаяся в никуда карусель никчемного мещанского существования.

На этот раз Крлежа снова использует легенду — народное поверье о ночи накануне Иванова дня, но наполняет ее вполне реальным содержанием.

Фантастическая образность народной сказки и вполне реалистические сцены жизни органически переплетаются, внушая отвращение к буржуазной реальности — духовно нищей, лишенной будущего. Ярмарка «Кралева» — своего рода «пляска смерти» обреченного буржуазного общества, идеалам которого драматург противопоставляет народную мораль. Положительным героем у Крлежи оказывается лишь выходец с того света.

«Кралево» — пьеса нескрываяемо ироническая по отношению ко всем атрибутам обывательщины. Крлежа резко, четко и насмешливо дал понять, что для него понятия «буржуазное», с одной стороны, и «национальное», «народное» — с другой — несовместимы. Этого не могла ему простить буржуазная критика ни в 1915 г., в воюющей Австро-Венгрии, ни позже, в королевской Югославии. Дорогу на сцену «Легендам» Крлежи преградили созданный официальным театром и раздутый правой печатью миф о «невозможности» постановки его драм.

«Где преодоление этой „невыполнимости на сцене“ драм Крлежи?» — с горечью спрашивал в 1923 г. друг и единомышленник Крлежи, писатель-коммунист Август Цесарец, считавший Мирослава Крлежу самым ярким представителем левого фронта югославского искусства 20-х годов. «...Многие пьесы Крлежи до сих пор не поставлены — не только в силу страха правительства перед «революционным их воздействием» на массы. Стереотипный отзыв югославских режиссеров — „невыполнимо на сцене“ — вторая весьма серьезная причина того, что драмы Крлежи не идут на театре»⁸, — писал далее Цесарец в своей статье, написанной для советского журнала «Зрелища», имея в виду судьбу цикла «Легенды».

Среди произведений Крлежи, так и не принятых к постановке театрами буржуазной Югославии, была и драма «Христофор Колумб», кото-

⁸ А. Ц е с а р е ц. Современная югославская драматургия. «Зрелища», 1923, № 24 стр. 7 (Статья Цесарца недавно введена в научный оборот югославским литературоведом Александром Флакером).

рую современники восприняли как символическое изображение русской революции и ее вождя Ленина.

На протяжении своего творческого пути Крлежа не раз возвращался к тексту «Колумба», написанного, вероятно, под непосредственным впечатлением известий о Великой Октябрьской революции. На изданиях последних лет посвящение Ленину не значит. В своих дневниках Крлежа объясняет это тем, что изменилось его представление о Ленине как о личности и как о вожде революции. Трактровка революции как вселенского катарсиса уступила место пониманию исторической неотвратимости свершившегося. Образ вождя — полубога, спасителя, зовущего народ к одному ему до конца ведомому высшему идеалу, вождя, не понятого массой, удовлетворяющейся достижением ближайших, осязаемых целей, заменил в сознании писателя живой образ В. И. Ленина. Крлежа не был знаком с В. И. Лениным, но он тщательно собирал все сведения о нем, доходившие до королевской Югославии. Источником этих сведений, кроме сообщений печати — а среди них были и очерки Августа Цесарца, очевидца выступлений Ленина на конгрессе Коминтерна, — служили рассказы хорватов — бывших солдат и офицеров австро-венгерской армии, вернувшихся из русского плена. Образ Ленина появляется в творчестве Крлежи в 1917 г. — одновременно с драмой о Колумбе — в форме репортажа. Так началась публицистическая «Лениниана» Крлежи. «Залпы и картечь звучат сегодня по-ленински. „Аврора“! Это уже канонада межзвездная, а не только интернациональная, это канонада двадцать первого столетия, — писал Крлежа. — Ленин — не из тех сеятелей, которые рассчитывают на каравай из урожая нынешнего года. Он сознает, что пройдет несколько сезонов, прежде чем начнут печь хлеб из посеянных им зерен» (1917)⁹. Вероятно, большое влияние оказали на Крлежу и личные беседы с Августом Цесарцем и другими членами ЦК компартии Югославии, нелегально ездившими в СССР по делам Коминтерна.

В 1925 г. Крлежа побывал в СССР. Итогом путешествия явилась книга «Поездка в Россию» (1926), отрывки из которой печатались в журнале «Книжевна република». Центральное место здесь занимает личность В. И. Ленина и ее воздействие на умы современников. Крлежа сохранил на всю жизнь эмоциональное, восторженное отношение к В. И. Ленину. «...Имя Ленина встает над Европой как солнечный диск, еще багровый и мутный от предрассветной тьмы, но неумолимо поднимающийся высь и светлеющий с каждым мгновением», — писал он в 1924 г.¹⁰

Вождь революции в публицистике Крлежи — воплощение суровой этики Революции, честь и совесть ее, и одновременно живой человек и трезвый политик: «Неоспоримая заслуга Ленина как марксистского идеолога заключается в том, что он <...> предотвратил вырождение русской марксистской формулы в формулу европейского реформизма. И как фаза капитализма до мировой катастрофы 1914 года носит в истории имя Маркса, так уже сейчас ясно, что исторический период с года тысяча девятьсот четырнадцатого будет носить имя Ленина» (1924)¹¹.

«Христофор Колумб» — драма открыто аллегорическая, намеренно лишенная автором какой-либо исторической точности. В ней не упоминаются ни дата путешествия, ни Испания, ни Америка. Колумб представлен в ней как Адмирал-мореплаватель, возглавивший людей, пожелавших покинуть Старый Свет и направиться на поиски Нового Континента, причем оба эти понятия не несут историко-географического содержания, но имеют чисто символический смысл.

⁹ См. М. Крлежа. Лениниана. «Иностранная литература», 1970, № 4, стр. 242.

¹⁰ Там же, стр. 245.

¹¹ Там же,

В год написания пьесы трактовка первой в мире социалистической революции как одной из вечных легенд человечества была весьма распространенным явлением. Революция как возмездие за грехи человечества, Иисус Христос — искупитель, стоящий во главе народной массы, — образы весьма характерные для искусства революционных и первых после-революционных лет и прежде всего — для русского советского искусства. Первая параллель, напрашивающаяся сама собой, — «Двенадцать» Александра Блока (разумеется, только в плане обращения к образу Христа). Однако тут же возникает и другая ассоциация, на первый взгляд неожиданная, — «Мистерия-буфф» Владимира Маяковского. Дело не только в том, что и Маяковский, и Крлежа, изображая революцию, обращаются к традиционному библейскому сюжету, весьма вольно и по-своему интерпретированному каждым из авторов, не только в том, что оба произведения принадлежат к драматическому жанру. Внешнее сходство на этом исчерпывается. Однако обеим драмам, разным по стилистике и в разное время написанным, одинаково присущи пафос антибуржуазности и опасение, что «опутают революцию обывательщины нити». Именно принижения идеала, сведения его к потреблению жизненных благ больше всего опасается Колумб, ведущий свой корабль на поиски нового материка. Ненависть к мещанству, к буржуазности, остро и иронично высказанная Крледей двумя годами ранее в драме «Кралево», доминируют и в «Христофоре Колумбе». Писатель опасается за судьбы людей, устремившихся навстречу новой жизни, но еще несущих на своем корабле груз прошлого.

Кроме легенды о спасителе, в «Колумбе» Крлежи, как и в «Мистерии-буфф», ясно ощущаются следы легенды о сотворении мира. Задуманный драматургом спектакль (а подробнейшие ремарки Крлежи составляют как бы предварительную режиссерскую разработку) должен был взбудоражить буржуазную публику, пробить стену ее сытого равнодушия. Вторая часть замысла Крлежи (тут драматург адресовался уже скорее к сознанию народных масс, пробужденному войной и начавшимся под влиянием Октября революционным движением в Европе) заключалась в том, чтобы показать трагическую картину гибели старого и мучительного рождения нового общества. «Отзвуки грозы над Москвой замирали над серыми водами Балтики, клубы дыма русского пожара через галицийские болота доползли и до наших гор и ущелий, и народ почувствовал запах гари. Было ясно, что где-то далеко пылают старые камеры общественной тюрьмы, клетки исторического зверинца, где веками кормили зверей человеческим мясом. В России вспыхнуло именно то, что должно было вспыхнуть, и этот русский огонь в глазах нашего народа не был зловещим, опасным и губительным „всепожирющим огнем“, этот пожар не был злодейством поджигателей — нет, наш народ инстинктивно воспринял его как то, чем он и был на самом деле, как свет во мраке веков»¹², — писал Крлежа в 1947 г. по поводу 30-летия Октября.

Первый акт «Христофора Колумба» отчетливо напоминает миф о всемирном потопе. Смелый сценический замысел Крлежи переносил действие на палубу корабля, нос которого направлен прямо в публику. В абсолютной тьме, прорываемой зелеными проблесками молний, по замыслу автора, возникал хор человеческих голосов, выражающих ужас, боль, страдание. Разгул стихий, ужас приближающегося конца, напряжение последних сил — все это должно было звучать как некий первоначальный хор, сопровождающий борьбу за жизнь горстки измученных людей на фоне черных контуров мачт корабля.

¹² М. К р л е ж а. Лениниана. «Иностранная литература», 1970, № 4, стр. 248.

«...Постановка, верная замыслу художника, должна была бы представить гигантское напряжение и головокружительность переворота, со-
сутствующего рождению нового общества», — писал в журнале «Пламен»
близкий к Коммунистической партии Югославии критик Илко Горень-
евич¹³.

Глухо стонет утроба огромного корабля. Люди на палубе в панике. Одни обращаются к богу, другие, наоборот, проклинают его, третьи в отчаянии бьются головой о доски палубы, четвертые взывают к Адмиралу. Его огромная фигура, стоящая на носу, видна всем. Над головой у него развивается к р а с н ы й адмиральский стяг... Толпа на палубе, обезумев, затевает драку. С оружием в руках люди угрожают Адмиралу. Он кидается в самую гущу схватки с горящим факелом в руке. Напрягая все силы, Колумб возвышает голос и заглушает грохот стихий. Происходит чудо — буря внезапно умолкает, облака расступаются, открывая спокойное небо с сияющими на нем звездами, утихают волны. Потрясенные, люди бросают оружие и падают ниц перед Адмиралом. Так кончается первый акт.

Во втором акте на корабле звучат гимны во славу Труда. На корабле — празднество, пир, картины полного умиротворения и довольства. За спиной стоящего на своем посту Адмирала, невидимый никому, кроме самого Колумба, появляется Неизвестный в черной мантии. Он вселяет сомнение в душу Колумба, вручив ему черное яблоко Познания. Колумбу вдруг становится ясно, как далеки от его идеалов стремления плывущих с ним людей. Старейшины уже успели извратить проповедь Колумба, свести ее к достижению сытости, праздности, привычных земных благ. Адмирал обращается к ним, он хочет объяснить, что не о таком, привычном рае земном он мечтал. Его не слушают. Разгневанный Колумб пытается разрушить свой корабль с помощью яблока Познания. Взрыв, гром, стоны пострадавших. Старейшины подстрекают народ джепатриотическими речами, уверяют его, что Колумб — обманщик, что никакого Нового Света не существует. Возбужденная толпа бросается на Колумба, тащит его к мачте и распинает на ней.

В третьем акте вдали показываются очертания незнакомого берега. Взрыв всеобщей радости, салюты пушек. Вьются стяги, народ выкрикивает здравицы Адмиралу. Колумб, распятый на мачте, молча наблюдает картину всеобщего ликования. И вдруг ужас охватывает Адмирала — ведь люди перенесут на Новый берег весь груз своих заблуждений, прежних привычек, косных представлений! Прибитый гвоздями к перекладине мачты, Колумб начинает метаться, пытаясь что-то объяснить народу, крича: «Ложь, люди! Все это ложь, обман!» Открываются раны Колумба, и по палубе алым потоком струится кровь Первооткрывателя¹⁴.

¹³ «Пламен», 1919, № 3.

¹⁴ Значительно позже, в 1955 г., Крлежа дописал финал драмы, вложив в уста Колумба заключительный монолог, значительно меняющий тональность пьесы, придающий ей более оптимистическое звучание: «Человек, о Народ, способен придать своей жизни под звездами смысл, достойный человека! В этом — единственная цель и смысл Вселенной. Человек может построить свою собственную жизнь, если он человек, если он не верит в бога, в королей и кардиналов, в банки и дивиденды. Пока он верит в эти призраки, он еще не человек, и зачем ему открывать новые материки, если он там высадится с этим балластом. В такого человека, люди, я не верю. Слушай меня, Народ, через века я обращаюсь к тебе. Ты сбросишь с себя все призраки, ты пристанешь к новому берегу, ты откроешь новые континенты, ты победишь эту планету и отправишься к звездам, в которые я верю. С той минуты, как ты, Народ, увидел голубую утреннюю дымку над материком, который открыл я, грesia о победе человека над звездами, я уверовал в то, что ты победишь и богов, и палачей, — но в то, во что верят твои старейшины, Народ, в это я не верю...»

И достоинства, и слабости идейной концепции «Христофора Колумба» Мирослава Крлежи были в свое время трезво оценены молодой югославской революционной критикой. «„Христофор Колумб“ — картина нашего общества. Мы знаем все его грехи и раны, мы чувствуем всю безграничность несправедливости, но мы не знаем способа освободиться от цепей, уйти от тьмы. „Христофор Колумб“ не отвечает на этот вопрос, не решает проблему освобождения, Революции»¹⁵, — замечал Илко Гореньчевич, анализируя драму как одно из произведений прогрессивной литературы, которые предстояло использовать компартии Югославии в своей борьбе с идеологией правящих кругов новоиспеченного буржуазно-монархического государства — Королевства сербов, хорватов и словенцев¹⁶.

Восторженно отзываясь о «Колумбе» как о драме, предназначенной для нового, революционного, еще только зарождавшегося театра, Гореньчевич замечал, что в тональности ее отчаянное крещендо начала сменяется широкими ритмами затишья после сцены укрощения стихии. Последнюю часть драмы критик определял как «безнадежно звучащее фортиссимо». Однако, несмотря на то, что Крлежа «не решил проблему Революции», несмотря на безысходность первого варианта финала драмы, Гореньчевич видел ее огромное достоинство в том, что Крлежа резко выступил против плоского, мещанского толкования самого понятия революции, против сведения целей и задач революционной борьбы к достижению обывательского благополучия. «Так неизмеримо глупо истолковать русскую революцию, как поняло ее наше буржуазное общество, не смогли, вероятно, даже попы и дворяне истолковать французскую революцию 1789 года, — с иронией замечал Гореньчевич в статье, посвященной „Колумбу“ Крлежи. — Написали золотыми буквами „демократия“ на больших вывесках и маленьких бланках, <...> врезали это словечко и в корону, и в престол»¹⁷.

«Пламен» был легальным журналом, и поэтому Гореньчевич был вынужден прибегать к иносказаниям. Он стремился рассеять заблуждения тех, кто видел в режиме Королевства сербов, хорватов и словенцев осуществление вековых чаяний югославянских народов. Сербские, хорватские и словенские буржуазные политиканы использовали в своих целях революционное движение масс, порожденное Великой Октябрьской социалистической революцией. Именно вождей буржуазных партий и группировок узнали современники Крлежи в его «старейшинах» и «сильных мира сего», суливших народу земные блага, затемнявших его сознание и отвращавших его от революционных идеалов.

«Ленин в 1917 году в одно мгновение — ad acta — сдал в архив всю европейскую политику и культурную проблематику, и в свете его логики все наше собственное ничтожное социал-демократическое и либеральное провинциальное политиканство представилось нам смешным и беспредметным и, надо сказать, как это ни грубо, — глупым!» — записал в своем дневнике Крлежа в 1951 г.

Революция и ее вождь для Крлежи в 1917 г. — явления почти божественные, отмеченные печатью таинства. Колумб — вождь народа — несет в себе высшее знание, сверхчеловеческую силу убеждения. Его воздействие и на стихию, и на умы людей чудесно, сверхъестественно. Сможет ли высший, чистейший идеал выдержать столкновение с реальной действительностью — таков был вопрос, встававший перед Крлежей

¹⁵ «Пламен», 1919, № 3.

¹⁶ Королевство СХС, созданное в 1918 г., в 1929 г. было переименовано в Королевство Югославия.

¹⁷ I. G o r e n j e w i ć. Kristobal Kolon. «Пламен», 1919, № 3.

в его размышлениях о революции. И «Христофор Колумб» был выражением боли художника при мысли, что идеал этот может быть запятнан. Носитель идеи братства всех людей, гуманизма, духовного преображения человека (Крлежа, как и многие его современники, воспринял в те годы социалистический идеал преимущественно в этическом плане) был пока благородным, но изолированным от массы мечтателем.

Оценивая место «Колумба» и всего драматического цикла Крлежи «Легенды» в духовной жизни передовой югославской интеллигенции эпохи 1914—1917 гг., М. Маткович пишет: «...Легенды о поражениях, о разочарованиях, о кризисах, (...) эти отчаянные вопли о солнце, о свете, о жизни, в которой человек человеку не будет волком, но братом, руки, простертые и жаждущие дружеского рукопожатия, всечеловеческого подвига, который перевернет мир,— есть живое художественное отражение эпохи международной розни, предательства, господства военщины, скотства в человеческих отношениях, массовых убийств, тьмы безвременья, которую осветит только пожар Великого Октября, и этот пожар будет сиять, начиная с 1917 года, как единственная и осуществимая надежда, как спокойная уверенность, как вера всех пострадавших душ, как боевой революционный призыв к эксплуатируемым. Именно так и не иначе поняли современники театр Крлежи в цикле «Легенды», и вся борьба вокруг него была борьбой за принципы прогрессивной драматургии или против них, за модный, дешевый, развлекательный театр»¹⁸.

В «Христофоре Колумбе» Крлежа выступает как драматург, обладающий уже определенным опытом, создающий свой собственный театр. Творческая манера его становится более зрелой по сравнению с ранними «Легендами».

Мотив раздвоения личности выступает здесь, как и в «Легенде», в форме материализованной метафоры — разговора Колумба с Неизвестным, олицетворяющим сомнения Адмирала. Однако вера в идеал, с одной стороны, и трезвое знание, с другой, сталкиваются здесь уже в активном действии, участвуют в основном драматическом конфликте. Роль Колумба и Неизвестного как носителей тезиса и антитезиса становится вторичной, на первый план выступают действия, поступки Колумба.

«Христофор Колумб» отражает еще один важный этап развития Крлежи-драматурга, характеризующийся введением в действие малых и больших групп персонажей, разработкой массовых сцен. В списке действующих лиц Народ обозначен как Моряки, Гребцы с галер, Рабы; далее, в авторских ремарках, встречаются Сломленные, Упорствующие, Пьяные, Робкие, Набожные, Голодные, Потерявшие голову, Дикие, Воиющие, Угрожающие, Взбешенные, Отчаявшиеся, Противоречащие, появляются Палачи, Раненые, Принадлежащие к компактному большинству и т. д. Драматург словно стремится поместить в толпу на Колумбовом корабле все разнообразие индивидуальностей рода человеческого и все оттенки состояния человеческого духа в критические моменты. Опираясь на опыт пьесы «Кралево» с ее картинами пестрой, находящейся в постоянном движении толпы, Крлежа продолжает разрабатывать искусство ритмического построения массовых сцен. Он снабжает их детальными авторскими ремарками, стремясь определить не только движение групп актеров на сцене, но и мельчайшие нюансы звучания эпизодов, то, что можно было бы назвать полифонией толпы.

По-своему восприняв и творчески переработав опыт Крлежи в этой области, режиссер Бранко Гавелла создает несколько лет спустя первый

¹⁸ М. М а т к о в и ć. Marginalija uz Krležino dramsko stvaranje. В сб.: «Miroslav Krleža». Zagreb, 1963, s. 252—253.

спектакль по одной из следующих пьес Крлежи — «Голгофа» (1922). Именно постановка массовых сцен — слаженный ритм работы в кузнечном цехе, перерастающий в тревожные аккорды зарождения бунта, революции, — восхитила Станиславского, который отнес успех этих сцен исключительно за счет таланта и искусства режиссера («пьеса неинтересная, кинематографическая», — записал Станиславский). Гавелла, без сомнения, гениально разработал звуковую партитуру спектакля, отнюдь не всегда следуя в точности ремаркам Крлежи. Однако не может быть сомнений и в том, что массовые сцены драматического цикла «Легенды» — а Гавелла был знаком с этим циклом — дали определенный импульс творческой фантазии режиссера.

«Голгофа» оказалась первой драмой Крлежи, открывшей автору дорогу на югославскую сцену. (Годом раньше спектакль Гавеллы по пьесе Крлежи «Галиция» был запрещен властями как «попытка пропаганды большевистских идей».) За ее постановкой последовали один за другим спектакли по пьесам «Вучьяк», «Микеланджело Буонаротти», «В лагере», три пьесы цикла о Глембаях. Из «Легенд» в 20-е годы была поставлена только одна — «Адам и Ева».

Сценическая история двух важнейших пьес из цикла «Легенды» началась только в социалистической Югославии. Спектакль «Кралево» был успешно поставлен в загребском драматическом театре «Гавелла» Дино Радоевичем в 1970 г. «Христофор Колумб» насчитывает уже три постановки: спектакль режиссера М. Дедича в Белградском драматическом театре (1955), режиссера Томислава Дурбешича с коллективом молодого театра индустриального центра Зеница (1973) и, наконец, спектакль Георгия Паро, показанный на Дубровницких летних играх 1973 г. Паро осуществил интересный и смелый сценический эксперимент, включающий элементы хэппенинга. Актеры и публика помещаются на палубе старого корабля, реконструированного специально для этого спектакля. «Санта Мария» выходит в море, и действие «Христофора Колумба» разворачивается с того момента, когда берег исчезает из вида (тут только актеры, до тех пор как бы затерявшиеся в толпе зрителей, обнаруживают себя), до возвращения его в порт. Этот спектакль, прошедший с огромным успехом и получивший Первую премию Дубровницкого фестиваля 1973 г., посвященного 80-летию Крлежи, остается пока лучшим сценическим воплощением юношеской легенды драматурга. Режиссеру удалось придать ей по-настоящему современное звучание. Спектакль будит мысли и обостряет чувства зрителя («прежде всего будоражит равнодушных», — писал рецензент газеты «Борба» Феликс Пашич). Не затушевывая ноток скепсиса и иронии, присущих таланту Крлежи, Георгий Паро подчеркнул внутренний оптимистический смысл пьесы, заключенный в монологах Колумба. «Путь, открытый до самых звезд» для всего человечества, о котором мечтает Колумб, существует, и он будет найден, невзирая на все бури и невзгоды, — такова тональность спектакля.

Особенно удались режиссеру массовые сцены, рисующие бунт против Колумба в первой части, умиротворение и пиршество во второй и ликование при виде берега в третьей. Бои гладиаторов, танцы, песни чередуются в четком музыкальном ритме. Весьма оживили спектакль написанные композитором Перо Готовацем зонги для хора, комментирующие действие на манер зонгов в спектаклях Брехта. То встревоженные, то взбешенные, то возвещающие спасение голоса создают мощный фон, на котором звучат диалоги Колумба (артист Божидар Бобан) и Неизвестного (артист Фабиян Шовагович).

Г. Паро проявил необычайное искусство обращения с массами актеров на сцене, на четких, резко обнаженных планах корабля „Санта Ма-

рия», — писал в газете „Политика“ видный югославский режиссер Марко Фотез. — „Санта Мария“ была превращена в гигантский костер сценических средств, костер пылающий и разбрасывающий искры <...> На палубах корабля звучат электрогитары и пушечные залпы, горят факелы, вспыхивают фейерверки, трепещут стяги, льется вино, дымятся сардины на вертелах, звонят звонки, взлетают ракеты...»

Спектакль как целое оставляет жизнеутверждающее впечатление. Однако режиссеру удалось сохранить и присущий Крлеже скепсис и ядовитую антимещанскую иронию — в спектакле звучат живые ноты предостережения тем, кого привлекает блеск современного «общества потребления». Таким образом, «Христофор Колумб», написанный в 1917 г., самым живым и активным образом включается в сегодняшний день югославского театра.

Сценическая жизнь ранней драматургии Крлежи только еще начинается. Цикл «Легенды», проникнутый предчувствием великих перемен, органически входит в репертуар театра социалистической Югославии, толкает режиссеров к серьезным размышлениям, к поискам новых идейных и художественных решений, новых средств сценической выразительности. Сбывается предсказание И. Гореньевича, который в 1919 г. писал, анализируя возможности сценического воплощения «Христофора Колумба», о том, что, возможно, будущий постановщик этой пьесы остановится где-то на середине своей работы и скажет: «Стоп, это уже переходит возможности моего искусства». «Однако, — заключал первый критик „Колумба“, — это будет лишь показателем технического несовершенства сценических средств, которые уже завтра могут стать лучше». Сегодняшние постановки ранней революционной драматургии Крлежи, использующие весь арсенал современных сценических средств, воспринимаются менее всего как музейная реконструкция. Эти спектакли активно участвуют в борьбе за нового человека, активного строителя социалистического общества в Югославии.

А. С. МЫЛЬНИКОВ

КУЛЬТУРА И НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ЭПОХУ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Вопрос, сформулированный в заголовке статьи, по существу не только не исследован, но как комплексная проблема и не поставлен. До сих пор он рассматривался и решался либо на материалах истории отдельных стран региона, либо, в лучшем случае, в масштабе нескольких славянских народов (например, южных славян)¹. Отсюда проистекало недостаточное внимание к выявлению общих закономерностей и вместе с тем специфических различий в развитии славянских и других народов Центральной и Юго-Восточной Европы, несмотря на то, что на протяжении длительного исторического периода они не только соседствовали, но и находились в сложных экономических, социально-политических и культурных взаимодействиях. Возросший за последние годы в советском славяноведении и балканистике интерес к проблемным, сравнительно-историческим, обобщающим трудам свидетельствует о плодотворном характере целостного рассмотрения проблем развития стран и народов данного региона. Это позволяет не только обеспечить в перспективе создание синхронической картины интересующей нас эпохи, но и выявить механизм общественных и культурных взаимоотношений славянских и других народов Центральной и Юго-Восточной Европы².

Не претендуя на решение всех возникающих при этом вопросов, мы, рассматривая взаимосвязи культуры и национального самосознания, будем исходить из понимания национального Возрождения как определенной, исторически сложившейся системы, обладавшей в пределах региона во многом сходными социально-экономическими, политическими и культурными чертами³.

Для эпохи национального Возрождения было характерно выдвижение языковых, национально-культурных и социально-политических про-

---

¹ Л. А. Обушенкова, В. И. Фрейдзон. О влиянии национально-освободительного движения славянских народов на развитие национального самосознания (конец XVIII — 70-е годы XIX в.). В кн. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973, стр. 125—149; В. И. Злыднев, И. И. Лещиловская, Е. П. Львова. Национально-освободительное движение южных славян и проблема формирования национальных культур. Там же, стр. 330—343.

² Д. Ф. Марков. Сравнительно-исторические и комплексные исследования в общественных науках. Из опыта изучения истории и истории культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. «Вопросы истории», 1973, № 10, стр. 80—95.

³ И. С. Миллер. Развитие народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму как проблема комплексного сравнительно-исторического изучения. «Советское славяноведение», 1972, № 4, стр. 32.

грамм, борьба за упрочение и развитие национальных языков и литературы, вовлечение в движение относительно широких народных масс, стремившихся утвердить свою культурно-этническую общность и преодолеть препятствия на пути свободного национального развития. В. И. Ленин отмечал, что этот этап национально-освободительного движения, происходившего в период становления капитализма, имел общедемократический характер: «Сплочение национальных областей (воссоздание языка, национальное пробуждение etc.) и создание н а ц и о н а л ь н о г о г о с у д а р с т в а»⁴. Именно поэтому период национального Возрождения был исторически прогрессивным, хотя сама по себе прогрессивность эта и имела относительное, преходящее значение⁵. Как подчеркивал В. И. Ленин, «пробуждение масс к обладанию родным языком и его литературой» есть «необходимое условие и спутник полного развития капитализма, полного проникновения обмена до последней крестьянской семьи»⁶.

Сказать, что культура в этом процессе занимала важное место, — значит сказать и много (ибо это несомненно) и, по сути дела, ничего (ибо этим мы ни на шаг не продвинемся в исторически конкретном определении). Именно теснейшая связь формирования самосознания с культурой делает поставленную проблему необычайно сложной. Поэтому нужна не столько констатация данного факта, сколько указание места, которое в отношении национального самосознания занимала культура как один из факторов идейного развития эпохи.

Сопоставляя данные истории культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы второй половины XVIII — середины XIX в., нельзя не заметить того значения, которое приобрели в эти десятилетия наука, искусство, книжное дело и народное просвещение. Научные изыскания в области национальной истории и филологии, проникнутые духом Просвещения, как бы открывают новый период в духовной истории этих народов. В 1761 г. чешский просветитель Г. Добнер публикует первый том критического комментария к «Чешской хронике» XVI в. В. Гаека, в котором решительно рвет со средневековыми, пропитанными духом клерикализма, догмами своих предшественников и стремится доказать демократический характер общественного устройства древних славян, в том числе чехов. Во многом сходные по патристическому звучанию исторические и историко-публицистические труды возникают и у других славянских народов. Таковы «Краинская хроника» (1770—1778) М. Похлина и «Опыт описания истории Краины и прочих южных славян Австрии» (1778—1791) А. Линхарта — видных деятелей национального Возрождения в Словении; «История разных славянских народов, наипаче болгар, хорватов и сербов» (1794—1795) сербского просветителя Й. Раича, проповедовавшего единство южных славян и расширение связи их с Россией; патристические разыскания К. Г. Антона по истории лужицких сербов в конце XVIII в.; «История Черной Горы» (1835) С. Милутиновича. И так обстояло не только у славянских народов. Интерес к национальной истории растет и у других народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Значительным достижением исторической мысли XVIII в. стал проникнутый идеями гуманизма и германо-славянского сотрудничества трактат И. Гердера «Идеи о философии истории человечества» (1784—1791). С 1760-х годов оживляется интерес к прошлому в Венгрии, нашедший, например, отражение в работах Д. Прая, Б. Вирага, в историко-правовых штудиях Д. Ковачича и др. На исходе XVIII в. в Трансильвании появ-

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 385.

⁵ Там же, стр. 131—132.

⁶ Там же, т. 30, стр. 89.

ляются работы по истории румын — «История, дела и события, пережитые румынами» С. Мику-Клайпа и, под его влиянием, «Летопись румын» Г. Шинкая; в Вене выходит написанная М. Кактакузино «История Валахии» (1805). Основоположник греческого Просвещения Е. Вулгарис считал обращение к изучению истории греческого народа одной из важнейших задач национального Возрождения.

При всех различиях в научном уровне и в широте охвата источников эти работы, возникшие более или менее одновременно, несли в себе значительный заряд патриотического осмысления национальной истории. Так, шаг за шагом анализируя источники по истории чешского народа, Г. Добнер по-новому, с просветительских позиций, подошел к осмыслению понятия патриотизм⁷. В отличие от исторических исследований Г. Добнера, построенных с учетом новейших достижений европейской историографии, «История славяно-болгарская» Паисия Хилендарского скорее публицистический трактат, в котором нетрудно найти приемы церковного ораторского искусства. Но и здесь метод воскрешения славного прошлого болгарского народа и противопоставление его жалкому положению, в котором он находился к тому времени, призван возбудить чувство любви к родине, вызвать в читателе желание бороться за ее национальное возрождение⁸. «Разве болгары не имели своего царства и власти?» — восклицал Паисий, призывая соотечественников любить историю и язык предков⁹. Понимание воспитательного, патриотического воздействия исторической науки на рост национального самосознания существовало и у других народов региона. Так, видный деятель румынской культуры первой половины XIX в. М. Кагалничану, приступая в 1843 г. к чтению в Михайловской академии в Яссах курса румынской истории, призывал слушателей любить и уважать национальную историю¹⁰. Впрочем, разработка нового мировоззрения осуществлялась не обязательно на местном материале. Первую, например, в польской историографии попытку преодоления средневекового летописания и мифологизма представляла, по словам Б. Суходольского, «Политическая история древних государств» А. Нарушевича¹¹.

В еще большей степени, пожалуй, идеи национального самосознания проявились в филологии¹². Значительный вклад в разработку общих проблем славянского языкознания, в создание современных литературных языков чехов, словаков, поляков, лужицких сербов, южных славян, венгров внесли Й. Добровский, С. Линде, А. Бернолак, Ю. Рыбай, Б. Копитар, Д. Обрадович, Вук Караджич, П. Й. Шафарик, Й. Юнгман, М. Гай, Х. Смолер, Л. Штур, Ф. Казинци и другие ученые. Наиболее общей для них чертой была страстная защита национальных прав своих народов, подчеркивание важности развития и совершенствования языка для обеспечения их этнического сохранения. М. Похлин в «Краинской грамматике» еще в конце XVIII в. писал о больших выразительных возможностях, которыми обладает словенский язык. Эти мысли развивал и патриотически настроенный люблянский меценат С. Цойс в переписке с

⁷ G. Dobner. Epistola apologetica adversus Luciferum urentem. Pragaе, 1767, p. 104, 124—126; J. Hanuš. Počátky kritického dějzpytu v Cechách. ССН, 1909, s. 301.

⁸ K. Wierzbicka. Historia słowianobułgarska Paisija Chilendarskiego. «Kultura i społeczeństwo», 1972, № 3, s. 235—239.

⁹ Н. С. Державин. Сборник статей и исследований в области славянской филологии. М.—Л., 1941, стр. 97—98.

¹⁰ «История Румынии». Под ред. М. Роллера. Пер. с рум. М., 1950, стр. 273.

¹¹ B. Suchodolski. Nauka polska w okresie oświecenia. Kraków, 1953, s. 55.

¹² См. материалы коллоквиума: Les lumières en Hongrie, en Europe Centrale et en Europe Orientale. Budapest, 1971, p. 55—64, 83—90, 97—109; R. Auty. The role of poetry in the early nineteenth century slavonic language revivals. «Revue des études sud-est européennes», 1973, № 1, p. 31—37.

В. Водником (1794—1795)¹³. За создание светской литературы на сербском языке с конца 1760-х годов ратовал З. Орфелин. Требование чистоты и ясности языка было одним из программных требований польского просветительского журнала конца XVIII в. «Забава пишемне и пожитечне», в котором сотрудничали А. Нарушевич, И. Красицкий, Ф. Богомолец, С. Трембецкий и другие видные писатели того времени¹⁴. О необходимости совершенствования национального языка писали деятели культуры других народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Достаточно вспомнить И. Гердера, Г. Лессинга, деятелей «Бури и натиска», а затем и так называемых народных романтиков в Германии конца XVIII — начала XIX в., боровшихся за формирование немецкого литературного языка, за демократизацию культуры и преодоление национальной раздробленности. И. Гердер, например, продолжая традиции Лессинга, рассматривал формирование литературного языка в качестве основной задачи прогрессивного развития немецкой литературы. Он обращал внимание на связь языка и литературы с жизнью нации. Еще в 1770-х годах он писал: «Вся наша средневековая история ограничивается патологией, и притом большей частью патологией головы, то есть императора и нескольких имперских сословий. Физиология же всего организма нации — вот это совсем другое дело»¹⁵. Многие прогрессивные идеи И. Гердера оказали влияние на деятелей культуры славянских народов эпохи национального Возрождения. В Греции Е. Вулгарис исходил из необходимости пробуждения у народа интереса к родному языку. Его продолжатели Н. Теотокис и особенно А. Кориас (в начале XIX в.) видят в развитии языка одно из первейших условий воспитания национального самосознания в народе¹⁶. Во многом сходными идеями воодушевлен был первый венгерский просветитель Д. Бешшени. «Программа Бешшени содержала требование обновления и развития венгерского языка, распространения научных знаний и учения просветителей на родном языке»¹⁷.

Ставившие перед собой откровенно патриотические задачи, авторы большей части исторических и филологических трудов выступали не только как ученые, но и как публицисты. Это породило во второй половине XVIII — начале XIX в. своеобразную форму публицистического трактата — так называемые языковые защиты. Наиболее полное развитие они получили в Чешских землях и Словакии. Таковы, например, изданные в 1783 г. «Рекомендация чешского языка и литературы» моравского просветителя Яна Ганке, написанная на немецком языке, и «Защита чешского языка от злобных его хулителей» чеха Вацлава Тамма, написанная по-чешски¹⁸. В той или иной форме сходный жанр существовал и у других народов Центральной и Юго-Восточной Европы — у поляков, южных славян, венгров, немцев, греков. Так, защитой прав народа и верой в его освобождение проникнуты «Разговор угодный народа словенского» А. Качича-Миошича (1750-е годы), статьи в защиту немецкого языка И. Гердера, брошюра секретаря Т. Костюшко Ю. Павликовского «Могут ли поляки добиться независимости» (1800), отчасти (в поэтической

¹³ В. P a t e r n u. Slovenska literarna kritika pred Lestvikom. Ljubljana, 1960, s. 3,9.

¹⁴ «История польской литературы», т. 1, М., 1968, стр. 113.

¹⁵ И. Г. Гердер. Избр. соч. Сост. В. М. Жирмунский. М.—Л., 1959, стр. 61.

¹⁶ А. Э. Т а х и а о с. Идеи Паисия Хилендарского в связи с греческим Возрождением XVIII в. В кн. Actes du premier congres International des etudes balkaniques et sud-est europeennes, t. 7. Sofia, 1971, p. 126; «Всемирная история», т. 5. Под ред. Я. Я. Зутиса и др. М., 1958, стр. 228.

¹⁷ «История Венгрии», т. 2. М., 1972, стр. 95.

¹⁸ F. C h a l u p ý. Obrany jazyka a národnosti česke. Ruch, 1883; J. T i b e n s k ý. Chvaly a obrany slovenského národa. Bratislava, 1965.

форме) «Исторические песни» Ю. У. Немцевича (1816), песня Петра I Негоша «Похвала Карагеоргию», «Размышления о судьбах родины» Д. Бешшеней и др.

Идеи национального самосознания находили проявление в области не только гуманитарных, но отчасти и других, естественных и точных, наук. С одной стороны, усиливался интерес к исследованию природных ресурсов и экономики определенных этнических территорий. Наиболее характерной организационной формой при этом были разного рода научные объединения, возникающие с середины XVIII в. С другой стороны, все большее внимание уделялось выработке научной терминологии на национальных языках.

В наибольшей мере, пожалуй, идеи национального самосознания проявились в области литературы и изобразительного искусства. И это понятно. Как справедливо отмечал в свое время Ф. Вольман, возрождать следовало в первую очередь литературный язык и художественную литературу, откуда можно было черпать материал для развития культуры, выражавшей новые экономические отношения и социальные структуры¹⁹. И действительно, за несколько десятилетий у большинства славянских народов сложилась богатая и самобытная художественная культура, лучшие образцы которой обогатили сокровищницу мировой цивилизации²⁰.

Существенное значение для развития национальной культуры приобрело книжное дело, как бы в предметной, материальной форме закреплявшее культурные достижения народов Центральной и Юго-Восточной Европы конца XVIII — середины XIX в. В руках патриотически настроенных деятелей оно становилось мощным средством распространения культурных ценностей, содействовало пропаганде национально-патриотических идей, создавало круг чтения на языках соответствующих народов, предпринимавших целеустремленные усилия, направленные на создание прогрессивного книгоиздательства²¹. Поистине подвижническую миссию, например, выполнило книжное дело в истории словацкой культуры.

Несмотря на политические трудности и цензурные запреты, книгопечатание к середине XIX в. стало действенным фактором национального развития у большей части народов Центральной Европы. Иначе было у народов Балканского полуострова, где в тяжелой обстановке турецкого ига книгопечатание длительное время не смогло утвердиться на национальной территории. Так, все сербские книги в XVIII в. печатались в Буде, Вене, Венеции, Петербурге и других зарубежных европейских городах²². В Болгарии и Греции местное книгопечатание смогло появиться только в XIX в.²³. В этих условиях у большинства балканских народов и в эпоху национального Возрождения важную общественную роль продолжала играть рукописная книга. «История» Папсия длительное время, до того как в 1844 г. она была впервые опубликована, распространялась в списках. В этом, между прочим, принял живое участие Софроний Врачанский, сыгравший огромную роль и в становлении болгарского книгопе-

¹⁹ F. W o l l m a n. Slovanství v jazykové literárním obrození u Slovanů. Praha, 1958, s. 58.

²⁰ С. В. Н и к о л ь с к и й. Художественное сознание эпохи национального Возрождения. На материале чешской, словацкой, болгарской литератур. «Советское славяноведение», 1973, № 4, стр. 53—61.

²¹ А. С. М ы л ь н и к о в. Чешская книга. Очерки истории. Книга. Культура. Общество. М., 1972, стр. 144.

²² М. К о с т и ћ. Књиге, књижарство и књижнице. В кн. Српска штампана књига. 18 век. Каталог. Н. Сад, Београд, 1963, стр. 19.

²³ С. К у т и ч е в. Печатарството в България до освобождението. София, 1920; К. Р г о с т о г. The printing of Greek in the fifteenth century. Oxford, 1900.

чатания в начале XIX в.²⁴. Рукописная книга в XVIII и XIX вв. была хорошо известна в Сербии, Боснии, Македонии, создавалась она до начала XIX в. и в румынских землях²⁵.

Наконец, существенное значение в повышении культурного уровня народа и в распространении идей национального самосознания имело в эпоху национального Возрождения народное образование. Условия его развития в разных странах существенно отличались друг от друга. Показательно в этом отношении сравнить примеры Австрийской монархии и Польши. Почти одновременно здесь в середине 1770-х годов произошли реформы начального и среднего образования, одним из следствий которых было отделение школы от церкви. Это явилось не только результатом длительной борьбы прогрессивных сил за секуляризацию народного просвещения, но и объективной потребностью социальной и экономической политики «просвещенного абсолютизма». Но как велико было различие! Половинчатые, зачастую непоследовательные шаги габсбургского правительства по огосударствлению системы образования в многонациональной монархии сочетались с внедрением немецкого языка как обязательного. Уступки делались лишь для низшего звена, где разрешалось обучение детей на национальных языках²⁶. В Польше в 1773 г. была учреждена Эдукационная комиссия, т. е. фактически первое в Европе министерство народного просвещения²⁷, «отделившее школу от церкви, изгнавшее схоластику из университетских стен, установившее преподавание на национальном языке (вместо латыни) и создавшее школы для детей крестьян и ремесленников»²⁸. После разделов страны вопросы школьного дела приобрели в глазах прогрессивной общественности первостепенное значение, в особенности для тех польских земель, которые отошли к Пруссии, энергично проводившей их онемечивание²⁹. Народы, обладавшие той или иной внутренней автономией, порой находились в относительно лучшем положении. Так, с одобрения молдавского и валахского господарей Г. Асаки и Г. Лазарь расширили в начале XIX в. программу обучения в местных учебных заведениях и ввели в преподавание румынский язык. Вопросы просвещения нашли отражение и в Органических регламентах 1831—1832 гг., созданных при участии главы русской военной администрации в Дунайских княжествах П. Д. Киселева. Усилия по созданию национальной системы просвещения предпринимались и в Сербском княжестве, в 1808 г. в Белграде возникает Великая школа, а позднее, в конце 30-х — начале 40-х годов, и ряд специальных учебных заведений. Нельзя, наконец, не упомянуть плодотворной педагогической деятельности одного из крупнейших организаторов дела народного образования в Словении В. Водника, чьи учебники применялись с начала XIX в. вплоть до революции 1848 г.

Однако в условиях национального порабощения официальная школьная система не могла обеспечить решения задач, стоящих перед национальной культурой. Поэтому важную роль в развитии школьного и вне-

²⁴ Н. С. Державин. История Болгарии, т. 4. М.—Л., 1948, стр. 78.

²⁵ Подробнее см.: А. С. Мылъников. Вопросы изучения поздней рукописной книги. В кн. Печатная и рукописная книга. М., 1974.

²⁶ П. Митрофанов. Политическая деятельность Иосифа II. Его сторонники и его враги. СПб., 1907, стр. 729.

²⁷ R. Dutkova. Komisja Edukacji Narodowej. Wrocław, 1973.

²⁸ «История польской литературы», стр. 111.

²⁹ E. A. G. Die verschiedenen Formen der nationalen Unterdrückung in Osteuropa und die Madjarisierung in der ersten Hälfte des XIX. Jahrhunderts. Studia historica, t. 51. Budapest, 1961, S. 432—433; W. Hagen. National solidarity and organic work in Prussian Poland. 1815—1914. «The Journal of modern history», 1972, № 1, p. 38—43.

школьного образования сыграла общественная инициатива. Первая школа нового типа на Балканах была в 1753 г. основана при монастыре Ватопед греческим просветителем Е. Вулгарисом. Но уже спустя пять лет из-за происков реакционно настроенных монахов она была закрыта. С конца XVIII в. деятели культуры в Чешских землях, Словакии, Хорватии, Венгрии и др. создавали школьные учебники на национальных языках, организовывали факультативные курсы родного языка, учреждали литературно-просветительские объединения, читательские клубы, библиотеки. Эти акции у большинства народов Центральной и Юго-Восточной Европы приняли особый размах в 30—40-е годы. Так, в Чешских землях с конца 30-х годов начинается массовое движение за основание новых и оживление деятельности ранее существовавших городских, школьных, студенческих, ремесленных и сельских библиотек. В нем приняли участие поэт А. Пухмайер, Й. Юпгман и его окружение, К. Амерлинг, В. Воцель, будущий рипилист И. Менцл и другие деятели национальной культуры³⁰. Своего рода колыбелью новой словацкой национальной литературы стал студенческий кружок, возникший в 1828/29 году при Братиславском лицее и расширивший свою деятельность в последующие годы³¹. Отчасти сходную роль сыграло образованное во Вроцлаве по инициативе Яна Смолера «Товарищество лужицкого языка и литературы»³². Своеобразным культурно-просветительным институтом, содействовавшим пропаганде национальных идей, стали так называемые славянские Матицы, возникшие к середине XIX в. у чехов и словаков, лужицких сербов, сербов, хорватов, словенцев. В Болгарии эти функции выполнялись отчасти клубами — «читальницами», создававшимися в разных местах страны по инициативе болгарских общин, особенно — с 1840-х годов³³.

В связи со сказанным следовало бы поставить вопрос о соотношении уровня грамотности населения и степени массовости национально-освободительного движения народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Несомненно, развитие системы народного образования, содействуя увеличению грамотности в среде сельского и городского населения, расширяло аудиторию, к которой обращались деятели культуры той эпохи. Поэтому фактор грамотности обязательно должен приниматься во внимание при определении места культуры в становлении национального самосознания³⁴. «Безграмотный человек, — подчеркивал В. И. Ленин, — стоит вне политики, его сначала надо научить азбуке»³⁵. С этой точки зрения народы региона находились в неравномерном положении: уровень грамотности «низов» общества в Центральной Европе был неизмеримо выше, нежели на Балканах. Так, в 1784 г. в Чехии всеобщим обучением было охвачено 59,4% детей школьного возраста, а в 1828 г. — уже 91,1%. К 1850 г. общий уровень грамотного населения составлял не менее 60%³⁶. Но еще в 1913 г. В. И. Ленин отмечал наличие в Австрии

³⁰ А. С. М ы л ь п и к о в. Возникновение рекомендательной библиографии в Чехословакии. «Советская библиография», вып. 42, 1956, стр. 50—51.

³¹ «Dejiny slovenskej literatury». Bratislava, 1960, s. 198—199.

³² J. C u ž. Jan Arnošt Smoler. Wobrys jeho žiwjenja a skytkowanja. Budyšin, 1966, s. 30.

³³ X. X р и с т о в. Българската община пред Възраждането. София, 1973, стр. 97, 172.

³⁴ Примечательны с этой точки зрения наблюдения М. Гроха над территориальным распространением национального движения у ряда малых народов Европы. M. H r o s h. Die Vorkämpfer der nationalen Bewegung bei den kleinen Völkern Europas. Prag, 1968; его же. K otázce územní skladby národního hnutí. «Československý časopis historický», 1971, № 4, s. 513—536.

³⁵ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 174.

³⁶ М. Н. К у з ь м и н. Школа и образование в Чехословакии (конец XVIII — 30-е годы XX в.). М., 1971, стр. 67, 78.

(т. е. в Цислейтании) 39%, а в Венгрии (т. е. в Транслейтании) 50% неграмотных³⁷. При этом следует учитывать, развивалась ли грамотность на родном для коренного населения языке или на языке угнетающей нации.

В целом культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы была, как видно, теснейшим образом переплетена с идеями национального самосознания. Каково же было взаимоотношение этих факторов? Поставленный вопрос имеет немаловажное историческое и теоретическое значение, будучи связан с более общей проблемой генезиса самосознания формирующейся нации. В самом деле, по мнению некоторых авторов, национальные аспекты в культурно-политическом развитии народов Центральной и Юго-Восточной Европы появляются не ранее конца XVIII в. Например, один из ведущих современных буржуазных специалистов по истории Австро-Венгрии считает: «На вопрос о том, можно ли для габсбургских земель до конца XVIII в. говорить о национальных проблемах, чрезвычайно трудно ответить. Воззрения этнического национализма не вошли еще в употребление той эпохи. Естественно, что поэтому не могли быть выдвинуты требования этнического характера»³⁸. К сходному, по существу, выводу приходит на материале истории просветительской науки в Чехии М. Куделка: «Мысль о субъективно чешском патриотизме Добнера является весьма проблематическим преувеличением»³⁹. Другой чехословацкий историк считает, что самосознание чешского общества в XVIII в. было территориальным, «земским», а не этническим⁴⁰. Наоборот, существует диаметрально противоположный взгляд, исходящий из того, что между национальным самосознанием возрожденческой эпохи и — предшествующего времени нет принципиальной разницы. Еще школа Й. Пекаржа в буржуазной чешской историографии называла видного чешского историка XVII в. Б. Бальбина и его последователей творцами программы национального Возрождения⁴¹. По этой, видимо, причине пробуждение лужицких сербов иногда связывается с начавшейся в XVII в. деятельностью А. Френцеля⁴². Нетрудно заключить, что, независимо от выводов, и в первом и во втором случаях имеет место недооценка постепенности перехода от этнического сознания феодальной народности к самосознанию формирующейся нации. Вместе с тем следует заметить, что эти сложные общественно-культурные процессы обстоятельно разработаны в современной словацкой историографии на материалах творчества М. Беля, Яна Магина, Ю. Папанека, А. Ф. Коллара, Яна Римая и других деятелей словацкой культуры XVIII в.⁴³ Ибо дело как раз и заключалось в том, что между этническим сознанием довозрожденческого периода и национальным сознанием эпохи Возрождения имелись существенные различия, связанные с генезисом нации и вызванные качественными изменениями в экономических и социальных структурах эпохи, переходной от феодализма к капитализму. Характеризуя национальные движения того времени, В. И. Ленин прямо отмечал: «Экономическая ос-

³⁷ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 127.

³⁸ R. K a n l. Kanzel und Katheder. Studien zur österreichischen Geistesgeschichte vom Spätbarock zur Frühromantik. Wien — Freiburg — Basel, 1962, S. 20.

³⁹ M. K u d ě l k a. Gelasius Dobner. «Věstník CSAV», 1969, s. 221.

⁴⁰ J. H a n z a l. Jazyková otázka ve vývoji obrozenského školství. ČSČH, 1968, s. 320.

⁴¹ J. S t r a k o š. Počátky obrozenského historismu v pražských časopisech a M. A. Voigt. Praha, 1929, s. 10—11.

⁴² O. W i ć a z. Handrij Zeiler a jeho doba. Budyžin, 1955, s. 4.

⁴³ J. T i b e n s k ý. J. Papánek — J. Sklenár, obrancovia slovenskej národnosti v XVIII st. Martin, 1958; е г о ж е. Ideologia slovenskej feudalnej národnosti pred národným obrozením. Ve kn. Slováci a ich národný vývin. Bratislava, 1969, s. 94—112.

нова этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе»⁴⁴. В этом и было заложено коренное отличие культуры и национального самосознания периода национального Возрождения от предшествовавшего этапа, хотя хронологическую грань между ними и не всегда удается провести с достаточной точностью⁴⁵. Но поставим вопрос иначе — могла ли культура сама по себе порождать самосознание нации?

Своего рода экспериментальным материалом для ответа могут служить наблюдения над развитием так называемой бальбиновской традиции в Чехии.

Деятельность Б. Бальбина и его патриотического кружка в Праге происходит в основном на 60—80-е годы XVII в., во многом питаясь той экономической регенерацией, которую переживали Чешские земли во второй половине столетия. Бальбиновцы, стремясь преодолеть побелогорский упадок культуры, отстаивали необходимость развития чешского языка и литературы, изучения истории чешского народа, воспитания в нем чувств патриотизма и уважения к наследию родной культуры. Глава патриотического кружка Б. Бальбин буквально заглядывал в конец следующего столетия. Его поразительный по силе убежденности трактат «Защита славянского, в частности, чешского языка», написанный около 1672 г., во многом предвосхитил взгляды деятелей чешского национального Возрождения второй половины XVIII — начала XIX в. Но он предвосхитил их не только в этом. Подобно Й. Добровскому и Й. Юнгману, в минуту отчаяния у Б. Бальбина появлялось трагическое сомнение, не пишет ли он эпитафию своему народу⁴⁶. Однако нужно видеть и другую сторону в воззрениях бальбиновцев — их искреннюю приверженность католицизму, участие в рекатолизации протестантского населения, их феодальное мышление. Единой «бальбиновской традиции», о чем писали сторонники школы Пекаржа, на самом деле не существовало. Противоречивость воззрений бальбиновцев создавала возможность, и тогда и позднее, противоположного их истолкования. Именно этим следует объяснить тот поразительный, на первый взгляд, резонанс, который получили впервые изданные в 1770-е годы апологетические труды Б. Бальбина. Для деятелей национального Возрождения они были буквально открытием Бальбина-патриота. Многие мысли его и спустя столетие звучали столь злобно, что в авторстве «Защиты» подозревали ее публикатора Ф. М. Пельцла, а тираж издания был конфискован⁴⁷. В этом смысле Э. Неedly назвал Бальбина «человеком эпохи национального Возрождения». Но — только в этом смысле.

То, что оказалось созвучным эпохе пробуждения чешской нации, не могло получить развития в обстановке господства феодально-крепостнических отношений и политики контрреформации. И не эти гениальные провидения, а иные, проникнутые духом контрреформации, аспекты их патриотических воззрений способна была, да и то в лучшем случае, усвоить

⁴⁴ В. И. Лейнин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 258.

⁴⁵ В современной буржуазной славистике эти обстоятельства по-прежнему чаще всего во внимание не принимаются. См.: A. M i r a m b e l. La littérature et la langue, vecteurs de la conscience nationale chez les peuples du sud-est européen. In: Les Lumières et la formation de la conscience nationale chez les peuples du sud-east européen. Actes du colloque international... Bucarest, 1970, p. 18—20.

⁴⁶ A. D e n i s. Cechy po Bilé Hoře, t. 1. Praha, 1904, s. 357.

⁴⁷ J. P r o k e š. Osudy prvního vydání Balbinovy «Obrany jazyka českého». ČSM, 1925, s. 245—259.

подавляющая масса чехов эпохи. «Если рассматривать вопрос *идеально*, — писал К. Маркс, — то разложения определенной формы сознания было бы достаточно, чтобы убить целую эпоху. Реально же этот предел сознания соответствует *определенной ступени развития материальных производительных сил...*»⁴⁸. Поэтому в позитивной части своей национально-патриотической программы и бальбиновцы и авторы немногочисленных патриотических выступлений в начале XVIII в. (А. Фрозин, К. Розенмюллер, В. Витек и др.) оставались до поры идейными одиночками. Под влиянием коренных общественных сдвигов к середине XVIII в. в Чешских землях старая патриотически-контрреформационная традиция зашла в идейный тупик. Ф. Вольман правильно заметил, что в руках «чехистов» — противников Г. Добнера — она превратилась в реакционный жупел, тормозивший прогрессивное развитие культуры и общественной мысли⁴⁹. Между тем объективный процесс складывания нации настоятельно требовал соответствующего ему идеологического обоснования идей патриотизма. М. Куделка, отрицающий национально-чешские нотки в творчестве Г. Добнера, вынужден в то же время не без удивления отметить широкое распространение национальных представлений в Чехии 1760-х годов⁵⁰. Но как раз в этой обстановке национально-культурных исканий происходило формирование мировоззрения Г. Добнера и других ранних чешских просветителей, порывавших с прежними представлениями, основанными на феодально-клерикальной идеологии. Противопоставив чувству и религиозной экзальтации рассудок и рационалистический подход к источникам, Г. Добнер не проповедовал идей национального нигилизма или интеллектуального снобизма. Здесь, таким образом, происходило не «отбрасывание», как полагает М. Куделка, патриотического начала⁵¹, а его переосмысление, трансформация, очищение от контрреформационных шор и стремление сочетать прогрессивно для того времени понятию национальную традицию с требованиями философии Просвещения. Деятельность идейных продолжателей Г. Добнера — Ф. М. Пельцла, А. Фойгта и ряда других чешских просветителей — подтверждает этот вывод. Подтверждает его и история некоторых народов региона. Так, Й. Раич преодолевает традиционные летописно-библейские мотивы, еще сильно звучащие в «Истории» Паисия Хилендарского⁵². Намеченная проблема, однако, заслуживает дальнейшей разработки на материалах культуры других народов региона.

Если рассматривать национальное Возрождение в качестве определенной системы, то пример культуры будет в этом смысле очень показательным. Она становится действительно органической частью системы (и в свою очередь придает ей новые интегративные качества) лишь при наличии определенных объективных условий, соответствующих уровню развития национального самосознания и порождавших его социально-экономических и иных предпосылок. Наиболее полно это проявляется в принципиальных отличиях между культурой и самосознанием феодальной народности и культурой и самосознанием формирующейся нации. Используя упомянутые известные мысли В. И. Ленина, можно сказать, что решение в переходную от феодализма к капитализму эпоху культурных («воссоздание языка», «обладание литературой») задач неразрывно связывалось с задачами социально-экономическими и политическими («полное

⁴⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. II, стр. 33.

⁴⁹ F. Wollman. Ibid., s. 99.

⁵⁰ M. Kudělka. Spor Gelasia Dobnera. Praha, 1964, s. 15.

⁵¹ M. Kudělka. Gelasius Dobner. «Věstník ČSAV», 1969, s. 221.

⁵² С. А. Никитин. Паисий Хилендарский и современная ему южнославянская историография. В сб. «Славянское источниковедение». М., 1965, стр. 11.

развитие капитализма», «сплочение национальных областей» вплоть до «создания национального государства»). Первые не могли быть решены без вторых, которые В. И. Ленин определял как «необходимое условие и спутник». Заслуживает, в связи со сказанным, постановки и вопрос о взаимосвязях между разными этапами и «уровнями» национального самосознания. Обращения деятелей культуры конца XVIII — начала первой половины XIX в. к проблемам родного языка и истории внешне могли напоминать — и по литературной форме публицистических «защит» порой действительно напоминали — выступления отдельных патриотически настроенных авторов конца XVII — начала XVIII в. Но сходство это было чисто внешним. В основе выступлений просветителей лежали иные цели, отражавшие иные побудительные мотивы. Они с большей или меньшей определенностью связывали борьбу за национальную культуру с прогрессивными формами социально-экономического развития. Так, Ян Ганке, ратовавший за права чешского языка, называл барщину безнравственным обычаем, разлагающим и экономику и мораль. В 1784 г. он писал: «Уничтожьте крепостное право, и благодаря этому произойдет улучшение земских школ, преобразование прежних рабов в граждан»⁵³. Хорватский хлебопороговец Й. Шингуш в брошюре «Основы хлебной торговли согласно природе и событиям» (1796), защищая интересы коммерции, «показал необходимость литературно-языкового объединения Хорватии, Славонии и Далмации на базе одного из господствующих говоров»⁵⁴. Понимание подобных взаимосвязей усиливается в первых десятилетиях XIX в. Так, в работах венгерских экономистов 40-х годов А. Карваши, Я. Эрдеи и др. наблюдается стремление связать политико-экономические теории с условиями развития народного хозяйства в Венгрии⁵⁵. Накануне революции 1848 г. о связи между национальной борьбой и экономической столь же определенно в «Журнале чешского музея» писал Ян Воцель.

Впрочем, процесс генезиса национального самосознания нельзя представить себе упрощенно. Самосознание формирующихся наций не отделялось четким барьером от самосознания феодальной народности — ни во времени, ни в пространстве. В области культуры были возможны случаи сосуществования и даже перемешивания элементов того и другого, особенно у этносов, территориально разобщенных (хорваты, сербы, румыны) или находившихся на менее социально-экономически развитом уровне по сравнению с окружающими народами (лужицкие сербы, кашубы).

Все это свидетельствует о сложных и многоаспектных связях, существовавших между культурой и национальным самосознанием. Культура была основным каналом проявления и в то же время составной частью национального самосознания, фактором, отражавшим его генезис и в то же время вводившим его в определенные идейные и структурные рамки, содействовавшим его объективизации. Иными словами, в становлении самосознания формирующейся нации культуре принадлежало место своеобразного организатора.

Рассматривая под этим углом зрения место культуры в формировании национального самосознания у народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху национального Возрождения, нельзя не отметить типологической сходимости, а иногда — и общности культурных процессов, происходивших у славянских и других народов региона (у немцев, венгров, румын, греков). Так, развитие культуры и национального самосознания

⁵³ J. A. H a n k e. Versuch über die Schiffbarmachung des Flusses March und Handlung der Mährer. Brno, 1784.

⁵⁴ И. И. Лещеловская. О социальной сущности и периодизации хорватского национального Возрождения. «Советское славяноведение», 1971, № 5, стр. 41—42.

⁵⁵ «История Венгрии», т. 2, стр. 121.

у чехов, словаков, лужицких сербов и южных славян обнаруживает больше общности с теми же процессами у румын, чем, скажем, у поляков, а у последних — в большей мере с венграми. Разумеется, вопрос этот заслуживал бы особого рассмотрения. Заметим лишь, что сопоставление социально-экономической, национально-политической и культурной ситуаций, существовавших у разных народов региона, свидетельствует, что стоявшие перед ними задачи определялись не только фактом перехода от феодализма к капитализму и связанными с этими изменениями надстроечного порядка. Решающим критерием, позволяющим при прочих более или менее равных условиях говорить о наличии у тех или иных народов периода национального Возрождения, был фактор, тормозивший нормальный процесс конституирования нации: отсутствие государственной независимости и сопутствующее этому национальное угнетение в разных его формах. Но и ближайшие цели освободительной борьбы угнетенных народов при сходстве в главном зависели не только от необходимости решения конкретных национальных проблем, но и от тех или иных сопутствовавших факторов — от государственно-правового статуса народов, проживания их на компактной или административно разобщенной территории, от отсутствия или наличия «своего» господствующего класса и его отношения к этим проблемам и т. п. Отсюда вытекает принципиальная возможность моделирования по крайней мере двух основных типов культурной общности национального Возрождения: славяно-румынского (чехи, словаки, лужичане, южные славяне, румыны) и польско-венгерского (к которому тяготела в известном смысле часть хорватских земель). Дальнейшее изучение места культуры в становлении самосознания формировавшихся во второй половине XVIII — середине XIX в. наций позволит углубить знание важнейших закономерностей общественно-культурных процессов у народов Центральной и Юго-Восточной Европы в один из важнейших периодов их истории.

Т. Б. МЕНСКАЯ

ПЕРЕРАЗЛОЖЕНИЕ ЗАИМСТВОВАННЫХ ОСНОВ (на материале греческих глагольных заимствований в болгарском)

Среди проблем межъязыковой интерференции большой интерес представляет вопрос о путях адаптации заимствований, о сложных языковых процессах, посредством которых иноязычный элемент становится структурной единицей заимствующего языка. Выводы настоящей работы базируются на наблюдениях над многочисленными глагольными заимствованиями из греческого языка в болгарский, над теми специально, которые содержат аористную сигматическую основу. Ведущие принципы адаптации такого рода заимствований есть, по нашему мнению, во-первых, мена иноязычной (греческой) глагольной морфологии на собственную (болгарскую) и, во-вторых, разного рода переразложения самих заимствованных основ.

Если для большой группы заимствований (будем их дальше называть основами типа I) характерно переразложение ауслаутной части основы, откуда болгарские сигматические суффиксы *-ос-*, *-'ас-*, *-ис-*¹, то заимствования на $\#$ *кс-* < н. -греч. $\#$ *-ξ-*, $\#$ *-пс-* < $\#$ *-ψ-*, редкое $\#$ *-ес-* < $\#$ $\#$ (ε) *υσ-*, $\#$ *ас-*, < $\#$ *ασ-* $\#$ *ес-* < $\#$ *εσ-* (основы типа II) чаще подвергаются переразложению в ауслаутной части основы с выделением мнимого префикса, который обычно подменяется болгарской приставкой. Преобразование ауслаутной части основ типа II сводится к упрощению нехарактерных для болгарского языка сочетаний согласных, а исход аористной основы состава *-V-s-*, где V — гласный, в отдельных случаях заменяется затем суффиксами *-ос-*, *-'ас-*, *-ис-*. Приведем несколько примеров трансформации ауслаутной части основ типа II, используя знак (-) для обозначения морфных границ; тождество или сопоставимость значений лексем, приводимых под одним корнем, подразумевается².

Н.-греч. аор. основа $\mu\alpha\gamma\acute{\epsilon}\psi$ - (кн. -греч. $\mu\alpha\gamma\acute{\epsilon}\psi\omega$) > *маг — ёпс-вам* >
> *маг — ёс-вам* (ФБ) и *маг — ёс-(ала)* прил. (Рзл — СбнУ, 5, II, 86) >
> *маг' — ёс-вам*; *мац — ёс-вам*; возможно, однако, что *маг'ёсвам*, *мацёсвам* — отыменные глаголы на *-ос-/ос-ва-* к *магия*; [этимологию см. ФБ³, где *маг-ёпс(у)вам* и *магёсвам* разнесены по отдельным словарным статьям и возводятся к н.-греч. аор. основам $\mu\alpha\gamma\acute{\epsilon}\psi$ - и $\mu\alpha\gamma\acute{\epsilon}\psi\sigma$ -соответственно (обе основы

¹ Т. Б. Менская. Об одном типе морфологического заимствования. «Советское славяноведение», 1973, № 2.

² В настоящей работе использованы опубликованные в разное время материалы болгарских диалектов.

³ В случае известных этимологий мы отсылаем к обобщающей работе М. Филиповой-Байровой «Гръцки заемки в съвременния български език». София, 1969 (далее ФБ); где при каждой лексеме дается подробный этимологический аппарат; в остальных случаях — этимология наша.

н.-греч. μαχέω, но лишь μαχέψ- греч. демотич.), отметим также, что ауслаут # εϋσ-нормально дает в болгарском-# ес-, см. ниже.

Н.-греч. аор. основа χουρέψ- (к н.-греч. χουρέω) > болг. приставочный глагол *с-к(о/у)р-έψс-вам* (НГ, V; ЛсГ — Доп. НГ; ЗлЕ — ЕЛ, 1960, 141) > *с-кур-бс-вам* (Шмн — ФБ; НГ, V; КрС — БД, V); см. также ниже стр. 90.

Н.-греч. аор. основа έπανάξ (к н.-греч. έωαναπλῶ) > болг. приставочный глагол *от-пан-άкс-вам* (Мм, Сок — БД, II) > *ат-пан — άс-вам* (Рв — БД, V) > *от-пан-' άс-вам* (Рзл — СбНУ, 48, II, 496) (этимологию см. ФБ).

Редкий пример вклинивания болгарского сигматического суффикса внутрь сочетания -кс- < н.-греч. -ξ- находим в заимствованной н.-греч. аор. основе πατάξ- (к н.-греч. πατάσσω) > *пътък- 'άс-вам* (БрП — БД, V) ∞ *пат — ак' -бс-вам* (сев.-вост. Болгария — Скорчев, 21); другой путь развития данной заимствованной основы — с упрощением сочетания -кс-: *пат — άс-вам* (НГ, IV; СмП; Пн — ФБ) (этимологию для *патάксвам*, *патάсвам* см. ФБ).

Н.-греч. аор. основа πλαντάξ- (к н.-греч. πλαντάξω) > *планд — άкс-вам* (Стрдж — БД, I) > *планд-'άс-ал* прил. (ВрК — РР, XIII, 191) и *пландэсвам* (Бтв — БД, I), где -ес- < -'ас-; (этимологию для *пландάксвам* см. ФБ).

Н.-греч. аор. основа χουζουρέψ- (к н.-греч. χουζουρέω) > **хузур — έψс-ва* > **хузур — ёс-ва* > *хузур-'άс-ва* безл. (Яв — БД, II).

Своеобразную гиперкорректность находим в глаголе *скол — άкс-вам* (ФБ) при более распространенном *скол — άс-вам* < н.-греч. аор. осн. σκολάσ- (к н.-греч. σκολάξω).

Нельзя предположить, однако, аналогичное гиперкорректное развитие для *фандэпсова ми се* безл., см. ФБ: «*фандэпсова ми се* < н.-греч. аор. осн. φαντάξ- (к н.-греч. φαντάζομαι)». Данная н.-греч. аор. основа содержится в другом болгарском глаголе: **фант — άкс-вам (се)* > *фант — άс-вам* неперех. (сев.-вост. Болгария — Скорчев) > *фант-бс-вам се* (ФБ), а словоформа *фандэпсова ми се* представляет собой, по-видимому, отдельное заимствование на территории Странджки незарегистрированного греческого глагола однокоренного φαντάζομαι (ср. в частности сохранение здесь н.-греч. -ντ- [nd] в отличие от *фантáсвам*, *фантбсвам се*.)

Более распространенным способом адаптации основ типа II является, как было сказано выше, переразложение ауслаута, которое может сопровождаться и преобразованиями ауслаута, как в *епанάксвам или *скурéпсвам*. Рассматриваемые нами в этой связи языковые факты позволяют сделать вывод о том, что большинство греческих аористных основ типа II при заимствовании в болгарский получают статус приставочных, посредством ли выделения неэтимологической приставки и мнимого, следовательно, корня, посредством ли присоединения неслогообразующих болгарских приставок или другими способами, которые будут описаны ниже. Данный языковой процесс основан, по-видимому, на перфективирующей роли болгарских приставок, выступающих в этом случае как автохтонное морфологическое средство выражения грамматического значения заимствуемых аористных основ — значения моментальности действия, трансформирующегося в значение совершенного вида.

Рассмотрим прежде всего разложение заимствований на неэтимологические префикс и корень. Переразложение такого рода сопровождается подменой греческого «префикса» действительным болгарским префиксом.

Докимáсвам 'изпитываю, опитываю' восходит к н.-греч. аор. основе δοκιμάσ- (к н.-греч. δοκιμάζω 'изпитываю, пробываю, опитываю'). На основании переразложения заимствования *докимáсвам* возникла сло-

воформа с другой болгарской приставкой *из-* — *ис-кима́су* — *вам* 'опитвам, изпитвам'⁴ (Пв — БД, II; ЕнК — БД, V) и *за-ис-кима́сувам* 'разследвам, разпитвам' (Пв, Хв и др. — БД, II); (этимология для *докима́сувам*, *изкима́сувам* см. ФБ).

Широкоупотребительный заимствованный глагол *зали́свам* 'замайвам, обърквам с нещо' < н.-греч. аор. осн. ζαλίσ- (к н.-греч. ζαλίζω 'замайвам') (этимология ФБ) и вторичный глагол *зали́свам се* (НГ, II; КрС — БД, V) 'замайвам се, захласвам се' пренасям се 'подвергаются переразложению с последующей заменой анлаута греческой основы [za] †, осмысленного в системе болгарского языка как приставка, другими приставками: *у-* в *ули́свам се* 'унасям се' (Тр — БД, IV; БТР) и *улисвам* 'замайвам, залисвам' (БТР) [а также приставкой *с-* в *слисвам се* 'обърквам се, смайвам се' (ФБ)] в отличие от предлагаемого нами здесь толкования М. Филипова-Байрова вслед за проф. Ст. Младеновым (ЕР) возводит *слисвам се* 'обърквам се, смайвам се' к н.-греч. λύομαι 'отвѣрзвам се; ставам безсилен, отпускам'; Ст. Младенов возводит к тому же корню и глагол *за-ли́свам* *перех.*

Н.-греч. аор. основу ἡσυχάζω- (к н.-греч. ἡσυχάζω 'спокоен сѣм') с переразложением и заменой гласного анлаута болгарской приставкой находим в глаголе *на-сихѣсвам се* 'изхождам се (за куче)' (Стрдж — БД, I), где [el] < [ʼa] < [a] после мягкого [h]; ср. также *сихѣзувам* 'успокоявам' (ФБ), где [-z] < [-s] в иптервокальном положении, а не из презентной основы (см. ФБ).

Словоформа *пре-дѣпцал* прич. 'претеглил, изтѣрпял' (Кст — БД, VI) возникла в результате подстановки болгарской приставки в распространенное заимствование *педѣпцвам*, *педѣпсвам* 'възпитвам, уча' < н.-греч. аор. осн. παιδέψ- (к н.-греч. παιδέω 'възпитвам, уча; измѣчвам, изтезавам') (этимологию см. ФБ).

Следы переразложения греческой основы обнаруживаем в приставочных глаголах *от-панѣксвам*, *ат-панѣксвам*, *от-пан'ѣсвам* 'скѣсвам, свѣршвам, отработвам, отвѣрвам, пропѣлявам (жетва, изпит и т. д.)' (см. выше), а также в возвратном глаголе *отпан'ѣсвам се* 'трѣгвам, запѣтывам се' (Рзл — СБНУ, XLVIII, II, 496). Приведенные лексемы представляют собой вторичные приставочные образования от утраченного заимствования* *епанѣксвам* или даже непосредственно от н.-греч. аор. основы ἐπανήξ- (к н.-греч. ἐπ-αυηκτώ) (этимологию см. ФБ), нас же специально интересует тот факт, что †панѣкс- с вариантами †панѣс- и †пан'ѣс- есть мнимый корень, выделение которого стало возможным лишь в новой, болгарской, языковой среде, где утрачена связь не только с бесприставочным глаголом ἀυηκτώ, но и с неединичными глагольными образованиями с приставкой ἐπί (ἐπ' и ἐφ').

Подмену анлаута приставкой на основе переразложения можно видеть и в болгарском глаголе *на-н'ѣсвам* 'овлажнявам дрехи, слама, продукты за ядене' (Стрдж — БД, I), который, как и *нутѣсвам* 'овлажнявам' (сев.-вост. Болгария — Скорчев) и родоп. мутѣсва 'изгнива; запарва се (за снопе)' (Кос — БД, V), восходит к н.-греч. аор. основе νοτίσ- [к н.-греч. и греч. демот. νοτίζω (MLEΓ) 'делать мокрым, влажным' и т. д. и греч. демот. неперех. 'делаться мокрым'] с меной сигматического исхода основы † [is] на болгарский суффикс непереходных глаголов -'ас-; неверно, по-видимому, у М. Филиповой-Байровой (см.): «*мутѣсъл* прил. 'овлаж-

⁴ Значения заимствований приводятся здесь по-болгарски, как они даны в использованных диалектных записях. Для наглядности приводим по-болгарски и значения соответствующих греческих этимонов, используя ГБР (см. список сокращений). При обращении к другим словарям значения греческих глаголов переводятся на русский язык.

нял, мухлясал' (НЗ) от *мулѣсам* < н. греч. *μουλλιάζω*). При регулярности развития [t'] > [k'] в говоре Странджи анлаут [no] # дает здесь нерегулярное [na] #, что можно толковать как болгарскую приставку *на-*.

С приставкой *на-* *на-пилѣсам* 'проклинам, ругая' (Доп. НГ) вместо *апилѣсам < н.-греч. аор. осн. *ἀπειλήσ-* (к н.-греч. и греч. демот. *ἀπειλῶ* 'заспашиваю, застрашиваю'); (М. Филипова-Байрова, однако, греческий глагол с сигматической основой приводит с частицей *νά:* (*νά*) *ἀπειλῶ* что излишне). С подстановкой суффикса '-ас-' в исход заимствованной основы находим *на-пил-'ас-вам* 'пятаквам, подмятам някому' (ДБС — БД, II).

Родоп. *настѣсам* 'изпадам в безсъзнание, пренасям се, падам в латаргия' (См, Мн — БД, II) есть заимствованная н.-греч. аор. основа *ἀναισθητήσ-* (к н.-греч. *ἀναισθητῶ* (МЛЕГ) 'лишаться чувств, быть в бесчувственном состоянии'). В словоформе *настѣсам* полагаем наличие переразложения с подстановкой болгарской приставки *на-* (в н.-греч. глагольной основе морфная граница иная: *ἀναισθητῶ*) и гаплоглолию одного из повторяющихся слогов: н.-греч. [anestitis]-.

О-фарбсувам се 'занемарявам външността си' (Смк — БД, III) < н.-греч. аор. осн. *ἀφαιρήσ-* (к н.-греч. и греч. демот. *ἀφ-αίρουμαι* 'быть рассеянным') с переразложением и подстановкой болгарской приставки *о-*, а также меной сигматического исхода основы # [is] на суффикс *-ос-*; развитие н.-греч. *-αι-* > болг. *-а-*, как в н.-греч. аор. осн. *παραιτήσ-* (к н.-греч. *παραιτῶ*) > болг. *паратѣсам, парат'асвам*.

В Родопах находим глагол *прик'оса* 'пресека пътя' (РН, 1909, 187), возникший по-видимому, в результате смешения отыменного глагола *прик'освам* 'давам зестра при женитба' < аор. осн. *πρoκiσ-* к н.-греч. *πρoκiζω* и меной сигматического исхода [is] на суффикс *-ос-* и глагола *преа-кубци-а* 'прекъсна, разкъсна за да премине' (РН, 1910, 136) < н.-греч. аор. осн. *περι-κόπτ-* (к н.-греч. и греч. демот. *περικόπτω* 'обрубать, обрезать; укорачивать, сокращать') с частичным калькированием в болгарском н.-греч. префиксированной основы. Возможность предполагаемого смешения подтверждается, как кажется, словоформой *при-кѣс-оъм* 'преминавам бързо' (Тр — БД, IV), значение которой близко родоп. *прик'оса* 'пресека пътя', ср. *прикѣсѣ из двѣрт и сѣ скрѣ* (БД, IV). Описанное смешение могло иметь место лишь на базе переразложения основы глагола *прик'ос-* на приставку *при-/пре-* и мнимый корень # *к'ос-*.

О переразложении следует говорить и применительно к глаголу *на-х (о)у рѣсам* 'нагрубявам, остро се скарвам, нахвърлям се с обидни думи върху някого' (НН — ИИБЕ, IV; Мм, Сок, Слв, Бс — БД, V) < н.-греч. аор. осн. *στεναχωρώσ-* [к н.-греч. и греч. демот. *στεναλωρῶ* (МЛЕГ) 'поставить в затруднительное положение, удручать, печалить, огорчать']; от данного адаптированного заимствования вторично образован мнимокорневой глагол *хорѣсам* 'нагрубявам, скарвам се' (Чц, Мм, Сок, Ус, Рво, Слв — БД, V).

Приведенные случаи переразложения сопровождаются сохранением некоторого элементарного речевого ритма, сводящегося здесь к сохранению количества слогов исходных основ, если это количество не слишком велико, как в *анеститѣсам или *стенахорѣсам, а также места ударения. Тот же результат дает и присоединение к греческим глагольным основам болгарских неслогообразующих приставок *в-* и *с-*.

Заимствованная н.-греч. аор. основа *ἀπεικάζσ-* (к н.-греч. *ἀπεικάζω* 'изображать; понимать') подвергается переразложению с выделением мнимого префикса, который заменяется местными приставками *о-*, *у-*, *за-*: *опикасувам* 'опитвам, проверявам' (Рзл — СБНУ, 48, II, 494); *запикасува* (Доп. НГ). Встречается также глагол с мнимым (греческим)

корнем *пикасам* (Шапк. 456). Наибольшее же распространение в болгарских говорах получил глагол *с-апикасвам* 'съглеждам, съзирам, забелязвам; предугаждам; сетя (няка работа), проверявам', где отмечаем слияние заимствованной глагольной основы с приставкой *с-* (этимологию см. ФБ).

Ту же словообразовательную модель, т. е. слияние заимствованной глагольной основы [здесь н.-греч. аор. основа *κοιτάξ-* (к н.-греч. *κοιτάξω* 'гледам, наблюдавам')] с болгарской приставкой *с-*, обнаруживаем и в лексеме *с-китахсувам* (Ст — БД, II) и *с-китасвам* (НН — ИИБЕ, IV; Хс — БД, V; НГ, V, ЧшП — БД, I; См, Ар, Ас, Мн, ШлР — БД, II) 'съглеждам, забелязвам' (этимологию см. ФБ). *С-апикасвам* прх. и *с-кита(к/х)свам* прх. представляют собой, как видим, синонимы так же, как и однокоренные возвратные глаголы *сапикасвам се* (НГ, V, Г6Б — ИИБЕ, IV; СмП — БД, IV; БТР; Бит — ТБД, 4, СбНУ, 51, 332; Клф — РР, XII, 75) 'съобразявам се; срамувам се и се държа благоприлично' и *скитасвъм съ* (НН — ИИБЕ, IV; Хс — БД, V) 'съобразявам се; внимавам, поглеждам се'. Развитая синонимия вообще чрезвычайно характерна для заимствований из греческого в болгарский. Возникая в двуязычных коллективах, она была, по-видимому, необходимой принадлежностью лексической интерференции: независимо от исходных значений этимонов целый ряд заимствованных лексем характеризуется наличием общего семантического поля и общей для данных лексем модели словообразования, будь то присоединение определенной приставки, суффикса или возвратная форма глагола. Так для семы 'виждам, съглеждам, забелязвам' отмечаем не только *с-апикасвам*, *с-кита(к/х)свам*, но и *сапетисам* (Ихт — БД, III) 'съглеждам, съзирам', возможно < болг. приставка *съ-* + н.-греч. аор. основа *πετῆσ-* (к н.-греч. *πετῶ* 'кидать, бросать'). В синонимическом ряду *с-апикасвам*, *с-кита(к/х)свам*, *сапетисам* определяющим значение надо считать, по-видимому, н.-греч. *κοιτάξω*. В то же время значение ряда синонимов *с-апикасвам се* и *с-китасвъм съ* 'съобразявам се' развилось, очевидно, из значения н.-греч. *ἀπεικάζω*. (МЛЕГ); ср.-греч. и греч. демот. 'выводить, заключать', ср. *ἐπεικάζω*; греч. демот. 'полагать, предполагать, думать, воображать'; греч. демот. 'узнавать, распознавать; понимать, постигать'. Наконец, находим третий синонимический ряд, включающий те же заимствованные лексемы: *с-апикасвам се*, *с-китасвъм съ*, *с-кумрбсвам се* (СмП — БД, IV; ЕпК — БД, V) и *съ-таксовам се* (Стрдж — БД, I) 'срамувам се, държа се прилично'. На основании сказанного выше о наличии развитой синонимии среди заимствований и устойчивости словообразовательной модели в целом синонимическом ряду представляется неудовлетворительной этимология ФБ для *сътаксувам* прх. и *сътаксувам се*: «*сътаксувам* диал. 'забелязвам, съглеждам' (Странджа) — видоизменение гр. гл. *κοιτάξω* (аор. осн. *κοιτάξ-*) 'виждам, гледам', с развитием начального *κ > с*'. «*Сътаксувам се* диал. 'държа се прилично, съобразявам се с обстановката' (Странджа) < приставка *с-* + гр. гл. *τάξω* (аор. осн. *τάξ-*) 'нарезаю, турям', с переосмыслением значения»⁵. Значение однокоренных лексем *съ-таксовам* прх. и *сътаксувам се*, восходящих к н.-греч. аор. основе *τάξ-* (к н.-греч. *τάξω*), определяется включением их в синонимические ряды заимствований *с-апикасвам*, *с-кита(к/х)свам* прх. и *с-апикасвам се* и *скитасвъм* соответственно.

Наличие приставки *с-* можно предположить и в распространенном заимствовании *скопбсвам* (НГ, V; Стрдж — БД, I; Ерк — ИИБЕ, IV;

⁵ М. Филипова-Байрова. Там же, стр. 161.

БТР; сев.-вост. Болгария — Скорчев), *скупбсам* (БрП — БД, V; ЕнК — БД, V) 'извършвам някоя работа (лошо; изрядно); нареждам' и с местным суффиксом - 'ас- *скуп' асвам* (Рзл — СбНУ, 48, II, 522) 'мъча се да узнае нещо от някого'. Корень приведенных глаголов, по нашему мнению, есть н.-греч. аор. основа *κοπιᾶσ-* (к н.-греч. *κοπιῶ*, *κοπιᾶσω* 'трудиться, стараться, напрягаться', в словоформах *скопбсам*, *скупбсам* исход греческой аор. основы $\#$ 'ас- заменен суффиксом болгарских переходных глаголов -ос, вариантом которого является употребительный в говоре Разлога суффикс -'ас-; у ФБ данные глаголы возводятся к н.-греч. *σκοπεῖω* (аор. к. *σκοπέσω*) 'целя, постигам целта си' и н.-греч. *σκοπιᾶσω* (аор. к. *σκοπιᾶσω*) 'имаю намерение, възнамерявам' соответственно.

Так же и в *скурбсам* (ЛсГ — НГ, Доп.), *скурбцвем* (ЗЛЕ — ЕЛ, 1960, 141) и (с упрощением -нс и последующей заменой исхода аор. основы $\#$ *ес-* суффиксом -ос-) *скурбсам* (Шмн — ФБ; Крс — БД, V) 'подреждам брадици (на лук, разсад), изнаенадвам, стряскам някого' находим приставку *с-* и н.-греч. аор. основу *χουρέψ-* (к н.-греч. *χουρέω* 'стричь'). У ФБ *скурбсам* в результате смешения н.-греч. *χουρέω* 'стрижа' и н.-греч. *ξουραφίζω* 'бръсна' > родоп. *скорафбсам* и *скурббсам* 'бръсна'.

Присоединение болгарской приставки *с-* к н.-греч. аор. основе *ρηγῶσ-* (к н.-греч. *ρηγῶω* 'проводить линию, черту; делать насечку') с регулярным развитием -ср- > -стр- находим в *стригбсам* (См, Ар, Ас, Мн — БД, II) 'реңдосвам'.

Наряду с *лахбсам* (Гб — ФБ) 'гледам да намеря или да купя' < < н.-греч. аор. основа *λαχῆσ-* (к н.-греч. *λαχίω* 'доставаться, выпадать на долю; случаться; встречаться') — этимология ФБ — находим приставочный глагол *с-лахбсвем* (Елн — БД, II) 'гледам, наблюдавам нещо с повишен интерес или присмех'.

В родоп. *спатбсам* (См, Ар, Ас, Мн, Дев — БД, II) 'удрям, набивам' можно видеть соединение болг. приставки *с-* и н.-греч. аор. основы *πατήσ-* (к н.-греч. *πατῶ* 'ступать, наступать; топтать; давить, нажимать; нападать, вторгаться'). Ту же заимствованную основу находим в Родопах с другой приставкой *на-патбсувам* (Дев — БД, II) 'удрям, набивам; създавам безредие, нападам'. Значение н.-греч. *πατῶ*, как оно описано выше, ближе к значению глаголов *с-патбсам*, *на-патбсувам*, чем значение приводимого у ФБ в качестве этимона *спатбсам* н.-греч. глагола *σπαθίζω* 'удрям с шпага'.

Параллельно с присоединением болгарской неслогообразующей приставки *с-* к некоторым заимствованным основам наблюдаем перераспределение н.-греч. глаголов, имеющих σ $\#$ в анлауте.

Н.-греч. аор. основа *σκαρώσ-* (к н.-греч. *σκαρώω* 'мастерить, делать наспех, как попало'), помимо регулярного (с меной, однако, сигматического суффикса) *скар'асвам* (НГ, V) 'направлям нещо набързо' и *скър'асвем* (Елн — БД, II), *скор'асам се* (НГ, V) 'стягам се, пременям се, облека се (набързо)', дает в результате перераспределения вторичное *из-кар'асвам* (РР, VIII, 133) 'свършвам нещо, натъкмявам'.

Так и н.-греч. аор. основа *σωριάσ-* (к н.-греч. *σωριάω* 'обрушивать, обваливать' и *σωριάζομαι* медиал, 'обрушиваться'⁶) встречается не только

⁶ Известную трудность представляет возведение того или иного заимствования к медиальному этимону, так как греческий флективный показатель медиальности при заимствовании утрачивался (ср. выше стр. 1). В отдельных случаях на медиальный этимон указывает, помимо семантики заимствования, его возвратная форма или наличие суффикса -ис-, часто выступающего как морфологический показатель данного лексико-грамматического значения.

в болг. *сop'ácyвa ce* (Смк — БД, III) 'сѣбаря се', *сур'áсвaм прх.* (Ихт — БД, III) 'сѣбарям, повалям с шум', но и без «префикса»: *ур'áсaм ca* (Ихт — БД, III) и *орл'ácyвaм ce* (Смк — БД, III) 'сѣбарям се; запилявам се', а также *ор'áсвaм* перех. (Смп — БД, IV) 'сѣбарям'.

Обратимся теперь к использованию при адаптации заимствований неслогообразующей приставки *в-*. В распространенном заимствовании *фтáксвaм*⁷ < н.-греч. аор. основы $\phi\theta\chi\sigma$ - (к н.-греч. $\phi\theta\chi\omega$) согласный анлаут может подменяться приставкой *с-*: *стáсвaм* (НГ, V; ДбС — БД, II, ГвС — ИИБЕ, IV; Кст — БД, VI; или приставкой *в-*: *втáсвaм* ПерП — СбНУ, 10, II, 57; Клф — РР, XII, 71), вокализирующейся в *у-*: *утáсвaм* (СтС — БД, III; Бнт — ТБД, 4).

Заимствованный глагол *тáкс(у)вaм* 'обещавам' < н.-греч. аор. основы $\tau\acute{\alpha}\xi$ - (к н.-греч. $\tau\acute{\alpha}\xi\omega$ 'обещавам', ср. ФБ) также может присоединять приставку *в-*: *втáксувaм* (Мчр — ФБ) 'обещавам', причем приставка *в-* подвергалась, очевидно, позиционному оглушению в словоформе *втáкс(у)вaм*, откуда распространенное *фтáксвaм*, *фтáксувaм*. На основе простого созвучия возникает смешение двух глаголов *фтáсвaм* и *фтá(к/х)свaм* вплоть до того, что одно значение 'обещавам, заричам се, поймам задерживание да извърша нещо' выражается двумя гетерогенными основами при значительном единстве словообразовательной модели — возвратная форма: *фтáхсувaм ce* (НГ, V; Родопы: Сг — БД, II; См — СбНУ, 4, II, 180; СбНУ, 11, II, 139; СбНУ, 14, II, 42), *фтáксувaм ce* (Хс — БД, V; Елн — БД, II, ЕлК — БД, V), *фтáксувaм* (Стрдж — БД, I; СчГм — БД, VI) и *фтáсвaм ce* (Родопы: См, Ар, Ас, Мн, Дев, Мг, Кг — БД, II) и *фтáсувaм* (Рзл — СбНУ, 48, 538).

Такого же рода подмену согласного анлаута болгарской приставкой *в-* следует видеть, по-видимому, и в словоформе *втéсвaм* 'провиням се' (НГ, I; Др — СбНУ, 50, 127) при *фтéсвaм* < н.-греч. аор. основа $\phi\tau\acute{\alpha}\iota\sigma$ - [к н.-греч. $\phi\tau\acute{\alpha}\iota(\gamma)\omega$]; с вокализованным вариантом префикса *утéсоъм* (Тр — БД, IV), и, наконец, со следами переразложения и меной префикса *на-тéсвaм съ* 'наяждам се с много месо' (ДРМ — ЕЛ, 1957, 57), причем значение глагола *натéсвaм съ* объяснимо, если принять во внимание тот факт, что общее значение греческого глагола 'быть виновным' разнообразно специализируется по диалектам, как в Родопах 'пускам добитък да пасе в чуждо място', 'сѣбирам дърва в чужда гора' или в Хасково 'крада', или в селе Нова Надежда, р-н Хасково 'не мирувам, върша пакост (за деца)'.⁷

Отмеченная в Словаре Н. Герова словоформа *фрaпóсвaм* 'удрям, блъскам' развилась, возможно, также из соединения приставки *в-* с заимствованной н.-греч. аор. основой $\rho\alpha\pi\acute{\iota}\sigma$ - (к н.-греч. $\rho\alpha\pi\acute{\iota}\zeta\omega$ 'давать оплеуху'), тогда *фрaпóсвaм* с диссимилятивным развитием следующих друг за другом сонантов и меной сигматического суффикса; тот же корень, по-видимому, и в *хрaпóсвaм* (НГ, V) и *хрeпóсвaм* (сев.-вост. Болгария Скорчев) — этимология Скорчева.

Описанные случаи этимологически немотивированного переразложения греческих основ, так же как и присоединение неслогообразующих приставок, есть реализация постулированной здесь тенденции к префиксации заимствованных аористных основ типа II. Непосредственно связано с приведенными выше фактами явление частичного калькирования

⁷ Сложная система значений н.-греч. $\phi\theta\acute{\alpha}\nu\omega$ и соответствующих болгарских глаголов здесь не рассматривается; разложение данного заимствования на псевдокорень и приставку было предложено раньше болгарским лингвистом Б. Симеоновым; см. Б. Симеонов. За субституцията на гръцкия звук ϕ (Ф) в западните български говори. «Български език», 1962, № 1, стр. 20.

заимствованных приставочных основ⁸. Рассматриваемые в этой связи лексемы представляют собой вторичные образования, которые могли возникать как в результате нормального отглагольного словопроизводства от корневых глаголов-заимствований, так и в результате адаптации уже префиксированного заимствования. Поскольку в настоящее время достаточно трудно отделить собственно болгарские производные приставочные глаголы от адаптированных приставочных заимствований, ограничимся рассмотрением бесспорных случаев калькирования греческих приставок в приставочно-корневых и приставочно-радикальных глаголах-заимствованиях.

Целый ряд глаголов с приставками *о-/у-* — *о-колѣсам се* (НГ, III; Търн — СБНУ, 3, I, 165; СмП — БД, IV), *о-колѣсам се* (Сф — БД, I), *у-кулѣсам се* (Елн — БД, II; КрС — БД, V), имеющих значение 'обикалям, навъртам се, завъртам се около нещo', — а также с приставкой *за-* — *за-кулѣсам се* 'започвам да се навъртам някъде с някаква цел' (Стрдж — БД, I) — содержат, по-видимому, тот же заимствованный корень, что и *акалѣсам са* 'махвам се' (Врц — СБНУ, 14, II, 189). (Нигде нам не встретилась приводимая у ФБ словоформа с долгим [1]: *околѣсам се*) так же, как и невозвратная форма глагола.) *Акалѣсам се* 'махвам се, витосвам се' — сопоставима с н.-греч. *ἀπο-κολλῶ*, аор. основа *ἀπο-κολλήσ-* 'отлепываю се', ср. и родоп. *окалдбсувам са* 'изчезаю, изгубываю се' (Пв — БД, II) с вторичной заменой компонента *-ис-* в суффиксе *-tis-* [см. ФБ *околѣсам се*] на *ос-*, откуда и производный глагол *откелдбсувам* прх. 'отърываю' (ГвС — ИИБЕ, IV) не без влияния, очевидно, глагола *кердбсувам* прх. 'добиваю, спечелываю' (Смк — БД, III) [ср., однако, (МЛЕГ) *ἀποκολλῶ* ср.-греч. 'раздевать, грабить, отнимать что-нибудь у кого-нибудь']. В пользу заимствования приставочного глагола, возможно, *ἀποκολλῶ*, говорит и единство по всем диалектам словообразовательной модели однокоренных лексем (приставочный возвратный глагол), и сохранение значения, близкого греческому *ἀποκολλῶ*, в Родопах — районе активного двуязычия и первоначальных заимствований. Новое значение 'навъртам се' развилось под влиянием болг. *оби-калям, оби-коля*.

В Родопах находим глагол *вазмѣса са* безл. 'обърква се нормалният живот поради размирици' (См, Ар, Ас, Мн, Дев — БД, II), восходящий, по-видимому, к н.-греч. приставочному *ἀναμιγνύομαι*, аор. основа (*ἀνε*)-*μιεξ-* 'вмешиваться; иметь сношения; принимать участие' (МЛЕГ); на медиальный этимон указывает, по нашему мнению, возвратная форма заимствования. Переходный глагол родоп. *вазмѣсам, вазмѣхсувам* (РС, II, 14; СБНУ, 4, II, 181; БД, II) 'започвам нещo; нареждам свадба' представляется вторичным образованием. При описании сложного пути семантических сдвигов от н.-греч. *ἀναμιγνύω, -ομαι* к родоп. *вазмѣса са, вазмѣсам, вазмѣхсувам* мы опираемся на предположение о наличии развитой синонимии при двуязычии, втягивавшей значительное количество лексем обоих контактирующих языков. Так, следует отметить синонимию при идентичности словообразовательной модели н.-греч. *ἀναμιγνύομαι* и н.-греч. *ἀνακατέομαι*, среди других значений последнего отмечаем 'волноваться, сердиться, гневаться', откуда, возможно, родоп. *вазмѣса са* 'обърква се нормалният живот поради размирици'. Кроме приведенных глаголов с болгарской приставкой *въз-*, точно пере-

⁸ Отметим, что заимствования, сохраняющие греческую приставку, за исключением тех, где наличествует омонимия приставок контактирующих языков, представляют собой, по-видимому, особые слои лексики, ограниченные стиливой принадлежностью (книжная лексика) или территорией распространения.

дающей значение греческой приставки *ἀνα-*, встречается тот же греческий глагольный корень *-μεῖξ-* и в другом приставочном образовании: *под-мѣсване* — отглагольное существительное 'подготовка за свадба' (Родопы: Чн, Вг, Кос, Дор, Рк, Бат — БД, V) и *под- мѣсва ми са* безл. 'подвръща ми се' (Родопы: Слв, Кт, Пт, Мм, Ус, Рво — БД, V). С другой стороны, приставочные глаголы от **мѣхсувам* / **мѣсвам* < н.-греч. аор. основа *μεῖξ-* в двуязычном коллективе легко соотносились с такими же приставочными образованиями от болг. *меся*, как *смесвам*, *намесвам*, *размесвам*, ср. Доп. НГ *вѣз-мѣхсувам* прх. 'вѣз-месвам'; обратный процесс словопроизводства по модели, реализованной в лексеме с заимствованным корнем, отмечаем для родоп. *под-борква ми са* безл. 'подвръща ми се' (Слв, Кт, Пт, Мм, Ус, Рво — БД, V) — синоним родоп. *под-мѣсва ми са* (см. выше), где гетерогенные глагольные корни болг. *бѣрк-ам* и н.-греч. аор. основа *μεῖξ-* к н.-греч. *μεγύω* — полные синонимы; ср. также синонимию *вѣз-мѣсва са* и болг. *о-бѣрка се*.

Заимствования родоп. *при-варѣксувам* 'силено се нервирам' (Ус, Рво — БД, II), *пре-варѣсвам* 'прекалявам' (Стрдж — БД, I) и сюда же относятся, по-видимому, родоп. *пре-варѣксува* 'завладява тялото (за уроки)' (Пв — БД, II) вместе с безличным *при-варѣксало ми е* 'прикипяло ми е, довило ми, минало границите' (Ус, Рво, Сф: Пт — БД, II; НГ, IV, СбНУ, IX, 145) — восходят к аор. основе н.-греч. приставочного глагола *παρά-βαρίσχω* (аор. осн. (*παρά-βαρέσх-*), синонимичному н.-греч. *παρά-βαρύνω* неперех. *παρά-βαρίεμαι*, *παρά-βαρίομαι* медиал. 'становиться в тягость; скучать', а болгарские приставки *пре-/при-* калькируют н.-греч. *παρά-*; ср. ФБ: *преварѣксувам*, *преварѣксам* диал. 'нервирам се много, прилошава ми от яд' (Родопы); *приварѣксало ми е* безл. — из приставки *пре* + гр. гл. *βαρίσχω* (аор. к. *βαρέσχω*) 'равнявам'; прен. 'уязвлявам'».

С болгарской приставкой *на-* (а также *за-* и *над-*) находим адаптированную н.-греч. аор. основу *ἀνε-βάξ-* (к н.-греч. *ἀνα-βιβάξω* греч. деемот. *ἀνεβάζω* 'поднимать; добавлять') болг. *на-вѣксвам* и с упрощением *на-вѣсвам* 'набавям, достигаю нешто загубено или пропуснато' (Бтв); 'става изобилно; успявам да извърша нешто; надвивам (за сън и др.)' (НГ, III; СтС — БД, III; Стрдж — БД, I; сев. — вост. Болгария — Скорчев; ТрП — БД, VI; СчГм — БД, VI; Ихт — БД, III; Бтв — СбНУ, 44, II, 530; СмП — БД, IV). С другими приставками: родоп. *за-вѣксвам* 'набавям нешто овреме' (Яв, Пв, Дб — БД, II); *за-вѣса са* — синоним отмеченного здесь же (Бтв — СбНУ, 44, II, 530) *на-вѣса* 'става изобилно' этимологию для *навѣксвам*, *навѣсвам* см. ФБ.

Итак, заимствованные из греческого глагольные основы часто подвергаются в болгарском языке переразложению в результате народного этимологизирования. При этом обнаруживается тенденция к превращению аористных основ в болгарские префиксированные основы совершенного вида. О принципиальной разложимости заимствованных основ свидетельствует и распространенное частично калькирование новогреческих приставочных глаголов, причем и в этом случае образуются основы совершенного вида.

Типологические сопоставления с глагольными заимствованиями из турецкого языка в болгарском выявляют коренное различие греко-болгарской и турецко-болгарской языковых интерференций. Турецкие глагольные основы, оформленные в болгарском языке детерминантом *-Tis-*, никогда не подвергаются ни разложению (даже на корень и суффикс *-Tis-*), ни тем более переразложению. Поскольку известно, что языковая интерференция в том и другом случае явилась следствием активного двуязычия (причем есть основания говорить даже о греко-болгарско-турец-

ком языковом взаимодействии), выявляемые различия следует, по-видимому, объяснять тем, что греко-болгарское двуязычие было гомогенным (индоевропейские языки), а турецко-болгарское — гетерогенным (тюркский и индоевропейский языки).

П р и н я т ы е с о к р а щ е н и я

Источники

- БД — Българска диалектология, I—VI, София, 1962—1971.
 БТР — Български тълковен речник. Съст. Л. Андрейчин, Л. Георгиев, Ст. Илчев, Н. Костов, Ив. Леков, Ст. Стойков, Цв. Тодоров. София, 1955.
 ГБР — Гръцко-български речник. Съст. М. Филипова-Байрова, М. Балджиев, М. Ботон, Ив. Дуйчев [и др.], София, 1957.
 НГ — Н. Геров. Речник на българският език с тълкувание речти на български и на русски, ч. I—V, Пловдив, 1895—1904.
 Доп. НГ — Т. Панчев. Дополнение на българския речник от Н. Геров. Пловдив, 1908.
 MLEG — Δημητράκου Μεγά λεξικόν τῆς ἐλληνικῆς, γλώσσης, т. 1—9, Ἀθήναι, 1955.
 БЕ — Български език.
 ЕЛ — Език и литература.
 ИИБЕ — Известия на Института за български език.
 РН — Родопски напредък
 РР — Родна реч
 РС — Родопски старини
 СБНУ — Сборник за народни умотворения, наука и книжнина.
 ТБД — Трудове по българска диалектология.
 ФБ — М. Филипова-Байрова. Гръцки заемки в съвременния български език, София, 1969.
 Скорчев — П. Скорчев. Гръцкият глагол в нашия народен говор, «Език и литература», год II, 1947, кн. 2, стр. 19—22.
 Шапк — Сборник от български народни умотворения. Събрал К. А. Шапкарев, I—III, София, 1891—1892.

Населенные пункты и районы

Ар — р-н Арды	Ерк — Еркеч
Ас — р-н Асеновграда	Зл — Злагоград
Бат — с. Батак, р-н Пештеры	ЗлЕ — с. Златарица, р-н Елены
Бнт — Банат	Ихт — Ихтиман
БрП — с. Браквица, р-н Попово	Кг — р-н Крумовграда
Бс — с. Босотина, р-н Смоляна	Клф — Калофер
Бтв — Ботевград	Кос — с. Костандово, р-н Велиграда
Вг — Велиград	Кп — с. Крыстополе, р-н Ксанти
ВрК — с. Веригово, р-н Карлово	КрС — с. Крывеник, р-н Севлиево
Врц — Враца	Кст — Кюстендил
Гб — с. Габрово, р-н Ксанти	Кт — с. Кутела, р-н Смоляна
ГББ — с. Габаре, р-н Бялой Слатины	ЛсГ — г. Лясковец, р-н Горно Оряхова
ГвС — с. Говедарци, р-н Самокова	Мг — р-н Момчилграда
Дб — с. Добралык, р-н Асенограда	Мм — с. Момчиловци, р-н Смоляна
ДбС — с. Доброславци, р-н София	Мн — р-н Мадана
Дев — р-н Девина	Мчр — р-н Мичурина
Дор — с. Дорково, р-н Велиграда	НЗ — Нова Загора
Др — с. Дрангово, р-н Момчилграда	НН — с. Н. Надежда, р-н Хаскова
ДРМ — с. Д.-Рикса, р-н Михайловграда	Пв — с. Павелско, р-н Асеновграда
Елн — Елена	ПерП — с. Перуштица, р-н Пловдива
ЕнК — с. Енина, р-н Казанлык	Пз — Пазарджик

Пн — Панагюриште
Пт — с. Петково, р-н Арды
Рв — с. Равништа, р-н Мадана
Рво — с. Райково, р-н Смоляна
Рзл — Разлог
Рк — с. Раково, р-н Велинграда
Сг — с. Средногорци, р-н Мадана
Слв — с. Славейно, р-н Смоляна
См — р-н Смоляна
Смк — Самоков
Смп — с. Смолско, р-н Пирдопа
Сок — с. Соколовци, р-н Смоляна
Стрдж — Странджа
СтС — с. Страхилово, р-н Свиштова

Сф — София и р-н Софии
СчГМ — с. Сычанли, р-н Гюмюрджини
Тр — Троян
ТрП — с. Трыстеник, р-н Плевена
Търн — Тырново
Ус — с. Устово, р-н Смоляна
Хс — Хасково
Чн — Чепино Велинград
Чп — с. Чепеларе, р-н Асеновграда
ЧшП — с. Чешногирово, р-н Пловдива
ШлР — р-н Широкий лыки
Шмн — Шумен
Яв — с. Яврово, р-н Асеновграда

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ПРОБЛЕМЫ ЛИТЕРАТУРЫ И КУЛЬТУРЫ ПОЛЬСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Большой интерес к проблематике Просвещения в польском литературоведении обусловлен высоким художественным уровнем литературы этой эпохи и ее значением для судеб польского искусства. В связи с накоплением большого научного материала возникла органическая необходимость в его «глобальном» обобщении с целью создания общей панорамы польской литературы просветительского периода. Книга З. Либера «Проблемы польского Просвещения. Культура и стиль»¹ является в этом отношении первым чрезвычайно своевременным опытом и вызывает особый интерес, представляя собой обзор новейших исследований просветительской проблематики и попытку оценки и собственных обобщений. Академически умеренный тон в освещении научных полемики и отдельных спорных вопросов свидетельствует об объективной позиции автора.

Уже обзор содержания книги показывает широту и научную актуальность затрагиваемой проблематики — от вопросов культуры до литературно-эстетической сферы, от просветительских традиций до новых ценностей, созданных искусством Просвещения и одновременно содержащих в себе зародыши новой эпохи. Каждая из глав затрагивает узловые проблемы, от решения которых зависит создание обобщающей картины польской культуры и искусства эпохи Просвещения.

В описании просветительского мирозерцания и культуры З. Либера анализирует узловые моменты: генезис и трактовку понятия «просвещение» в XVIII в.; организацию системы образования, тип дидактики и ее роль в просветительской доктрине и в распространении новых веяний; характер и специфику философских основ просветительского мировоззрения в Польше. Анализ проводится на конкретном материале эпохи в сопоставлении с фактами западноевропейского Просвещения.

Особый подраздел отведен рассмотрению просветительской идеологии. При

рациональной селекции материала автор исходил из того, что «не всех публицистов XVIII века мы определяем как идеологов Просвещения, несмотря на их участие в обсуждении общественных проблем» (стр. 39). Несомненным достоинством представляется привлечение материалов из области художественной литературы, а также учет роли прессы.

В другом подразделе автор рассматривает преломление новых тем и идей в литературе и театре, особо выделяя элементы сатиры, играющей столь специфическую и амбивалентную роль в литературе и драматургии Просвещения.

В заключительном подразделе рассматривается формирование и развитие литературного языка эпохи в переплетении моментов идеологии и эстетики.

Характеристика и интерпретация отдельных явлений связаны с проблемой периодизации², которая по-новому решается З. Либерай: «вступительная фаза» — 1740—1765 гг.; «период зрелости» — до 1795 г.; «период заката» — до 1830 г. Эти хронологические границы более соответствуют исторической действительности, чем в концепциях других ученых.

Интересны разделы книги, где просветительская литература рассматривается в категориях стилей (барокко, классицизм, рококо, сентиментализм и преромантизм). Теоретическая позиция З. Либера в вопросе о барокко совпадает с концепцией Ю. Кшижановского. Выявляя и характеризуя барочные тенденции в польской литературе XVIII в., автор впервые столь полно и широко представил их роль и значение в эту эпоху. В то же время, рассматривая саксонский период и поэзию Барской конфедерации, З. Либера вскрывает специфику их философско-эстетических связей с барокко XVII в. и показывает литературную перспективу — влияние на романтиков. Удачно выявлены и проанализированы

² См. А. В. Липатов. Проблемы периодизации литературы польского Просвещения. «Советское славяноведение» 1971, № 3; его же. Периодизация литературы польского Просвещения. Там же, 1972, № 6.

¹ Z. Libera. Problemy polskiego Oświecenia. Kultura i styl. Warszawa, 1969.

барочные веяния в творчестве отдельных писателей: Нарушевича, Бениславской, Китовича, У. Радзивилловой, Каршиньского, Богомольца. Бесспорную ценность представляют выводы автора об использовании просветителями средств барочной стилизации в целях сатиры, а в этой связи о переплетении стилей, в частности, с классицизмом. Классицизму, которому польская литература обязана своим возрождением после упадка саксонских времен, посвящен богатый по материалу и лаконичный в обобщениях раздел.

Раздел «Рококо» важен в связи с теоретической неразработанностью этой проблемы и неоднозначностью отношения к ней ученых. «Наиболее близки правде те воззрения, — полагает З. Либеры, — согласно которым стиль рококо является разновидностью барокко периода упадка, а совокупность черт, названных рококо, близка тому, что французы называют «preciosité» (стр. 202). Согласно этой концепции автор включает в круг рококо литературные явления, возникшие и развивавшиеся в атмосфере салонов. В заключительной части раздела глубоко анализируется теория рококо в Польше XVIII в. Особо следует отметить заслуги З. Либеры как первого славянского ученого, столь широко рассмотревшего, выявившего и определившего это своеобразное течение просветительской литературы, важное и для исследования польского сентиментализма, тающего в себе некоторые истоки романтизма. В этом отношении представляется интересным раздел «В кругах сентиментализма и преромантизма». Рассматривая польский сентиментализм в широком европейском контексте, автор верно подчеркивает особую сложность этого явления, в котором ощутимы веяния барокко, классицизма, рококо и кристаллизация преромантических тенденций.

В заключении книги автор делает ряд важных теоретических выводов и предлагает пути решения еще не выясненных проблем.

Следующая работа З. Либеры — «Литературная жизнь в Варшаве во времена Станислава Августа»³ — логичное продолжение предшествующего труда. Там объектом анализа был характер соотношения явлений литературы и культуры, здесь

рассматривается комплекс проблем, связанных с социальными истоками и социальным функционированием художественных явлений, что, в свою очередь, влияет на развитие литературы. Монография о литературной жизни Варшавы как культурного центра времен Станислава Августа — это исследование истоков, развития и апогея социально-художественных процессов в Польше эпохи Просвещения. Исследуются ключевые комплексы проблем: зарождение литературной критики; меценатство короля и просвещенных магнатов; появление литературных салонов и собраний литераторов; издательская деятельность и книготорговля; социальный облик читательской и творческой среды. Разработка этих проблем по своему значению выходит за рамки данного периода истории, поскольку век «интеллектуального переворота», замыкая древнепольский период, открывает новый этап истории и культуры.

Книга Либеры привлекает внимание уже с первого раздела, посвященного возникновению польской литературной критики, роли журналов и книжных изданий.

Отражая связь литературной критики с общественно-политическими группировками, автор посвящает два интересных раздела литературным салонам, меценатству и литературным собраниям, особенно активизировавшимся в Польше в эпоху Просвещения. Книга Либеры содержит обширный фактографический материал о развитии типографского дела, книжных лавках и общедоступных читальных, о контактах польских издателей и книготорговцев с Западом. В специальном разделе проводится социологическое исследование читательской среды, социального происхождения, образа жизни, характера воззрений первого поколения польской интеллигенции. Примененная методика литературно-социологического исследования отражает достижения современной польской социологической школы.

Наблюдения и выводы автора расширяют представления об эпохе, его синтез и обширный фактографический материал впечатляют своей продуманностью, импонируют гармоничностью внутреннего соотношения. Автору удалось создать необходимое и ценное научное обобщение.

А. В. Лунатов

³ Z. L i b e r a Życie literackie w Warszawie w czasach Stanisława Augusta. Warszawa, 1971.

ИЗДАНИЕ И ИССЛЕДОВАНИЕ ВЫДАЮЩЕГОСЯ ПАМЯТНИКА ДРЕВНЕЙ БОЛГАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В самом конце 1973 г. Болгарская академия наук выпустила в свет подготовленное Ю. К. Бегуновым издание и исследование произведения болгарского писателя X в. Козмы Пресвитера¹ «Беседа на новоявившуюся ересь богомилю». Первая часть книги содержит краткое «Введение», пять глав историко-литературного исследования, в которых рассматривается литературная судьба названного памятника в древней Руси и у народов Балканского полуострова, история текста «Беседы» и дается характеристика Козмы Пресвитера как писателя и проповедника.

Вторую часть книги составляют критические издания текстов, выполненные со всей тщательностью, с привлечением всех известных списков, всех редакций и переработок «Беседы». Кроме основного полного текста памятника здесь напечатаны еще 24 различных текста, генетически и текстуально связанных с основным памятником. Далее следует археографическое обозрение 25 различных списков издаваемого произведения. В приложении напечатаны: указатель имен, указатель письменных памятников, упоминаемых в книге, указатель шифров использованных рукописей и указатель цитируемых мест из Библии. Общий объем книги составляет 70 болгарских авторских листов.

Козма Пресвитер, наряду с Константинем Преславским, Иоанном Экзархом, черноризцем Храбром, принадлежит к числу основоположников старой болгарской литературы X в. До нас дошло лишь одно его произведение — «Беседа на новоявившуюся ересь», представляющее собой выдающийся памятник и со стороны источнославянской, поскольку в нем освещается учение богомилов, имевших громадное историко-культурное значение не только для народов Балканского полуострова, но и для всего Присредиземноморья, и со стороны собственно литературной, так как Козма Пресвитер выступил против своих идейных противников во всеоружии традиционного византийско-славянского красноречия.

Полный текст беседы, не сохранившийся в Болгарии, дошел до нас лишь в относительно поздних русских списках, самым древним из которых является Соловецкий № 856 (пыне в ГИПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде), датированный 1491—1492 гг. Текст «Беседы» издается по названному списку с разночтениями по 14 другим спискам XV—XVII вв. Извлечения из текста «Беседы» и различные его переработки представлены во многих русских, болгарских и

сербских списках XV—XVII вв. Большую ценность для истории текста памятника представляет и древнейший отрывок в пергаменной рукописи XII в., хранящийся во Львовской Государственной научной библиотеке (собрание рукописных книг № АСН-372), исследованный и воспроизведенный в рецензируемом издании на стр. 34—38. Список этот, видимо галицкого происхождения, свидетельствует о том, что «Беседа» Козмы Пресвитера была хорошо известна в Юго-Западной Руси до татаро-монгольского завоевания.

О популярности «Беседы» Козмы Пресвитера в различные исторические периоды в древней Руси свидетельствуют заимствования из названного памятника и в «Молении Даниила Заточника» (XIII в.), и в «Житии» Ульянии Осорьиной (XVII в.) В особенности же часто обращались на Руси к трудам своего болгарского предшественника X в. церковные писатели, выступавшие против русских еретиков в XIV—XV вв. Так, например, Иосиф Волоцкий использовал их в своем «Просветителе», направленном против так называемой «новгородско-московской ереси» в конце XV в. Все это говорит о широком распространении «Беседы» и о ее общеславянской значимости.

С точки зрения истории славянских языков, и в частности истории древнерусского литературного языка, громадный интерес представляет изучение языка русского списка конца XV в., восходящего к южнославянскому первооригиналу X в. Насколько в данном списке мог сохраниться или как видоизменился язык первооригинала? Этот вопрос представляется нам существенным для выяснения общественной функции древнеславянского письменного-литературного языка на всем протяжении развития древнерусской литературы.

Рецензируемое издание памятника подготовлено с сохранением всех существенных особенностей языка рукописей, благодаря чему оно вполне может заинтересовать не только историков и литературоведов, но и лингвистов, представляя собой базу серьезного историко-лингвистического исследования. Предосланное изданию памятника историко-литературное исследование подготавливает труд филологов в этой области в течение более ста лет. Впервые памятник был опубликован в журнале «Архив за повестницу югословенску» в 1857 г. Затем им занимались такие ученые, как профессор Новороссийского университета М. Г. Попруженко, французский славист Андре Вайан, болгарский историк Иван Дуйчев и другие. В книге Ю. К. Бегунова учтены и оценены все исследования, выполненные его научными предшественниками.

¹ Ю. К. Бегунов. Козма Пресвитер в славянских литературах. София, 1973, 559 стр.

Наряду с этим им внесено много нового в дело изучения творчества Козмы Пресвитера. В особенности это касается главы IV исследования, посвященной изучению истории текста «Беседы» с применением прогрессивной методики и методологии текстологических исследований, и главы V, где впервые рассматривается словесная форма произведения и ставится вопрос о Козме Пресвитере как писателе и проповеднике на фоне византийской и славянской филологической культуры той эпохи.

Рецензируемая книга является важным вкладом в славяноведение и с точки зрения археографической, поскольку в ней скрупулезно исследуются многочисленные списки памятника, 12 из которых впервые найдены автором книги в хранилищах рукописей в нашей стране и за рубежом. Несомненный интерес представляет исследование Ю. К. Бегунова с точки зрения древнеславянской палеографии. Со стороны эвристики также могут быть отмечены известные достижения в двух планах: точно устанавливается место и время написания Козмой Пресвитером его «Беседы» — около 970 г. в Восточной Болгарии, вероятнее всего около Великой Преславы, бывшей в те годы столицей Восточноболгарского царства. Во-вторых, в результате строгого анализа текста памятника автору книги удается установить круг традиционных источников, использованных Козмой Пресвитером. Это прежде всего тексты Библии — Ветхого и Нового завета (которые с абсолютной точностью отождествлены и учтены автором книги), произведения наиболее популярного ранневизантийского писателя Иоанна Златоуста, многие произведения византийской агнографии и других письменных жанров. Отметим, что такой полный свод источников для произведения древнеславянской литературы осуществлен Ю. К. Бегуновым впервые.

Существенное значение принадлежит исследованию Ю. К. Бегунова в области изучения поэтики и стилистики древнеславянского произведения. Благодаря умело примененной автором книги исследовательской методике, «Беседа» может быть охарактеризована как своеобразный сплав риторики и поэтики. Под риторикой понимается описание тропов и словесных

фигур с учетом стилистических сфер их применения. Под поэтикой же понимается наука о функциях вышеперечисленных выразительных языковых средств в их связи с композицией, жанровой структурой произведения, в зависимости от идейно-эстетической позиции писателя.

Наконец, нельзя умолчать о значении книги Ю. К. Бегунова для выяснения многих проблем, связанных с изучением русско-болгарских культурно-исторических связей и отношений на протяжении почти семисотлетнего периода с X по XVII в. Эти связи и отношения с достаточной наглядностью и полнотой могут быть прослежены при изучении истории текста «Беседы» Козмы Пресвитера и распространения ее списков на Руси, в Болгарии и в Сербии. Таким образом, здесь мы имеем ценный, с точки зрения изучения исторических и литературных взаимосвязей различных славянских народностей, материал.

Критические замечания, которые можно сделать в адрес книги, немногочисленны и не касаются существа исследования. Местами, например, книга представляется излишне растянутой. В ряде случаев отмечаются досадные погрешности, неуместные в строгом комплексном филологическом исследовании древнеславянских текстов. Так, например, на стр. 34, 36 и др. хотелось бы видеть более точное применение историко-лингвистических терминов: «абсолютно слабая позиция редуцированных», «падение напряженных редуцированных» и др. Не можем мы согласиться с использованием в книге термина «псевдоэпиграф» в значении ложного надписания, приписывающего ту или иную текстовую компиляцию произведений Козмы, в целях придания ей большей авторитетности в глазах читателей, какому-либо иному более почитаемому авторитету, например Иоанну Златоусту.

Эти отдельные критические замечания не снижают общей положительной оценки труда советского исследователя, посвященного изучению ценного древнеболгарского памятника литературы начального периода ее развития.

Н. А. Мещерский

Р. Ф. КИРЧИВ. *Український фольклор в польській літературі*. Київ, «Наукова думка», 1971, 274 стор.

Р. Ф. КИРЧИВ. *Украинский фольклор в польской литературе*

Книга Р. Ф. Кирчива обобщает опыт изучения украинских фольклорных элементов в польской романтической литературе украинскими и польскими литературоведами. Причем автор не просто синтезировал этот более чем столетний

опыт, но и осмыслил его с позиций марксистско-ленинской методологии.

В своей работе Кирчив опроверг ряд положений буржуазного литературоведения о характере украинско-польских культурных взаимоотношений периода

романтизма и убедительно доказал, что этот процесс был одинаково полезным для обоих народов. Богатый украинский фольклор давал мотивы и образы, темы и сюжеты, способствовал разнообразию жанровых и стилевых форм литературы польского романтизма.

В обработке украинского фольклора польскими писателями исследователь выделяет три темы: 1) переводы, перепевы и парафразы украинских песен; 2) поэтические трансформации фольклорных образов и мотивов; 3) творческий синтез фольклорного материала.

Процесс «трансформации» и «синтеза» фольклорного материала осуществляется по-разному, поэтому в работе особо выделены отдельные писательские индивидуальности (Б. Залеский, С. Гошинский, Ю. Словацкий, А. Мицкевич, М. Чайковский, Л. Семенский, Т. Падура).

В книге содержится не только большой сравнительный материал, но и теоретические суждения и обобщения, касающиеся специфических особенностей польского романтизма, его источников и эстетики, терминологических вопросов.

В целом высоко оценивая работу Кирчи, мы считаем, что не со всеми ее положениями можно согласиться. Отдавая должное творческим поискам автора, желая отойти от традиционных суждений, внести новое в понятия общественной и художественной специфики литературы и фольклора, нам хочется остановиться на некоторых вопросах, которые требуют уточнений, а иногда возражения.

Автор убедительно обосновывает мысль о существовании в польском романтизме двух тенденций — прогрессивной и реакционной. Но желая показать разницу между ними в подходе к использованию фольклора, он, как нам кажется, упрощает сложный творческий процесс. Если, утверждает исследователь, прогрессивные романтики в центр внимания ставили выражение народного духа, мировоззрения, мечтаний, свободолюбивых настроений и героизма, то реакционных романтиков больше привлекали консервативные, архаические тенденции фольклора. Обращаясь к народной фантастике, первые подчеркивают ее светлое, поэтическое, высокое морально-этическое начало, вторые — обращаются к поверьям, предрассудкам, легендам (стр. 268). Хотел этого автор или нет, но из его утверждений вытекает, что в фольклоре существовали две тенденции — прогрессивная и реакционная, одна из них была источником прогрессивного, другая — реакционного романтизма. Главное, очевидно, не только в том, что брать из фольклора (кстати, к поверьям, предрассудкам, легендам обращались не только реакционные, но и прогрессивные романтики), но и как, с каких позиций эти заимствованные элементы освещать.

Затрагивая вопрос о формах и методах освоения фольклора, автор приходит к выводу, что в 30-е годы XIX в. они еще не были глубоко разработаны. Некоторые писатели шли дорогой эклектического соединения народнопоэтической манеры с литературными традициями, другие пробовали воспринять художественную систему фольклора в целом. И только немногие поднимались до художественной трансформации фольклора, «к самостоятельному творчеству в его духе» (стр. 267). Но если бы действительно так было и самые видные художники слова не выходили за рамки фольклора, творили «в его духе», не проявляя своей творческой индивидуальности, то, понятно мы не говорили бы сегодня о Гошинском, Словацком, Мицкевиче как о самых талантливых представителях польского романтизма.

В работе ощутима более низкая оценка романтизма по сравнению с литературными направлениями, пришедшими ему на смену. Романтики, утверждает автор, механически переносили элементы фольклора в свои произведения в отличие от реалистов, воспринимавших народно-поэтический материал в «комплексе, синтезе со всеми другими аспектами и компонентами отображаемой действительности» (стр. 263). Этот тезис настолько не отражает сущности явления, что автор через несколько страниц, по существу, сам его опровергает: «Великие писатели уже на первом этапе романтизма (что уж говорить о его расцвете! — Т. К.) поднимаются к истинно творческому и глубокому художественному осмыслению фольклора» (стр. 266).

Некоторая непоследовательность, даже противоречия в утверждениях заметны и в других местах книги. Так, на одной из страниц проводится такая мысль: значение фольклора как основной опоры национальной литературы нередко представлялось в эпоху романтизма преувеличенным и упрощенным. Благодаря этому неоправданно превозносилось поэтическое наследие Залеского и некоторых других авторов, и в то же время недооценивались истинные художественные достижения, например поэтические произведения Словацкого (стр. 33—34). Ранее же утверждалось, что «было бы ошибочным стремление объяснять соотношение фольклоризма и романтической народности только на основе современного понимания этого вопроса» (стр. 10).

В одном случае автор рассматривает литературный процесс в прошлом с позиций сегодняшнего дня, в другом — призывает смотреть на литературные явления прошлого глазами их современников, что свидетельствует о некоторой непоследовательности концепции, неопределенности угла зрения на литературные явления.

Последовательно выдерживаемый принцип портретной характеристики того или

другого писателя не оправдан в тех случаях, когда нужно широко охарактеризовать рассматриваемый процесс (например, при рассмотрении переводов, перепевов и парафраз украинских песен, где наиболее оправданной была бы компактная сравнительная характеристика, которая помогла бы увидеть эволюцию данных видов обработки фольклора).

Для определения заимствованных элементов достаточно ознакомиться с этнографией и подыскать нужные источники в народных песнях. Гораздо сложнее увидеть внутренние, психологические контакты с фольклором. Именно такой аспект определяет изучение автором произведений Гоцинского, Словацкого и Мицкевича. Их творчество насыщено духом народной поэзии; фольклор «переплавлялся в горниле могучего таланта в неповторимую прелесть и величие поэзии» (стр. 170). Но этот «дух народной поэзии», «идейная сущность» ее часто, по мнению автора, противоречили исторической правде. Известно, например, что «Zamek Kaniewski» Гоцинского изображает взятие и разгром гайдамаками Каневского замка. «Но у фабульной концепции этого факта много такого, что противоречит исторической правде». Так, утверждает исследователь, не отвечает действительности то, что замок взял Никита Швачка и что сам он погиб в его развалинах, как и то, что Николай Потоцкий был каневским старостой. Все это — делается обобщение — идет от народной традиции (стр. 137). Но, как известно и самому автору, фольклорная традиция не знает произведений, изображающих эти события именно так, как в поэме. Поэтому нет надобности связывать отдельные исторические неточности поэмы с фольклором, приписывая последнему нарушение исторической правды. Действительно, народная память не всегда фиксирует историческое событие в деталях, но правда и то, что она часто точнее и лучше литературных документов передает его сущность.

В большинстве случаев Р. Кирчив находит ключ к выявлению идейно-творческих связей писателей с фольклором. А вот в разделах, посвященных анализу беллетристических произведений М. Грабовского, драм М. Сухоровского и М. Гожковского, он говорит о вещах, связь которых с фольклором сомнительна. Вряд ли можно назвать «фольклорным элементом» в повести «Tajkiry» упоминание о песне «Не ходи, Грицю», «бердичевской святейшей матери», о чарах или усматривать «фольклоризм» в драме Гожковского только потому, что он «хорошо овладел языком народа», «сумел схватить и передать характерные лексические, фразеологические, синтаксико-стилистические и даже ритмо-мелодические особенности устной народной речи» (стр. 260).

В монографии Р. Ф. Кирчива четко отразились две тенденции — желание охватить весь литературный процесс эпохи романтизма в деталях и стремление дать выразительную характеристику той или иной творческой индивидуальности, проявившей хотя бы минимальный интерес к украинской фольклорной традиции. Здесь-то и чувствуются сильные и слабые стороны авторской концепции. Но не следует забывать, что книга эта — первая синтетическая попытка исследования богатого украинского фольклорного элемента в польской романтической литературе.

Научная добросовестность, скрупулезность, внимание даже к незначительным фактам, основательный, в целом успешный анализ литературных явлений и художественных произведений разной ценности в аспекте их отношений к украинскому фольклору, теоретические обобщения — вот те лучшие качества, которые позволяют считать книгу заметным достижением в исследовании литературно-фольклорных взаимоотношений.

Т. И. Комаринец

Bibliografia polskich prac z zakresu slawistyki. Warszawa, Państwowe wydawnictwo naukowe, 1973 (PAN, Polski komitet slawistów). T. 1. *Archeologia. Etnografia. Folkloristyka. Językoznawstwo.* 372 s. T. II. *Literaturoznawstwo. Index nazw osobowych.* 534 s.

Библиография польских работ по славистике

К VII Международному съезду славистов вышла в свет двухтомная библиография работ польских ученых по славистике, опубликованных в Польше и за границей. Созданная коллективом ученых под редакцией Я. Чаховской и Я. Пузыниной, библиография охватывает пятилетие между VI и VII съездами — 1968—1972 гг., демонстрируя достижения польской славистической науки в области археологии, этнографии, фольклористики, языкозна-

ния и литературоведения. Эта первая комплексная славяноведческая библиография Польши является ценным вкладом в славистику и славистическую библиографию.

Составители Л. Я. Лука (археология), М. Гладышова (этнография), Е. Яворская (фольклористика), М. Гальстер (языкознание), Б. Карелуский (литературоведение), А. Чаховский (именной указатель) проделали большую работу по отбору

и систематизации материала. В библиографии отражены все типы научных работ: обобщающие труды, монографии, статьи, рецензии, публикации материалов и документов, словари, критические издания текстов и литературных произведений, эссе и литературная критика. Опущены научно-популярные работы из специальных журналов, работы из области преподавания в средней школе, мелкие, малозначительные отчеты о конференциях, съездах; в разделе археологии — работы по археологии Польши (поскольку они систематически регистрируются в библиографических ежегодниках по истории Польши), в этнографии — работы, касающиеся музыки и танца, в разделе языковедения — работы по общему языковедению, учебники иностранных языков, двуязычные словари, в литературоведении — теоретические работы, не имеющие отношения к славянским литературам, и работы, которые печатаются в издаваемых отчетах институтов и научных обществ. В библиографию включены книги, статьи из сборников, специальных журналов, периодических изданий (от ежегодников до ежемесячников включительно).

Материал систематизируется в соответствии со структурой данной науки, но, по возможности, единообразно. В каждом отделе есть общая часть, в которой представлены библиографические указатели и обзоры, журналы и сборники статей, работы, освещающие историю науки и научную жизнь, и разделы, представляющие литературу по отдельным славянским странам. Внутри рубрик материал располагается по алфавиту авторов. Последовательность и подчинение рубрик ясно выделяются применяемой авторами десятичной системой.

Если работа по своему содержанию относится к нескольким рубрикам, применяется система отсылок в виде повторных сокращенных записей с указанием соответствующего номера. В системе отсылок наблюдаются некоторые непоследовательности. Так, например, в рубрике «Языковые контакты», содержащей исследования контактов между славянскими языками (и диалектами) и между славянскими и неславянскими языками (и диалектами), заимствований и их адаптации, однотипные

работы то отсылаются в рубрику соответствующего языка, то остаются без отсылок, работы на диалектном материале то представлены здесь в качестве основных с отсылкой в диалектологию или ономастику, то, наоборот, отсылками из этих рубрик.

Каждая работа описывается отдельно и нумеруется, за исключением переизданных книг, перепечаток статей, фрагментов работ, рецензий, даваемых при первом издании или публикации. В принципе правильное, такое решение не кажется нам удачным для рецензий на труды зарубежных ученых, поскольку именно на них тогда фиксируется внимание читателей. В случаях же повторного, сокращенного описания в отсылке наличие книги польского автора оказывается не оправданным. Рецензии такого рода более целесообразно было бы оформлять на фамилию автора рецензии как самостоятельные единицы.

Иногда (к сожалению, очень редко) даются краткие аннотации, раскрывающие содержание работы, если оно недостаточно четко сформулировано в заглавии. Можно было бы назвать много случаев, когда аннотация необходима для уяснения содержания работы или для обоснования отнесения ее к той или иной рубрике.

Шрифтовое оформление (ограниченное, поскольку библиография издана ротационным способом) в некоторых случаях не выразительно. Не все подрубрики выделены шрифтом. Напечатанные как и основной текст, они сливаются с ним. При наличии нескольких авторов прописными буквами дается только первый. В рубрике персоналий фамилии ученого и автора работы хотя и различаются шрифтом, набраны в одну строку, что особенно неудачно при большом количестве работ, которые представляются тогда как бы оторванными от данной персоналии.

Библиография польских работ по славистике, врученная участникам VII Международного съезда славистов в Варшаве, является полезным подспорьем в работе самому широкому кругу славистов и всем интересующимся польской наукой.

И. Можаява

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В 1973 — 1974 гг.

I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Общие вопросы

Дзюбко І. С., Наконечный С. Г. Про системний підхід до класифікації закономірностей розвитку світової системи соціалізму. Укр. іст. журн., Київ, 1973, № 12.

Самсонкина Л. М. Социалистическая интеграция и ее социально-экономическая сущность. В кн. Вопросы научного коммунизма, вып. 5. М., 1973.

2. Международные отношения. Взаимоотношения братских стран и партий. Внешняя политика

Винокур Б. И. Развитие и интернациональное сотрудничество социалистических наций. Рабочий класс и соврем. мир, 1974, № 1.

Иванов А., Кузьмин П. Внешняя политика социалистической Польши. (Обзор журнала «Справы мендзынародове»). Междунар. жизнь, 1974, № 2.

Морозов В. Страны СЭВ: курс на широкое международное сотрудничество. Междунар. жизнь, 1974, № 3.

Самсонкина Л. М. Социалистический интернационализм — основа сотрудничества стран — членов СЭВ. В кн. Вопросы научного коммунизма, вып. 4. М., 1973.

3. Социалистическое строительство

Валевская В. И. Роль профсоюзов в проведении социальной политики в ПНР. Рабочий класс и соврем. мир, 1974, № 1.

Дядокин В. Г. Болгария на пути построения развитого социалистического общества. Вопр. рабочего движения. Орджоникидзе, 1973, вып. 1.

Козяж З. Использование закона возвышения потребностей в деятельности коммунистических и рабочих партий. Вестн. Моск. ун-та. Теория научн. коммунизма, 1974, № 1.

Круглов В. А. VII съезд Болгарской коммунистической партии об итогах социалистического строительства в Болгарии (1949—1956 гг.). Вопр. рабочего движения. Орджоникидзе, 1973, вып. 1.

Мразек А. Научно-техническое сотрудничество и его задачи в обеспечении социалистического строительства в ЧССР. В кн. Научно-техническая революция и социальный прогресс. М., 1974.

Попов В. А. Развитие социалистического государство и экономическая интеграция. В кн. Киевская высшая школа МВД СССР. Теоретическая конференция по итогам научн.-исслед. работы про-

фессорско-преподавательского состава за 1971 год. Киев, 1972.

Ярошевский Т. Научно-техническая революция и теория отрицания руководящей роли рабочего класса и его партий. В кн. Актуальные проблемы борьбы с антикоммунизмом. М., 1973.

4. Экономика. Экономическое сотрудничество

Бекаревич А. Д. Создание материально-технической базы социализма на Кубе и сотрудничество со странами — членами СЭВ. В кн. Советский Союз и Куба. М., 1973.

Барчак А. Чехословакия — СССР. Задачи и перспективы внешней торговли. Внешн. торговля, 1974, № 2.

Бистрицкас С. По пути социалистической интеграции. «Коммунист», Вильнюс, 1973, № 12.

Быков А. Соединение достижений научно-технической революции с преимуществами социализма в условиях социалистической интеграции. В кн. Научно-техническая революция и социальный прогресс. М., 1974.

Вере Й. Научно-техническая революция и социалистическая экономическая интеграция в черной металлургии ВНР. В кн. Научно-техническая революция и социальный прогресс. М., 1974.

Воевудка Ч. Морское судоходство Народной Польши. Мор. флот, 1974, № 1.

Гринев В. Экономическая эффективность международной специализации и кооперирования производства. План. хоз-во, 1974, № 2.

Грамматиков А. Н. Международный инвестиционный банк. Экономика стро-ва, 1974, № 1.

Гридчин А. Ф., Павкин Л. М. Проблемы территориального планирования в европейских социалистических странах на современном этапе. (По страницам экономических журналов Польши, Болгарии, ЧССР и ГДР). Изв. Сев.-Кавк. научн. центра высш. школы. Обществ. науки. Ростов н/Д, 1973, № 3.

Гуляев Я., Кубис А. Сотрудничество в области эксплуатационной работы железнодорожного транспорта. Бюл. экон. информации СЭВ., 1973, № 5.

Гурвич Я. О новых предприятиях мясной промышленности Чехословацкой Социалистической Республики. Мясн. индустрия СССР, 1974, № 1.

Дегтярь Л. Об использовании трудовых ресурсов в странах — членах СЭВ. Вопр. экономики, 1974, № 1.

Дізано́ва М. І. Бригадирський рух як форма підвищення трудової активності болгарської молоді. Укр. іст. журн. Київ, 1974, № 1.

Доде́вски Д. Технический прогресс как фактор воспроизводства, производительной техники и причины, ему препятствующие. В кн. Научно-техническая революция и социальные прогресс. М., 1974.

Дяки́н Б., Ильи́н М. Научно-техническая интеграция и повышение эффективности труда в странах — членах СЭВ. Соц. труд, 1974, № 1.

Ерофе́ев Б., Трти́лек О. Проблема охраны недр и рационального использования минеральных богатств стран — членов СЭВ. Бюл. эконом. информации СЭВ. 1973, № 6.

Згуро́вский Ю. В. Развитие сотрудничества стран — членов СЭВ в области унификации изобретательского права. Проблемы государства и права на современном этапе, 1973, вып. 7.

Зевин́ Л. Углубление разделения труда между странами СЭВ и развивающимися государствами. Вопр. экономики, 1974, № 2.

Зевин́ Л. З. Некоторые вопросы формирования рынка стран СЭВ с государствами «третьего мира». В кн. Теоретические проблемы мирового социалистического рынка. М., 1973.

Золо́ев В. Постоянная комиссия СЭВ по внешней торговле — за работой. Внешн. торговля, 1974, № 2.

Золо́тарев В. Внешняя торговля стран СЭВ. Междунар. жизнь, 1974, № 3.

Коло́миец Б. Г. Вопросы методологии и практики совершенствования внешнеэкономических цен и измерения эффективности международной специализации производства в странах — членах СЭВ. Эконом. роль государства в соц., развивающихся и капиталист. странах, 1973, вып. 3.

Коло́миец Б. Г. Международная специализация и ее влияние на развитие внешней торговли машинами и оборудованием в социалистических странах. Эконом. роль государства в соц., развивающихся и капиталист. странах, 1973, вып. 3.

Коню́шко В., Карпенко О. Организационно-правовые и методические аспекты научно-технического сотрудничества стран — членов СЭВ на современном этапе. В кн. Научно-техническая революция и социальный прогресс. М., 1974.

Кра́фт Г. Научно-техническая революция и социалистическая экономическая интеграция. В кн. Научно-техническая революция и социальный прогресс. М., 1974.

Криса́льни О. В. Интеграція сільського господарства з іншими галузями народного господарства в краї-

нах — членах РЭВ. Вісн. с.-г. науки, Київ, 1974. № 1.

Ку́дряшов М. Комплексная программа социалистической экономической интеграции и внешне-торговый арбитраж. Внешн. торговля, 1974, № 2.

Ку́знецов А. П. Гидроэнергетический потенциал Дуная и проблемы его использования в придунайских социалистических странах. В кн. Экономико-географические проблемы промышленности социалистических стран. М., 1973.

Ку́пфершмидт В. Научно-технический прогресс — социалистическая экономическая интеграция — эффективность научно-технического сотрудничества. В кн. Научно-техническая революция и социальный прогресс. М., 1974.

Ле́бин Д. Научно-техническая революция и социалистическая интеграция. В кн. Научно-техническая революция и социальный прогресс. М., 1974.

Ли́гай К. М. Место социалистических стран — нечленов СЭВ на мировом социалистическом рынке. В кн. Теоретическое проблемы мирового социалистического рынка. М., 1973.

Ли́феров А. П. Современные сдвиги в территориальной структуре машиностроения Словакии. В кн. Экономико-географические проблемы промышленности социалистических стран. М., 1973.

Ма́ксименко П. К. К вопросу об объективных основах и сущности социалистической экономической интеграции. Эконом. роль государства в соц., развивающихся и капиталист. странах, 1973, вып. 3.

Мико́ва Л., Но́гавица В., Ржи́га Л. Эффективность научно-технического прогресса и капитальных вложений. В кн. Научно-техническая революция и социальный прогресс. М., 1974.

Ми́кульский К. Проблемы рационального использования трудового потенциала стран СЭВ в условиях научно-технической революции. В кн. Научно-техническая революция и социальный прогресс. М., 1974.

Мо́нов А. И. Сотрудничество стран — членов СЭВ в области сельского хозяйства. «Лен и конопля», 1974, № 1.

На́заркин К. МБЭС в валютной системе социалистического сотрудничества. Междунар. жизнь, 1974, № 2.

Ма́евски М., И́цикович Я., Ту́доран К. и др. Научно-технический прогресс и его экономическое стимулирование с помощью цен в СРР. В кн. Цены и стимулирование научно-технического прогресса в социалистических странах. М., 1973.

Некоторые вопросы деятельности Международного банка экономического сотрудничества в 1972 г. Бюл. эконом. информации СЭВ, 1973, № 5.

Н и л а ш И. Оптимальное развитие научно-технического потенциала стран — членов СЭВ и социалистическая экономическая интеграция. В кн. Научно-техническая революция и социальный прогресс. М., 1974.

О Международном научном симпозиуме «Теоретические проблемы исследования структур народного хозяйства и выравнивания уровней экономического развития стран — членов СЭВ в условиях социалистической экономической интеграции». Бюл. эконом. информации СЭВ, 1973, № 5.

О работе объединенных энергетических систем (ОЭС) стран — участниц ЦДУ в 1972 г. Бюл. эконом. информации СЭВ, 1973, № 5.

О с ъ м о в а М. Н. Влияние международной специализации на структуру промышленного производства стран — членов СЭВ. Вестн. Моск. ун-та. Экономика, 1974, № 1.

П е с ч а н а я Г. Научные исследования по вопросам экономики труда. Бюл. эконом. информации СЭВ, 1973, № 6.

П е т к о в с к и Д., С о к о л о в П. Влияние научно-технического прогресса на изменение характера производственных расходов. В кн. Научно-техническая революция и социальный прогресс. М., 1974.

П о ц о в В. А. К вопросу о совершенствовании форм сотрудничества стран СЭВ. В кн. Киевская высшая школа МВД СССР. Теоретическая конференция по итогам научн.-исслед. работы профессорско-преподавательского состава за 1972 год. Киев, 1973.

П о ц о в Н., Й о р д а н о в Ч. Научно-техническая революция и некоторые проблемы социалистической экономической интеграции. В кн. Научно-техническая революция и социальный прогресс. М., 1974.

П р о к у д и н В., Ш е в я к о в А., Г о р ф а н К. Возможности применения экономико-математических моделей для оценки и повышения эффективности научно-технического сотрудничества стран — членов СЭВ. В кн. Научно-техническая революция и социальный прогресс. М., 1974.

Развитие народного хозяйства и внешней торговли стран — членов СЭВ. Бюл. эконом. информации СЭВ, 1973, № 6.

Р а к о в с к и й С. Н. Промышленные районы и центры — фокусы механического движения населения. (На примерах зарубежных социалистических стран Европы). В кн. Экономико-географические проблемы промышленности социалистических стран. М., 1973.

Р у ж и ч к а В. К методическим вопросам измерения эффективности структурных сдвигов в экономике, вызванных научно-техническим прогрессом. В кн. Научно-техническая революция и социальный прогресс. М., 1974.

Р у ш к е в и ч Е., Х а д ы н я к В., М о н к е в и ч Я. Эффективность и рост эффективности в цикле наука — техника — производство. В кн. Научно-техническая революция и социальный прогресс. М., 1974.

С в е р ч и н с к и й К. На службе социализма. (Роль кооперации в народном хозяйстве ПНР). Сов. потреб. кооперация, 1974, № 2.

С о к о л о в В. Социалистическая интеграция и жилищное хозяйство. Гор. хоз-во Москвы, 1974, № 1.

С т е й с к а л В. Использование сельскохозяйственного земельного фонда Чехословацкой Социалистической Республики. Научн. труды Моск. ин-та инженеров землеустройства, 1973, вып. 66.

С у р н и н В. С., Ч и ч е р о в а Г. Н. Общая характеристика и особенности пореформенного развития народного хозяйства СФРЮ. Эконом. роль государства в соц., развивающихся и капиталист. странах, 1973, вып. 3.

Т а р н о в с к и й О. Стоимостная основа системы цен международного рынка СЭВ. В кн. Теоретические проблемы мирового социалистического рынка. М., 1973.

Т и х о м и р о в В. П. Некоторые проблемы социалистической экономической интеграции. Научн. труды Моск. ин-та междунар. отношений, 1973, вып. 3.

Ф а л у ш н е С.-К. Формирование промышленной структуры европейских социалистических стран в 60-е годы. В кн. Актуальные проблемы политэкономии. М., 1973.

Ф е д о т о в В. М. Четверть века Совета Экономической Взаимопомощи. «Животноводство». 1974, № 1.

Ф и л я с е в и ч А., Р е й н Б. Проблемы измерения науки и техники и потребность сотрудничества стран — членов СЭВ. В кн. Научно-техническая революция и социальный прогресс. М., 1974.

Ц е д и л и н Л. И. Некоторые вопросы факторного анализа при прогнозировании мирового социалистического рынка. В кн. Теоретические проблемы мирового социалистического рынка. М., 1973.

Ш и р я е в Н. К вопросу анализа внешней торговли. Вестн. статистики, 1974, № 2.

Ш м е л е в Н. П. Методологические вопросы анализа экономических отношений социалистических и капиталистических стран. Тезисы доклада. В кн. Теоретические проблемы мирового социалистического рынка. М., 1973.

Ш о м к у т ы Э. Работа по вопросам повышения качества продукции мебельной промышленности. Бюл. эконом. информации СЭВ, 1973, № 5.

Ш у т к а Ш. Железные дороги ЧССР — важное звено в транспортной системе социалистических стран. Ж.-д. транспорт, 1974, № 1.

Экономическое и техническое сотрудничество стран — членов СЭВ с развивающимися странами в развитии национальной нефтяной промышленности. Бюл. эконо. информации СЭВ, 1973, № 5.

Я з в и н ь с к и Э. Новые организационные формы научно-технического сотрудничества в области пищевой промышленности. Бюл. эконо. информации СЭВ, 1973, № 5.

Я н э ч е к В., К н о б л о х В. Ценообразование как механизм стимулирования научно-технического прогресса в ЧССР. В кн. Цены и стимулирование научно-технического прогресса в социалистических странах. М., 1973.

5. Партийная жизнь

П а р а д о в с к и й Р. Партийная система в ПНР и главное направление ее развития. В кн. Политическая система развитого социалистического общества. М., 1973.

6. Государственное строительство. Право

А л ф е р о в Л. В. Правовые вопросы научно-технического сотрудничества СССР со странами — членами СЭВ. Междунар. сотрудничество в области морского судоходства, 1972, № 5.

А н д р е е в И. Новый Уголовный кодекс (ПНР). В кн. Новое уголовное законодательство зарубежных социалистических стран Европы. М., 1974.

Б о г у с л а в с к и й М. Правовые вопросы международного научно-технического сотрудничества. В кн. Научно-техническая революция и социальный прогресс. М., 1974.

В е л ь я м и н о в Г. Социалистическая экономическая интеграция и право. Навстречу 25-летию СЭВ. Внешн. торговля, 1974, № 1.

Г а в и л е в с к и й В. Новая конституция Югославии. «Новое время», 1974, 1 марта, № 9.

Конвенция о разрешении арбитражным путем гражданско-правовых споров, вытекающих из отношений экономического и научно-технического сотрудничества. Бюл. эконо. информации СЭВ, 1973, № 5.

К о с к А. О сотрудничестве в области социального обеспечения. Бюл. эконо. информации СЭВ, 1973, № 6.

К р у к о в с к и й А. Особенная часть Уголовного кодекса Польской Народной Республики. В кн. Новое уголовное законодательство зарубежных социалистических стран Европы. М., 1974.

Л ю т о в К. Предмет и основные принципы Закона об исполнении наказаний (в ПНР). В кн. Новое уголовное законодательство зарубежных социалистических стран Европы. М., 1974.

М а ч у л ь с к и й Э. И. Развитие структуры представительных органов в Социалистической Федеративной Республике Югославии. Проблемы государства и права на соврем. этапе, 1973, вып. 7.

Н е н о в И. Новое уголовное законодательство Народной Республики Болгарии. В кн. Новое уголовное законодательство зарубежных социалистических стран Европы. М., 1974.

П е т р о с я н Р. А. Социалистическая экономическая интеграция и международная унификация национальных правовых норм (некоторые вопросы). Проблемы государства и права на соврем. этапе, 1973, вып. 7.

Ш е в ц о в В. С. Интернациональное и национальное в суверенитете государств социалистического содержания. Научн. докл. высш. школы. Научн. коммунизм, 1974, № 1.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История. Археология. Этнография

А р т а м о н о в В. А. Польско-русские отношения 1710—1714 гг. В кн. Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений, М., 1973.

Г а р и б д ж а н я н Г. Б. Из истории связей революционеров Кавказа и Польши в начале XX века. Вестн. архивов Армении. Ереван, 1973, № 3.

Г и б и а н с к и й Л. Я., Ф р е й д з о н В. И. На VII Международном съезде славистов (Варшава, 21—27 августа 1973 г.). «Новая и новейшая история», 1974, № 1.

Д я д ь к и н В. Г. Из истории болгаро-советской дружбы и сотрудничества. В кн. Ленинизм и малые нации. Орджоникидзе, 1973.

З е л е п у г и н а В. В. Проблема союза

рабочего класса с крестьянством в трудах болгарских марксистов — деятелей Коминтерна. (На примере анализа истории крестьянского управления в Болгарии в 1920—1923 гг.). В кн. Сборник аспирантских работ. Казань, 1973.

К о в а л е в с к и й А. П. Славяне и их соседи в первой половине X в., по данным аль-Масуди. В кн. Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973.

К о в а л е н к о Л. А. Питання історії зарубіжних слов'ян в українській історіографії першої половини XIX ст. «Історіографічні дослідження в УРСР», Київ, 1973, вип. 6.

К о с т ь ш к о И. И. Научная конференция советских и польских историков (Ленинград, 24—27 сент. 1973 г.). Вопр. истории, 1974, № 2.

Кулик В. Г. Интернациональная помощь Советских Вооруженных Сил народам Европы в 1941—1945 гг. «Новая и новейшая история», 1974, № 1.

Мельникова Е. Б. Пролетарский интернационализм польских марксистов в дооктябрьский период. В кн. Вопросы научного коммунизма, вып. 4. М., 1973.

Новицкий С. А. Комуністична партія Східної Галичини і створення комуністичної організації молоді (1919—1923 рр.). Укр. іст. журн., Київ, 1974, № 1.

Нюркаева А. З. Образование Сербской социал-демократической партии. Уч. зап. Перм. ун-та, 1973, № 321, вып. 11.

О работе сектора древней истории и истории средних веков Института славяноведения и балканистики АН СССР. В кн. Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973.

Ратич М. О., Захкільняк Л. П. VI Всесоюзна конференція істориків-славистів. (Львов, 1—4 окт. 1973 г.). Укр. іст. журн., Київ, 1974, № 1.

Резонов П. И. К вопросу о происхождении и развитии социально-политических взглядов табористов. В кн. Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973.

Савчук В. С. Некоторые вопросы экономического развития полабских славян в работах историков ГДР. В кн. Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973.

Санчук Г. Э. Гуситское движение в советской историографии. В кн. Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973.

Сарбей В. Г. Основоположники марксизму і творчий доробок Йоахіма Лелевеля з історії Польщі та України. «Історіографічні дослідження в УРСР», Київ, 1973, вып. 6.

Флоря Б. Н. Война между Россией и Речью Посполитой на заключительном этапе Ливонской войны и внутренняя политика правительства Ивана IV. В кн. Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973.

Щербakov Ю. Н. Вклад интернационалистов в распространение и осуществление ленинских идей о партии в странах Восточной Европы (1918—1921 гг.). Вопр. истории КПСС, 1974, № 2.

Щукин М. Б. Конференция «Археологические культуры и культурные области Средней Европы в эпоху римских влияний» и некоторые тенденции польской археологии. Сов. археология, 1974, № 1.

2. Культура

Балашов Н. И. Две шкалы систем литературных связей и сравнительное

изучение славянских литератур. В кн. Сравнительное изучение славянских литератур. М., 1973.

Бараньский З. Сравнительное изучение славянских литератур в Польше. В кн. Сравнительное изучение славянских литератур. М., 1973.

Богданов Ю. В. К проблематике сравнительно-исторического изучения литературы европейских социалистических стран. В кн. Сравнительное изучение славянских литератур. М., 1973.

Богомолов А. И. Вторая конференция министров образования европейских государств. (Бухарест, ноябрь—декабрь 1973 г.). Вестн. высш. школы, 1974, № 2.

Будагова Л. Н. Освоение интонационного опыта как фактор творческого развития. (К проблеме взаимодействия разных эстетических тенденций в чешской поэзии 20—30-х годов XX века). В кн. Сравнительное изучение славянских литератур. М., 1973.

В. З. Радянсько-болгарський науковий симпозіум. Слов'янське літературознавство і фольклористика, Київ, 1973, вып. 9.

Веля С. Сравнительное исследование славянских литератур в Румынии. В кн. Сравнительное изучение славянских литератур. М., 1973.

Вервес Г. Д. Итоги и перспективы сравнительного изучения славянских литератур на Украине. В кн. Сравнительное изучение славянских литератур. М., 1973.

Виеру Н. Драматургия баллад Шопена. В кн. О музыке. Проблемы анализа. М., 1974.

Витт В. В., Ильина Г. Я. Типологическая общность в реализме зарубежных славянских литератур (конец XIX — начало XX века). В кн. Сравнительное изучение славянских литератур. М., 1973.

Войкова И. Болгарское искусство сегодня. «Искусство», 1974, № 2.

Гайдай М. М. Слов'янська балада в її зв'язках з іншими жанрами фольклору. В кн. Розвиток і взаємодієння жанрів слов'янського фольклору. Київ, 1973.

Ганцкая О. А., Грацианская Н. Н., Токарев С. Западные славяне. В кн. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. XIX — начало XX в. Зимние праздники. М., 1973.

Гапова В. И. О некоторых типологических общностях белорусской и польской прозы. (20—60-е годы XX века). В кн. Сравнительное изучение славянских литератур. М., 1973.

Георгиев Э. Понятие «славянская общность» в литературоведении. В кн. Сравнительное изучение славянских литератур. М., 1973.

Германов Г. Некоторые особенности восприятия произведений М. Ю. Лермонтова в Болгарии. Весн.

Беларус. ун-та. Філалогія, журналістыка, педагогіка, псіхалогія, 1973, № 3.

Г и н з б у р г Л. Зденек Неедлы об исполнительском искусстве. Сов. музыка, 1974, № 2.

Г о р с к и й И. К. Наследие А. Н. Веселовского и сравнительное изучение славянских литератур. В кн. Сравнительное изучение славянских литератур. М., 1973.

Д и м о в Г. Болгарское литературоведение и сравнительно-историческое изучение славянских литератур. В кн. Сравнительное изучение славянских литератур. М., 1973.

Д у д е в с к и й Х. Влияние советской литературы на общественное сознание в Болгарии. В кн. Сравнительное изучение славянских литератур. М., 1973.

Д ю р и ш и н Д. Методологические вопросы сравнительного изучения литературы в Словакии. В кн. Сравнительное изучение славянских литератур. М., 1973.

Ж и в а н ч е в и ч М. К вопросу о типе писателя, автора подражаний. В кн. Сравнительное изучение славянских литератур. М., 1973.

Ж у р а в с к а я И. Е. Мировые образы в украинской советской литературе (в контексте других славянских литератур). В кн. Сравнительное изучение славянских литератур. М., 1973.

К а р а н ф и л о в Е. Современность и обогащение литературных жанров. Иностран. лит., 1974, № 3.

К а с в и н Г. Школа социалистической Чехословакии на новом этапе. Нар. образование, 1974, № 2.

К а с ю н Р. Основные этапы борьбы БКП за осуществление культурной революции в Народной Республике Болгарии. В кн. Партия и государство в период строительства коммунизма. М., 1973.

К а ш у б а М. С. Народы Югославии. В кн. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. XIX — начало XX в. Зимние праздники. М., 1973.

К и ш к и н Л. С. Вопросы национального своеобразия и сравнительное литературоведение. (На материале русской, чешской и словацкой литератур). В кн. Сравнительное изучение славянских литератур. М., 1973.

К о л е в а Т. А. Болгары. В кн. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. XIX — начало XX в. Зимние праздники. М., 1973.

К о н е в И. Особенности болгаро-балканских литературных взаимоотношений в период национально-освободительного движения. В кн. Сравнительное изучение славянских литератур. М., 1973.

К р а в ц о в Н. И. Итоги и задачи сравнительного изучения славянских литератур в русском литературоведении 60—70-х годов. В кн. Сравнительное изучение славянских литератур. М., 1973.

К р у т ь Ю. З. Величання і побажання в обрядовій поезії слов'ян. В кн.

Розвиток і взаємовідношення жанрів слов'янського фольклору. Київ, 1973.

К р ы с т е в В. О народном, национальном и интернациональном в нашей музыке. Сов. музыка, 1974, № 2.

Л а с к е е в Н. А. Произведения В. И. Ленина на болгарском языке в фондах Библиотеки Академии наук СССР и Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. (Информационный обзор). В кн. Академия наук СССР. Библиотека. Сборник статей и материалов Библиотеки АН СССР по книговедению. Л., 1973.

Л е м б е р г М. П. Про напрямки досліджень малих літературних форм у польській пресі 60—70-х рокив XIX ст. (Постановка проблеми). Укр. слов'янознавство, Львів, 1974, вип. 9.

Л о г и н о в а О. К. Гофман в Польше. Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973.

Л ь в о в а Е. П. К проблеме русско-болгарских культурных связей. В кн. Сравнительное изучение славянских литератур. М., 1973.

М а р к о в Д. Ф. Вопросы теории и методологии сравнительного изучения славянских литератур. В кн. Сравнительное изучение славянских литератур. М., 1973.

М а р к о в а Л. В. О проявлении этнической специфики в материальной культуре болгар. Сов. этнография, 1974, № 1.

М е ч к о в с к а я Н. Б. Конференция «Типология и взаимодействие славянских языков и литератур» (Минск, 17—19 мая 1973 г.). Научн. докл. высш. школы. Филол. науки, 1974, № 1.

М о т о р н и й В. А. Ян Амос Коменський у чеській літературі. Укр. слов'янознавство, Львів, 1974, вип. 9.

Н а б а т о в а М., Е р е м и н а Ж. Совещание руководителей библиотечных служб и директоров национальных библиотек социалистических стран (Москва, 26—29 марта 1973 г.). В кн. Библиотечное и библиография за рубежом, вып. 47. М., 1973.

Н і к о л и ч М. Югославський театр на розпутьті. «Всесвіт», Київ, 1974, № 1.

Новый этап социалистических литературных связей. Вопр. лит., 1974, № 2.

П а ч о в с ь к и й Т. І. Сучасні переклади поезії Тараса Шевченка на польську мову. Укр. слов'янознавство, Львів, 1974, вип. 9.

П о д о с к и й К. Экономические проблемы образования в Польше. В кн. Проблемы экономики и планирования образования. М., 1973.

П о п о в В. П. Поема Олександра Блока «Дванадцять» у польських перекладах. (Переклади К. Вінавера і Ю. Вачкова). Укр. слов'янознавство, Львів, 1974, вип. 9.

П о п о в Г. В. Три памятника южно-

славянской живописи XIV века и их русские копии середины XVI века. В кн. Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура, М., 1973.

VII Міжнародний конгрес славистів. «Мовознавство», Київ, 1973, № 6.

Селиванов А. К. Крепнет сотрудничество вузов СССР и ЧССР. Вестн. высш. школы, 1974, № 2.

Синенко Г. Д. К вопросу о связях советской и болгарской литератур. (По материалам личной переписки Ф. В. Гладкова с болгарскими писателями). Вестн. Беларус. ун-та. Филология, журналистика, педагогика, психология, Минск, 1973, № 3.

Слізінський Є. Про творчість Едуарда Басса в Польщі. Укр. слов'янознавство, Львів, 1974, вип. 9.

Смирнов Ю. И. О методике сопоставительного изучения фольклора славянских народов. (На примере эпических песен). В кн. Сравнительное изучение славянских литератур, М., 1973.

Соловьева А. П. Типологические сходжения чешской и русской прозы середины XIX века, В кн. Сравнительное изучение славянских литератур, М., 1973.

Сотрудничество с музеями социалистических стран. Труды Центр. музея революции СССР, 1973, вып. 5.

Тимофеева В. М. Первый русский перевод романа Ивана Вазова «Под игмом». В кн. Вестн. Беларус. ун-та. Сер. Филология, журналистика, педагогика, психология, Минск, 1973, № 2.

Федоренко Д. Педагогические идеи Н. К. Крупской в Болгарии. Нар. образование, 1974, № 2.

Хорев В. А. К вопросу о сравнительно-типологическом изучении социалистических литератур. В кн. Сравнительное изучение славянских литератур, М., 1973.

Цыбенко Е. З. Проблемы славянских литератур на VII Международном съезде славистов. Вестн. Моск. ун-та. Филология, 1974, № 1.

Чабаненко В. А. Экспрессивно-стилистичні функції південнослов'янізмів в українській мові. Укр. слов'янознавство, Львів, 1974, вип. 9.

Шардыко С. М. Некоторые особенности развития чешского романа 20-х годов XX века. (Натурализм и модернизм). Вестн. Беларус. ун-та. Филология, журналистика, педагогика, психология, Минск, 1973, № 3.

Шевчук В. И. Сюжетно-образные аналогии в западнославянских и восточнославянских литературах XX века. В кн. Сравнительное изучение славянских литератур, М., 1973.

Шерлаимова С. А. О сравнительном изучении чешского и русского стиха. В кн. Сравнительное изучение славянских литератур, М., 1973.

Шмидт И. Пятая выставка произ-

ведений живописи социалистических стран в Щецине (1 июля — 15 сентября 1973 г.). «Искусство», 1974, № 2.

Шумада Н. С. Похождения і розвиток коломийки як жанру. В кн. Розвиток і взаємовідношення жанрів слов'янського фольклору. Київ, 1973.

Юзвенко В. А. Взаємозв'язок фольклорних жанрів у їх історичному розвитку. В кн. Розвиток і взаємовідношення жанрів слов'янського фольклору. Київ, 1973.

3. Наука

Вервес Г. Д. VII Міжнародний з'їзд славистів. Рад. літературознавство, Київ, 1973, № 12.

Каспжак В., Косиньски Ю., Наперала М. Перспективна модель высшего технического учебного заведения. В кн. Научно-техническая революция и социальный прогресс, М., 1974.

Корнацки Я. Вопросы подготовки и совершенствования научных кадров на примере польского опыта. В кн. Научно-техническая революция и социальный прогресс, М., 1974.

Кребер Г. Наука и интеграция. В кн. Научно-техническая революция и социальный прогресс, М., 1974.

Мырчев Н. О возможностях применения вычислительной техники в вузах. В кн. Научно-техническая революция и социальный прогресс, М., 1974.

Неедлы Р. Проблемы эффективности науки и исследования. В кн. Научно-техническая революция и социальный прогресс, М., 1974.

Об итогах 2-й конференции ректоров сотрудничающих вузов СССР и ЧССР (Москва, 11—12 дек. 1973 г.). Вестн. высш. школы, 1974, № 1.

Попов Г. Оценка научно-исследовательских работников — фактор совершенствования управления кадровым научным потенциалом. В кн. Научно-техническая революция и социальный прогресс, М., 1974.

Робинсон А. Н. VII Международный съезд славистов. Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1973, т. 32, вып. 6.

Суходольски Б. Перспективы высшего образования в период научно-технической революции. В кн. Научно-техническая революция и социальный прогресс, М., 1974.

Тымовски Я. Мобильность исследователей работников. В кн. Научно-техническая революция и социальный прогресс, М., 1974.

Филлер Ю. Новый журнал по вопросам научного атеизма. Обзор словацкого журнала «Ateizmus» за 1972—1973 гг. Вопр. научн. атеизма, 1973, вып. 15.

Шпигель У. Некоторые организационно-методические вопросы сотрудничества стран — членов СЭВ в области научно-технического прогнозирования.

В кн. Научно-техническая революция и социальный прогресс. М., 1974.

Я х и м с к и Е. Методика оценки эффективности исследовательских работ. В кн. Научно-техническая революция и социальный прогресс. М., 1974.

4. Языкознание

А н а н ь е в а Н. Е. Морфонологические чередования в польском говоре деревни Гайде Игналинского района Литовской ССР (общие принципы). Вестн. Моск. ун-та. Филология, 1974, № 1.

А н д е л В. П. До питання про назви наслідку в чеській мові. Укр. слов'янознавство, Львів, 1974, вип. 9.

Б о р о д и ч В. В., Н о в и - к о в а А. С. Материалы о довидовых глагольных корреляциях в старославянском языке. (Каузатив — глагол вызванного состояния). В кн. Славянская филология, вып. 9, М., 1973.

В а с и л ь е в а В. Ф. Категория рода и существительные pluralia tantum в современном чешском языке. В кн. Славянская филология, вып. 9, М., 1973.

В е н д и н а Т. И. К вопросу о результатах прогрессивной палатализации заднеязычных согласных. (Конкуренция суффиксов -ик(а) -иц(а) в восточнославянских языках). В кн. Славянская филология, вып. 9, М., 1973.

В о л о ц к а я З. М. К описанию системы деривативных значений. (Опыт применения компонентного анализа). В кн. Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973.

В о л о ц к а я З. М. Обзор работ по словообразованию в польской лингвистической школе. В кн. Проблемы грамматического моделирования. М., 1973.

Г у д к о в В. П. Из исторической фонетики сербохорватского языка. (К истории (х) в воеводинских говорах). В кн. Славянская филология, вып. 9, М., 1973.

Ж е л е з н о в а Р. В. О происхождении суффикса -арь и путях его проникновения в праславянский и древнерусский языки. В кн. Славянская филология, вып. 9, М., 1973.

З е н ч у к В. Н. Семантические особенности вопросительных предложений при наличии в них средств отрицания в современном сербохорватском языке. В кн. Славянская филология, вып. 9, М., 1973.

И в а н о в В. В. Типология развития славянских и индоевропейских предлогов и послелогов. В кн. Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973.

К о в а л и к І. І. Дослідження західно- і південно-слов'янських мов в Українській РСР. Укр. слов'янознавство, Львів, 1974, вип. 9.

К о н д р а ш о в Н. А. Выдающийся немецкий славист Эрих Бернекер. (К 100-летию со дня рождения). Рус. яз. в школе, 1974, № 1.

К о н д р а ш о в Н. А. Культура речи в болгарском языкознании. Рус. речь, 1973, № 6.

К о н н о в а В. Ф. О современном этапе работы над Общеславянским лингвистическим атласом. В кн. Лингвогеография, диалектология и история языка. Кишинев, 1973.

К о т о в а Н. В., Я н а к и е в М. Глоттометрический подход к вопросу о близости славянских языков. В кн. Славянская филология, вып. 9, М., 1973.

К р а с н е й В. П. Пра тыяналію і ўзаемадзеянне славянскіх моў і літаратур. Весн. Беларус. ун-та. Філалогія, журналістыка, педагогіка, псіхалогія, Мінск, 1973, № 3.

М о л о ш н а я Т. Н. Двухкомпонентные субстантивные образования аппозитивного типа в славянских языках. В кн. Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973.

М о л о ш н а я Т. Н. Морфологическая классификация видовых основ русского глагола в сопоставлении с болгарским. В кн. Проблемы грамматического моделирования. М., 1973.

М о л о ш н а я Т. Н. Непарные глаголы совершенного и несовершенного вида в русском языке в сопоставлении с болгарским. В кн. Проблемы грамматического моделирования. М., 1973.

М о л о ш н а я Т. Н. О видовой парности глаголов в славянских языках. В кн. Проблемы грамматического моделирования. М., 1973.

Н и к о л а е в а Т. М. Некоторые наблюдения над соотношением словесных акцентов и фразовой мелодики в сербском языке. В кн. Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973.

Р е в з и н И. И. К семантическому анализу степеней сравнения в славянских языках. В кн. Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973.

Р е в з и н И. И. Понятие парадигмы и некоторые спорные вопросы грамматики славянских языков. В кн. Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973.

С в е ш н и к о в а Т. Н., Ц и в ь - я н Т. В. К исследованию семантики балканских фольклорных текстов. Румынские тексты о персонализированных днях недели. В кн. Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973.

С е м ч и н с ь к и й С. В. В румуно-слов'янських семасологічних спостережень. Вісн. Київського ун-ту. Сер. філології, 1973, № 15.

С е м ч и н с к и й С. Молдаво-славянская изосемия в древнемолдавских текстах. Реф. сборник отд. науч. информ. по обществ. наукам АН МССР, 1974, № 11.

Сергеев П. А. Славянское языкознание в трудах Н. Г. Чернышевского. *Вопр. соврем. рус. лит. яз.*, Челябинск, 1973, вып. 7.

Собинникова В. И. Соотношение собственно языковых закономерностей развития и изменения языка, связанных с историей этнических коллективов. В кн. *Лингвогеография, диалектология и история языка*. Кишинев, 1973.

Топоров В. Н. О двух праславянских терминах из области древнего права в связи с индоевропейскими соответствиями. В кн. *Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков*. М., 1973.

Хабургаев Г. А. О языковедческой проблематике на VII Международном съезде славистов. *Вестн. Моск. ун-та. Филология*, 1974, № 1.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Исторически преглед», 1973, № 6

П. Кишкилова. Народно-демократическая революция в Румынии с 23 августа 1944 г. до 6 марта 1945 г.; Й. Митев. Петко воевода и болгарское национально-революционное движение.

«Български език», 1973, кн. 3—4

Л. Андрейчин. Некоторые вопросы болгарской орфографии; Е. Георгиева. Дублетные формы в болгарской орфографии; М. Москов. Проблемы слитного и полуслитного написания; Д. Чизмаров. Об уточнении употребления прописных букв в некоторых случаях; М. Младенов. Правописание географических названий Болгарии; В. Станков. Передача иноязычных собственных имен; С. Банов. О сокращении слов и выражений; Р. Русинов. Орфоэпия, орфография и обучение языку; Т. Владимирова. Орфография, орфографические ошибки и методика обучения орфографии; К. Иванава. Правописание некоторых приставок; В. Попова. Правописание некоторых слов старинного и книжного происхождения; Т. Бояджиев. О некоторых случаях колебания в употреблении прописной буквы; В. Кювлиева. О правописании некоторых собственных имен; Б. Симеонов. Некоторые основные вопросы введения в болгарский язык иноязычных личных и географических имен и их правописания; Х. Пырвев. Некоторые вопросы пунктуации; Р. Цойнска. Некоторые отклонения от правописания в современной графике; В. Георгиев. О некоторых основных вопросах нашего правописания; С. Стойков. Орфоэпия и орфография; М. Москов. Необходимы ли реформы азбуки? Э. Боев. О некоторых вопросах орфографии и языка; Р. Новачкова. Орфография и обучение языку; Й. Иванава. Об усвоении орфографии учащимися; Д. Осинин. Орфографический вопрос; М. Младенов. Некоторые соображения относительно восприятия болгарским языком иноязычных географических и личных имен; И. Димчев. О некоторых вопросах правописания; В. Георгиев. *Начал*

ник-щаба: падежное окончание, переосмысленное в членную форму; Л. Андрейчин. Вопросительные предложения без вопросительного знака; Л. Андрейчин. Стихосложение и орфография; А. Стоева-Попова. Нерешенный вопрос орфографии; Т. Ганева. *Волжки*, а не «волжски»; В. Мурдаров. О заглавии одного фильма и имени испанского художника; Б. Николаев. «Видяни», «разпиляни» и др.

«Български език», 1973, № 5

В. Георгиев. Фракийский язык; Л. Андрейчин. Упфикационные процессы в болгарском литературном языке в первые два десятилетия после освобождения; Р. Коларов. Корреляция фонем *л* и *р*; Й. Мойсе. Слова славянского происхождения в румынских говорах округа Арджеш; Р. Русинов. Еще раз к вопросу об опущении вспомогательного глагола *съм* в составных именных сказуемых; Р. Русев. О границах литературного языка; Т. Тодоров. Болгарские диалектные слова *излачудим*, *йбрия*, *йбтульке*; Д. Михайлова. О происхождении и значении диалектного слова *изфотбрам се* «глупеть от старости»; Е. А. Григорян. О происхождении слов *джугла/джугел*; Л. Лашкова. Малоизвестная языковедческая статья Саввы Доброплодного; К. Чорбаджийски. Тексты из с. Сапарево, р-н Станке Димитрова.

«Zeitschrift für Slawistik», 1973, № 6

Г. Бильфельдт. Словесно-географическая область происхождения заимствованных слов нижнесербского языка; Ф. Хинце. К вопросу о наличии иностранных слов восточнославянского происхождения в повперхненемецком и среднижненемецком литературном языке, а также в немецком диалекте; В. Бондалетов. Состав и статистическая структура русского словаря имен; З. Горалкова и др. Свидетельства старочешского языка о средневековом понимании государства в Богемии; А. Вольф. Лион Фейхтвагнер и русская литература; Х. Ауэрсвальд. К восприятию советской детской и юношеской литературы в ГДР

(1949—1955); Б. Видера. Древляне на Руси в IX столетии; Э. Доннерт. Открытое мнение и политика в области прессы в эпоху Екатерины II.

«Kwartalnik Historyczny», 1973, № 4

А. Жарновская. О национальном составе рабочего класса Королевства Польского на рубеже XIX и XX вв.; Р. Вапильский. Из истории националистических тенденций. Эндеки и национальный вопрос в 1893—1939 гг.; Е. Петжак. Львовская конференция в 1622 г.; Ф. Сикора. Картуцкий дар Яна Длугоша; Т. Ендруцак. Дискуссия по вопросу гуманитарных наук и проблемы историографии; С. Кеневич. Место и значение исторических наук; Р. Маевский. О цесарском походе; Б. Ольшевич. Еще несколько слов о Юзефе Павликовском; Я. Борковский. Французский электорат во время III и IV Республики; Е. Здрада. К сотой годовщине Парижской Коммуны.

«Slavia Orientalis», 1974, № 1

Л. Базылёв. Россия в польско-латинской политической литературе XV в.; Э. Малек. Древнерусская «Мелюзина» и ее соотношение с польским вариантом романа; Б. Стемчинска. Достоевский и живопись. Очерк проблематики исследований; Я. Орловский. Поэзия А. К. Толстого в Польше (1870—1918); С. Поремба. Современная лирическая проза Валентина Катаева (о проблематике времени); Я. Сенкевич. Проблема комитативности в русском языке; В. Гендель. Этногенез славян.

«Język Polski», 1973, № 5

В. Ташицкий. Стефан Храбец (14 I 1912—25 XII 1972); М. Гроховский. Реализация семантического понятия орудия в тексте; А. Писпилова. Выделение части предложения в отдельное высказывание; Т. Чарнецкий. О форме так называемого предположительного наклонения в современном польском языке; В. Глокинский. К вопросу о лексикализации предложных сочетаний с графематической точки зрения; В. Борысь. Кашубское *skwiega* 'щель, трещина'; К. Херей-Шиманьская. *Polano* в истории и диалектах польского языка на общеславянском фоне; А. Баньковский. О древнепольском топониме *Wąblang*; М. Бжезинова. Написание *ę* в середине слов в сочинениях некоторых авторов XVII и XVIII вв.; К. Писаркова. К дискуссии о чтении эпитафии «Пана Тадеуша»; З. Кужова. Подгальское *na kirkak nieść, na kirkki wziąć*; М. Шибистова. Замечания о линг-

вистической поэзии; Б. Гавранек. Действителен ли «Миф о пане Ковальском»?

«Československý časopis historický», 1973, № 6

Я. Ваннер. Предпосылки военного переворота в Сирии в 1949 г.; Я. Млыский. Национальный фронт и клерикальная политика после февраля 1948 г.; А. Фальтыс. Начало рабочего движения в Чехии; Д. Тржештик. «Рынок жителей Моравии» — центральный рынок Великоморавского государства.

1974, № 1

Л. Слезак. Крестьянское население пограничных областей Моравии и Силезии в 1945—1947 гг.; В. Крал. Историография Мюнхена 1938 г.; О. Гарна. Чехословацкие национальные социалисты в мюнхенском кризисе; Ф. Матеек. Следствия сражения на Белой Горе для моравского феодального общества.

«Historycký časopis», 1973, № 4

А. Вантух. Трнава как университетский город; Й. Бутвин. Братислава в словацком национальном Возрождении и вопрос словацкого национального центра в 1848—1918 гг.; Д. Леготска. Развитие буржуазной городской удравы до 1918 г.

«Slovanský přehled», 1973, № 5

А. Долеши. Победа пролетарской революции в русской деревне; Л. Бразда. Руководящая роль рабочего класса в процессе устранения классов и слоев советского общества; М. И. Копашева. Из истории революционных связей прогрессивных молодежных организаций в Чехословакии в начале 20-х годов; Р. Шром. Болгарская коммунистическая партия и вопрос рабоче-крестьянского союза в период Сентябрьского антифашистского восстания в 1923 г.; Р. Лозек. Анализ и критика новейших буржуазных работ по истории ГДР.

№ 6

В. Крал. Чехословацко-советский договор 1943 г.; Л. Деак. Чехословацко-советский союзнический договор 1935 г. и безопасность Европы; К. Храбец. Чехословацко-советские отношения на современном этапе; В. Мелихар. Некоторые вопросы чехословацко-советского союза в начальный период народно-демократической Чехословакии; Б. Легар. Содружество стран — членов СЭВ на пути к интегрированному социалистическому хозяйству; В. Крехлер. О методологических проблемах историографии.

«*Ceská literatura*», 1973, № 5

И. Гауфер. О двух томах собрания сочинений Станислава К. Пейманна; В. Достал. Подготовка программы.

№ 6

Л. Штолл. Некоторые вопросы методологического направления литературоведческих исследований; Г. Грзалова. К соотношению теории и критики; Ш. Влашин. Юбилей Честмира Ермажабека; А. Гайкова. Поэтесса человеческой совести; Г. Кучерова. Война в чешской и словацкой литературе двадцатых годов как характеристика эпохи.

«*Slovenská literatura*», 1973, № 5

Я. Брезина. Организация свободного стиха в поэзии Мирослава Валека; Я. Брезина. Строфика в поэзии Мирослава Валека; О. Сливкова. М. Сливка. Просодическая система виффлемских пьес словацкого народного театра.

№ 6

А. Матушка. Крчмеры и европейская эстетика; И. Кусы. Штефан Крчмеры — историк литературы; В. Турчаны. Крчмеры и Прованс.

«*Slovenská reč*», 1973, № 5

Ш. Пецар. О языковых контактах; Я. Горецкий. Система отглагольных существительных в словацком литературном языке; К. Бузассова. К вопросу о сопоставительном изучении семантики словацких и чешских глаголов положения; Е. Йона. Итоги формирования словацкого литературного языка в «Грамматике» Викторина; В. Грегор. О словах, связанных с барщинной формой феодальной ренты; В. Углар. Как следует писать фамилию *Mednýánszky*; Я. Копина. Частотность вариантов *Povstanie/povstanie* и их стилистическая значимость в словацком литературном языке.

№ 6

Ш. Ондруш. Немецкого ли происхождения глагол *kukat'*? Генетическое отношение между глаголами *kukat'* и *sakat'*; К. Бузассова. К вопросу о сопоставительном изучении семантики словацких и чешских глаголов положения; Я. Качала. Связь существительных *favorit* и *ašpirant*; И. Рикка. Лю-

довит Ризнер и его «Бошацкий диалектный словарь»; Я. Доружа. Из истории слов *špán*, *kňaha* (*kňahyňa*), *kňaz*; Р. Кухар. Слова *dlh*, *dlžník* в истории словацкого языка; П. Ондрус. Современное состояние словацкой диалектологии; Г. Горака. Произношение форм *prosieb*, *kresieb*.

«*Jezik in slovstvo*», 1972/1973, № 5

М. Кмецл. Беллетристика Енка; Х. Ожеховская. Об описательном выражении степени сравнения в словенском языке. Ф. Новак. Словенский деловой язык; Заметки на полях сербохорватского (и словенского) этимологического словаря; Ф. Безлай. Серб.-хорв. *maljiv*, слов. *maleti* и под.; А. Шивич-Дулар. Слов. диал. *mávek*, серб.-хорв. диал. *zámavica*.

№ 6

Й. Коружа. О записанных образцах канцелярского словенского языка в XVI, XVII и XVIII вв.; Л. Кракар. Стихотворение «*Tiho prihaaja ttrak*» в трех русских переводах; М. Долган. Практика составления (сложения) стихов; Ф. Жагар. Практика стихотворного выражения; В. Цветко. *Cvet*. (Опыт семантического анализа); Заметки на полях сербохорватского (и словенского) этимологического словаря; Ф. Безлай, Слов. диал. *húšš*, серб.-хорв. *olúja* и макед. *luna* «непогода»; слов. *páščiti se* и серб.-хорв. *páštiti se* «трудиться, стараться»; Я. Кабер. Серб.-хорв. *urnebes* «шум, гам».

№ 7—8

В. Куделка. Опыт спецификации романтизма в литературах югославянских народов; Й. Коружа. О записанных образцах канцелярского словенского языка XVI, XVII и XVIII вв.; Й. Стабей. «*Zadržstljivi pogovor*» М. Загайшека; К. Хандке. Процесс образования названий улиц; Э. Гокаж. Об одном типе сложно-сочиненных предложений в словенском литературном языке; А. Видович-Муха. О семантическом и стилистическом объеме слова *primer*; Заметки на полях сербохорватского (и словенского) этимологического словаря; А. Шивич-Дулар. Слов. *bogati*, русск.-церк.-слав. *богати*; Я. Кебер. Серб.-хорв. *ivica* «кайма»; Ф. Безлай, Слов. *oplet*, *oplat* и серб.-хорв. *poplesati*; Ф. Якопин. Памяти проф. Б. О. Унбегауна.

НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ ПО ПРОБЛЕМЕ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ В СССР И ПНР»

К 30-летию народной Польши

19—20 марта 1974 г. в гор. Катовицах (Польша) состоялся симпозиум по проблеме социалистических преобразований промышленности в СССР и ПНР, посвященный исполняющему в июле с. г. 30-летию народной Польши. Симпозиум был организован Комиссией историков СССР и ПНР, Силезским университетом, Институтом социалистических стран Польской академии наук и Силезским научным институтом. В работе симпозиума приняли участие секретарь Катовицкого воеводского комитета ПОРП Э. Легомский, вице-воевода М. Вежбицкий, член ЦК ПОРП ректор Высшей школы общественных наук проф. д-р В. Заставны, зам. заведующего Отделом науки и просвещения ЦК ПОРП проф. д-р Я. Мацшевский, работники научных учреждений и высших учебных заведений Катовиц и других городов страны и делегация советских историков.

Симпозиум открыл ректор Силезского университета проф. д-р Г. Рехович. Он приветствовал участников научного собрания и с удовлетворением отметил тот факт, что симпозиум по проблеме социалистической индустриализации проходит накануне 30-летия народной Польши в Катовицах, центре региона, в котором были начаты и осуществлены коренные социально-экономические преобразования при широком использовании советского опыта.

На симпозиуме выступил с речью секретарь воеводского комитета ПОРП Э. Легомский. Охарактеризовав успехи в промышленном развитии воеводства и их значение в масштабах всей страны, Э. Легомский подчеркнул, что опыт КПСС полностью подтвердил правильность социалистического пути развития, очередные этапы которого были определены в СССР на XXIV съезде КПСС, а в Польше VI съездом ПОРП. Теперь, подводя итоги достижениям народной Польши за 30 лет, становится наиболее очевидным, что благодаря последовательно осуществлению политики социалистического строительства можно было добиться такого высокого уровня в экономическом и общественном развитии стра-

ны. Эти большие достижения стали возможными только благодаря польско-советскому союзу. Встреча Первого секретаря ЦК ПОРП Э. Герека и Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнев, состоявшаяся в декабре прошлого года, способствовала углублению польско-советского взаимовыгодного сотрудничества. Указав на ведущую роль рабочего класса и активное участие интеллигенции в социалистическом строительстве, Э. Легомский обратил внимание на значение общественных наук, целью которых, как он сказал, является анализ явлений, происходящих в процессе социально-экономического развития страны, и углубление социалистического сознания ее граждан.

Председатель польской части Комиссии историков СССР и ПНР проф. д-р Л. Базылев отметил плодотворное сотрудничество польских и советских ученых в рамках Комиссии, которая сосредоточивает свое внимание на актуальных проблемах науки, представляющих большой интерес для историков обеих стран. Выступивший от имени делегации советских историков д-р ист. наук И. И. Ростюшко передал дружеский привет и наилучшие пожелания председателю советской части Комиссии академика-секретаря Отделения истории АН СССР академика Б. А. Рыбакова всем участникам симпозиума и, подчеркнув научное значение симпозиума, проходящего в канун большого праздника польского народа и всех народов социалистического содружества — 30-летия народной Польши, выразил убеждение, что работа симпозиума обогатит знания о процессах социалистического и коммунистического строительства в СССР и Польше и явится одним из примеров плодотворного советско-польского научного сотрудничества.

В ряде докладов, прочитанных на симпозиуме, освещались вопросы социалистического обобществления промышленного производства в Польше и СССР. В докладе проф. д-ра Я. Голембевского «Национализация ключевых отраслей промышленности — основа социалистического строительства в Польше» были

обстоятельно рассмотрены предпосылки, проведение и правовые основы национализации промышленности в Польше. С осуществлением национализации промышленности, указывал докладчик, была упразднена частнокапиталистическая собственность в этой отрасли хозяйства. По своему социально-политическому содержанию национализация промышленности в Польше имела социалистический характер, она была таким же революционным актом как национализация промышленности в Советской России. Однако, по его мнению, национализация промышленности в Польше не сразу привела к образованию социалистического уклада в стране. Перешедшие в руки рабочего класса промышленные предприятия во время освобождения страны от гитлеровской оккупации являлись только зачатком нового социалистического уклада, который по мере успешия политических позиций рабочего класса и стабилизации экономической жизни рос и укреплялся, пролагая путь для дальнейшего развития социалистической революции в стране. Национализация промышленности создала условия для быстрого восстановления хозяйства страны, всестороннего развития производительных сил страны и повышения материального благосостояния и культуры трудящихся масс. В течение последующих лет благодаря усилиям рабочего класса и всего народа, руководимого ПОРП, сотрудничеству с СССР и другими социалистическими странами социалистическая промышленность в Польше достигла высокого уровня развития.

Канд. ист. наук В. П. Дмитренко в докладе «Социалистическое обобществление промышленности в СССР», рассматривая процесс обобществления промышленного производства как объективную закономерность, дал характеристику этапов этого процесса. На первом этапе — от Октября до завершения гражданской войны (1917—1920 гг.) в ходе острейшей классовой борьбы в собственность социалистического государства перешли основные средства производства. Второй этап охватывает годы восстановления народного хозяйства (1921—1926), когда в условиях новой экономической политики проблема обобществления производства решалась на базе развернувшегося экономического соревнования социализма и капитализма по принципу «кто кого». Третий этап (1927—1932 гг.) был связан с социалистической реконструкцией народного хозяйства, индустриализацией страны и коллективизацией сельского хозяйства, в результате чего последовала окончательная ликвидация частнокапиталистической собственности в промышленности. Доклад канд. ист. наук Э. А. Жагара был посвящен проведению социалистической национализации промышленности в Латвии в 1940 г. В нем были

показаны закономерности и особенности обобществления промышленности республики и важное значение использования опыта социалистической национализации промышленности в СССР для преобразования промышленного производства в Латвии на социалистических основах. Большую помощь трудящимся Латвии в осуществлении этих преобразований оказали братские советские республики.

В других докладах раскрывалась проблема социалистической индустриализации. Д-р ист. наук Л. С. Рогачевская выступила с докладом «Проведение социалистической индустриализации в СССР». Характеризуя процесс социалистической индустриализации, начавшийся в 1926 г. и завершившийся в 1941 г., докладчица отметила, что в трудных условиях враждебного капиталистического окружения, Советское государство, развивая прежде всего тяжелую индустрию, смогло в короткий срок создать материально-техническую базу социализма, превратить СССР в могучую индустриальную державу. В результате этого значительно возросла численность рабочего класса, произошли существенные сдвиги в культурно-техническом уровне рабочих, улучшилось их материальное положение, получили дальнейшее развитие социалистические производственные отношения и процесс формирования нового человека. Опыт проведения социалистической индустриализации в СССР имеет международное значение.

В докладе канд. ист. наук С. В. Кульчицкого «Производственная активность рабочего класса как фактор социалистического накопления в период социалистической индустриализации в СССР (1926—1937 гг.)» раскрывались усилия советских рабочих, направленные на претворение в жизнь грандиозных планов построения социализма, вопросы повышения производительности труда, бережливости и экономии материальных средств. Д-р ист. наук П. Е. Марченко в докладе «Социалистическая индустриализация Белорусской ССР», подчеркнув органическую связь индустриализации БССР с процессом индустриализации всей страны, остановился на некоторых особенностях этого процесса в республике. Большой размах приобрело промышленное строительство в годы первой пятилетки, которая явилась важным этапом в индустриализации Белоруссии. К началу Великой Отечественной войны БССР превратилась в одну из передовых промышленных республик Советского Союза. Процесс индустриализации сопровождался существенными социально-экономическими и культурными сдвигами в жизни народа, знаменовавшими собой формирование нового, социалистического общества.

В докладе доц. д-ра Я. Штумского рассматривались роль и место индустриаль-

ных рабочих в общественно-политической жизни страны и Катовицкого воеводства в частности. Проф. д-р В. Длугоборский в докладе «Роль Катовицкого воеводства в экономическом развитии народной Польши» показал, что в результате интеграции Верхнесилезского и Домбровского бассейнов, преодоления односторонности в их развитии и обеспечения сырьем и рынками сбыта, Катовицкое воеводство стало крупнейшим промышленным центром страны. В 1947—1949 гг. оно давало около 40% всей промышленной продукции Польши и способствовало комплектованию руководящих кадров промышленности в особенности на западных землях. В последующие годы его производство совершенствовалось и расширялось. Катовицкий промышленный район выступает инициатором и играет ведущую роль в интенсификации производства и выравнивании диспропорции между потребностями развития промышленности и удовлетворением запросов населения. Проблема социалистической индустриализации в Польше затрагивалась в докладах проф. Я. Голембевского, доц. д-ра В. Т. Ковальского, д-ра О. Вышомирской-Кузьминской, д-ра С. Лопатюка и других ученых.

Д-р ист. наук А. В. Митрофанова в докладе: «Индустриальное развитие СССР в период завершения строительства социализма и развития социалистического общества» охарактеризовала огромные достижения советского народа в создании мощного современного промышленного производства. Первый период индустриального развития СССР совпадает с периодом завершения строительства социализма (1938—1958 гг.), второй — с 1959 г. по настоящее время — с периодом развития социалистического общества и строительства материально-технической базы коммунизма. Отметив характерные черты и особенности этих периодов, докладчица подчеркнула значение решений XXIV съезда КПСС и декабрьского (1973 г.) Пленума ЦК КПСС, определивших пути дальнейшего развития промышленного производства на базе органического соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства. В докладе д-ра ист. наук С. Д. Чхартишвили «Роль социалистических форм труда в развитии промышленности Грузии» освещались трудовая активность (социалистическое соревнование), творческая деятельность и участие рабочего класса в управлении производством, обеспечивающих значительное повышение производительности труда и досрочное выполнение плановых заданий. Роль социалистических форм труда еще более возрастает в период развития социалистического общества и строительства коммунизма. В результате трудового и творческого энтузиазма рабочего класса Грузии были достигнуты

большие успехи в промышленном развитии республики.

Большое внимание на симпозиуме было уделено проблеме советско-польского экономического сотрудничества. Доц. д-р В. Т. Ковальский в докладе «Польско-советское научно-техническое сотрудничество», рассмотрев различные аспекты этого сотрудничества, подчеркнул его важное значение для успешного развития экономики и науки народной Польши. Д-р О. Вышомирская-Кузьминская, отметив историческое значение польско-советского договора о дружбе, взаимной помощи и сотрудничестве от 21 апреля 1945 г., рассказала о помощи СССР в восстановлении и развитии народного хозяйства Польши в 1944—1955 гг. Д-р С. Лопатюк, констатируя отрицательное отношение правящих кругов буржуазной Польши к налаживанию экономических связей с СССР, показал помощь Советского Союза в восстановлении хозяйства и индустриализации народной Польши и взаимовыгодное сотрудничество между обеими странами в экономической области. И. И. Костюшко в своем сообщении остановился на вопросе экономического сотрудничества Советского Союза и народной Польши в период войны с фашистскими захватчиками (июль 1944 — май 1945 г.).

В докладе доц. д-ра Т. Валихновского «Ликвидация вооруженного политического подполья в период послевоенных социально-экономических преобразований в Польше» освещались вопросы классовой борьбы в первые годы народной Польши и раскрывалось значение разгрома реакционных сил для политической и экономической стабилизации страны. Доц. д-р. Я. Кантыка обстоятельно охарактеризовал роль рабочего класса Силезии и Домбровского бассейна в упрочении народной власти. В докладе проф. д-ра К. Собчак была ярко показана освободительная миссия Советской Армии на польских землях. Доц. д-р. Ф. Серафим и доц. д-р А. Гребенда в докладе «Освобождение Катовицкого воеводства Советской Армией в 1945 г.» подчеркивали, что благодаря замечательной операции войск I Украинского фронта был сохранен промышленный потенциал воеводства. Вместе с тем советские войска оказали большую помощь населению в нормализации жизни на территории воеводства.

В качестве материалов симпозиума были представлены доклады доц. д-ра Н. Коломейчика «Польская объединенная рабочая партия — руководящая сила в строительстве социалистической Польши», доц. д-ра Э. Кравчика «Вклад народного Войска Польского в восстановление и развитие промышленности Польши», канд. ист. наук Г. А. Шаджюса «Социалистические преобразования в промышленности Советской Литвы (1940—1941 гг.)», канд. ист. наук К. А. Акилова

«Социалистические преобразования в промышленности Узбекской ССР», канд. ист. наук Ж. А. Аванян и мл. н. с. Дж. О. Гадустян «Армянская ССР в советско-польских экономических связях» и ряд сообщений по его проблематике.

Краткие итоги работы симпозиума были подведены в выступлениях д-ра ист. наук И. И. Костюшко и проф. Л. Базылева. Выразив благодарность организаторам симпозиума, они отметили актуальность его проблематики и большое научно-познавательное значение прочитанных на нем докладов. Симпозиум способствовал взаимному обогащению знаниями советских и польских историков, выяснению общих закономерностей и особенностей социалистической индустриализации в СССР и Польше, выявлению малоизученных вопросов. Он проходил в атмосфере дружеского научного сотрудничества.

Работа симпозиума освещалась в польской центральной и местной печати, причем подчеркивалось его важное научное значение.

20 марта состоялось заседание Комиссии историков СССР и ПНР. На нем были рассмотрены вопросы об издании материалов симпозиума и о подготовке очередной научной конференции Комиссии. Вместе с тем стороны обменялись предварительными мнениями относительно плана работы Комиссии на 1976—1980 гг. Главное правление Общества

польско-советской дружбы наградило советских историков — участников симпозиума почетными золотыми знаками Общества. Эти награды им были вручены председателем воеводского правления ОПСД в Катовицах Я. Нешпорекком.

22 марта советские историки — участники симпозиума были гостями Катовицкого воеводского комитета ПОРП. Они были приняты кандидатом в члены Политбюро ЦК ПОРП первым секретарем воеводского комитета ПОРП З. Грудземем. Высоко оценив совместное рассмотрение польскими и советскими историками проблематики социалистического строительства, З. Грудзень рассказал о работе воеводской партийной организации по реализации решений VI съезда ПОРП, о достижениях и перспективах развития экономики и культуры воеводства. Затем делегация советских историков вместе с секретарем воеводского комитета ПОРП Ст. Цесликком посетила автоматизированную шахту «Ян», строительство завода легковых автомашин, завод малолитражных автомобилей Фиат 126п и текстильную фабрику, где была тепло встречена руководителями повятов и предприятий. Кроме того, делегация советских историков побывала в Кракове и зоне отдыха на Бескидах, посетила музей в Освенциме и ознакомилась с достопримечательностями Варшавы.

И. К.

ОБОБЩЕНИЕ ОПЫТА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

4—6 февраля 1974 г. в Москве проходила Всесоюзная научная конференция «Актуальные проблемы истории социалистического строительства в европейских странах социализма», организованная Институтом славяноведения и балканистики АН СССР при содействии Министерства высшего и среднего специального образования СССР. В ее работе приняли участие ученые из союзных и республиканских научно-исследовательских учреждений, преподаватели вузов страны. Было заслушано и обсуждено более ста научных докладов и сообщений.

Конференцию открыл вступительным словом академик-секретарь Отделения истории АН СССР академик Б. А. Рыбаков. Он отметил необходимость глубокого изучения и обобщения опыта строительства социализма в странах Европы. На пленарном заседании были заслушаны доклады: «Состояние изучения истории социалистического строительства в европейских странах, задачи ее разработки и координации» д-ра ист. наук, зам. директора Института славяноведения и балканистики АН СССР А. И. Недорезова, «Роль народных масс в строительстве развитого социалистического общества»

чл.-корр. АН БССР, директора Института истории АН БССР И. М. Игнатенко и «Главные принципы и этапы развития сотрудничества социалистических стран» чл.-корр. АН УССР, зав. отделом Института истории АН УССР И. Н. Мельниковой.

А. И. Недорезов, проанализировав состояние историографии, констатировал, что со времени последнего Всесоюзного координационного совещания по изучению истории строительства социализма в европейских странах (февраль 1962 г.) разработка этой проблематики продвинулась далеко вперед. Крупным достижением советской исторической науки является завершение создания многотомных обобщающих трудов по истории социалистических стран Европы. Серьезным вкладом в историографию являются также выпущенные за последнее пятилетие монографические исследования по истории народно-демократических и социалистических революций в отдельных странах. Появились исследования по этим проблемам и в европейских социалистических странах. Назрела необходимость организации многостороннего сотрудничества историков, занимающихся

проблемами социалистического строительства.

В докладе указывалось на отсутствие трудов, обобщающих глубокие революционные преобразования на основе сравнительно-типологического изучения опыта европейских социалистических стран, раскрывающих главные закономерности и национальные особенности в социалистическом строительстве. Важным направлением в работе ученых должно стать сравнительно-историческое исследование преобразований социальной структуры общества, явлений классовой борьбы, проблем культурной революции. Одной из самых серьезных задач марксистской историографии является борьба против враждебных концепций буржуазной историографии и ревизионистских тенденций в освещении истории социалистических стран.

В заключение докладчик остановился на вопросах координации исследований по проблемам истории социалистического строительства. Принято решение о создании Научного совета по истории социалистического строительства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. На этот Совет возлагаются задачи по налаживанию координации научно-исследовательской работы в области истории и истории культуры европейских стран в период строительства социализма, по проблемам истории народно-демократических и социалистических революций и общего кризиса капитализма в этих странах как решающей предпосылки революций, по истории формирования мировой социалистической системы и внешней политики социалистических стран. Важнейшей его задачей будет также налаживание сотрудничества историков с представителями других общественных наук: философами, экономистами, социологами, юристами, филологами, искусствоведами в целях создания комплексных исследований.

В докладе И. М. Игнатенко была раскрыта решающая роль трудящихся масс, руководимых марксистско-ленинскими партиями, в строительстве развитого социализма. И. Н. Мельникова охарактеризовала в своем докладе основные принципы и этапы сотрудничества стран социалистического содружества, отметив крепнувший интернационализм во взаимоотношениях между ними.

Дальнейшая работа конференции проходила в пяти секциях.

В центре внимания участников секции «Народно-демократические и социалистические революции» стоял вопрос о характере и этапах революций 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Были заслушаны и обсуждены доклады и выступления о состоянии и результатах историографических исследований, а также по ряду конкретных политических и социально-экономических явлений. Важное место в выступлениях было уде-

лено выявлению общего и особенного в революционном процессе стран этого региона.

Работа секции «Проблемы социально-политического развития», которая была наиболее представительной по числу участников, проходила по трем основным направлениям. Ее участники рассмотрели отдельные аспекты роли рабочего класса в строительстве социализма, проблемы кооперирования крестьянства. Важное внимание в работе секции было уделено проблеме периодизации социалистического строительства. Особый интерес вызвал вопрос об этапе строительства развитого социализма в отдельных странах.

В секции «Вопросы классовой борьбы и идеологического воспитания трудящихся» обсуждались проблемы классовых взаимоотношений на различных этапах социалистического строительства в странах Европы. Участники секции отметили недостаточную изученность этих вопросов, указали на необходимость комплексного исследования проблематики. В докладах и выступлениях анализировались вопросы марксистско-ленинской теории классовой борьбы, на конкретных материалах выявлялись основные закономерности, особенности и формы проявления классовой борьбы в отдельных странах. Значительное внимание было уделено борьбе в идеологической сфере, как одной из важнейших сторон классовой борьбы на современном этапе. Были заслушаны выступления по вопросам идеологического воспитания трудящихся, вовлечения молодежи в социалистическое строительство.

Секция «Проблемы формирования мировой социалистической системы и сотрудничества социалистических стран» обсудила вопросы становления и развития социалистического содружества, воздействия мировой системы социализма на общий революционный процесс, а также некоторые проблемы теории взаимоотношений между социалистическими странами. Специальный доклад на секции был посвящен анализу опыта преподавания истории формирования мировой социалистической системы в вузах страны. Выступившие в дискуссии отмечали, что конкретно-исторические исследования по этой проблематике еще отстают от теоретической разработки.

Вопросы изучения современной культуры стран социализма в Европе, политика партий рабочего класса в деле культурного строительства, этапы развития культурной революции рассматривались в секции «Проблемы развития социалистической культуры». Были обсуждены также вопросы о роли искусства в строительстве нового общества. Участники этой секции отметили необходимость более интенсивного изучения основных проблем развития культуры социалистических стран Европы.

На заключительном пленарном заседании были подведены итоги работы конференции. В принятом на конференции решении определены направления и фор-

мы организации исследований по актуальным проблемам социалистического строительства в европейских странах.

М. И. Копачева

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕМАТИКА НА VII МЕЖДУНАРОДНОМ СЪЕЗДЕ СЛАВИСТОВ

На VII Международном съезде славистов в Варшаве (21—27 августа 1973 г.) историки приняли более активное участие, чем на предшествующих съездах. И все же историческая тематика занимала на нем сравнительно скромное место. Из более чем 900 представленных докладов и сообщений общеславянским историческим проблемам было посвящено только 89. В дискуссиях же выступило около 160 историков.

Наиболее активное участие в работе съезда приняли историки из социалистических стран. Советские ученые представили 26 докладов и сообщений, ученые Польши и Болгарии — по 10, Чехословакии — 11, Югославии — 4. Из капиталистических стран наибольшую активность проявили ученые США (14 выступлений). При этом надо заметить, что доклады ученых социалистических стран не только преобладали в количественном отношении, но и выгодно отличались своим научным уровнем.

Работа исторической секции проходила в трех подсекциях. На первой из них рассматривались проблемы этногенеза и первых объединений славян (до периода формирования национальных славянских государств); на второй — межславянские связи (общественные, культурные и научные) в XVI—XX вв. и становление славянистической науки; на третьей — значение национально-освободительных движений XIX—XX вв. для развития национальной культуры.

Этногенезу славян были посвящены доклады: польского историка В. Хенселя «Этногенез славян», В. П. Алексева, Т. И. Алексеевой «Этногенез славянских народов по данным антропологии», чехословацкого ученого Б. Хроповского «Проблемы этногенеза славян в свете археологических находок» и бельгийского этнографа Ф. Винке «Клановое происхождение религии древних славян». Были заслушаны сообщения и по частным вопросам: И. Боба (США) «Медофидевская и моравская преемственность и традиции в Польше», И. Бланков (Бельгия) «О двоеверии и амулетах-змеевиках».

Проблеме создания раннефеодальных государств были посвящены доклады болгарских историков Д. Ангелова и В. Примова «Создание болгарского государства и его значение в истории Европы», В. Тышковой-Займовой «Возникновение южнославянских государств и Византия» и чехословацкого ученого П. Рат-

коша «Предпосылки возникновения Великой Моравии». Доклады Л. Гавлика (ЧССР) «Единство славян — понимание и история» и Е. Доннерта (ГДР) «К развитию немецкого славноведения в раннее средневековье» касались историографических вопросов.

Во второй подсекции большой интерес вызвали доклады по проблеме межславянских связей и их значения в развитии национальных культур и укреплении дружеских отношений между отдельными славянскими народами. С особым вниманием были заслушаны доклады советских ученых А. И. Рогова и С. О. Шмидта. Первый из них рассказал об отражении в польских исторических и географических сочинениях XVII в. истории и культуры России. Значение разработки этой темы хорошо подметил академик Б. А. Рыбаков, указав, что автор показал совершенно новый аспект отношений между Польшей и Россией. С. О. Шмидт поднял вопрос о русских книгах посольских сношений с Польско-Литовским государством конца XV—XVI вв. как памятнике по истории общественно-политической мысли и культуры, подчеркнув, что ранее этот источник использовался только в историко-дипломатических и политических исследованиях. Югославский историк В. Мошин («XVII век как переходная эпоха в литературном творчестве в славянском мире») показал общность культурных процессов славянских народов на важнейших примерах из славянских литератур.

Вопросы развития межславянских связей были освещены также в следующих докладах: «Научные и культурные связи Украины с зарубежными странами в XIX — начале XX в.» (И. Н. Мельникова, П. М. Калининченко, П. С. Сохань и И. М. Кулинич), «Литературно-общественные и научные связи России и Польши конца XVII — середины XVIII в.» (Т. Н. Моисеева), «Связи югославян и поляков в Париже в период революции 1848 г.» (Л. Дуркович-Якшич, Югославия), «Македонско-чешские и македонско-словацкие культурные и научные связи в XIX в.» (Р. Поплазаров, Югославия), «Словацко-русские связи 40—80-х годов XIX в.» (В. Матула, ЧССР), «Общественные, научные и культурные связи славян Австрийской монархии и России в 60-е годы XIX в.» (И. В. Чуркина).

Межславянским связям были посвящены два доклада американских ученых.

О. Брайен коснулся русско-польских политических отношений XVII в. и сделал вывод, что союз России и Польши был необходим ввиду турецкой угрозы. В докладе Пеленского содержалось утверждение, что украинский народ не желал присоединения к России; оно подверглось серьезной критике со стороны советских историков.

Интересную дискуссию вызвал доклад польского профессора Ю. Бардаха об этапах в идеологии польского славянофильства. В связи с докладом развернулись прения о содержании понятий «панславизм» и «славянофильство».

Американский ученый Ф. Шашко рассмотрел влияние «нового эллинизма» на болгарское Возрождение. Интересным было выступление И. Конева (Болгария) о болгарской литературе периода Возрождения в русской славистике до 60-х годов XIX в. Сообщение «О некоторых чертах Ренессанса на Юго-Востоке Европы со второй половины XVIII в. о 1830 г.» сделали А. Виану и С. Велики (Румыния).

В третьей подсекции в центре внимания оказались выступления советских ученых, посвященные проблемам формирования наций и национальных культур. В докладе В. И. Злыднева, И. И. Лещиловской и Е. П. Львовой («Национально-освободительное движение южных славян и проблема формирования национальных культур») рассматривалось взаимодействие различных видов культуры южнославянских народов при формировании национального самосознания. Особое внимание было уделено публицистике, художественной литературе и живописи. Актуальность затронутых вопросов вызвала оживленную дискуссию. Был высказан ряд интересных соображений о периодизации национально-освободительного движения и о роли церкви, науки, идеологии, фольклора в его развитии. Л. А. Обушenkова и В. И. Фрейдзон показали воздействие разных форм национального движения на развитие национального самосознания, подчеркнув решающую роль изменений в социально-экономическом строе. Болгарский историк В. Паскалева остановилась на истории развития национальных идей у болгар и сербов.

Развитию национального движения и связанным с ним аспектам были посвящены доклады: Г. Штока (США) «Европейская либеральная мысль и помощь борьбе сербского народа за освобождение в XIX в.», В. Цайля (ГДР) «Национально-освободительная борьба славянских народов на рубеже XIX и XX столетий и лужицкие сербы» и Р. Георгиева (США) «Образование и религия в Европейской Турции накануне Балканских войн». В ходе дискуссии по докладу Г. Штока были высказаны соображения о необходимости учитывать социально-экономический фактор при рассмотрении нацио-

нально-освободительного движения и не преувеличивать силы либерализма в Сербии, а также о необходимости отличать солидарность демократической общечеловечности других стран с прогрессивными слоями внутри Сербии от помощи буржуазных кругов сербскому правительству.

Вызвал дискуссию и доклад болгарских историков С. Дамянова, В. Паскалевой и А. Пантева «Западные великие державы и балканские славяне в XIX в.», в котором они сделали вывод, что Англия, Австрия и Франция, хотя и выступали за целостность Османской империи, по существу стремились захватить львиную долю ее территории, не допустить усиления русского влияния на Балканах и выхода России к проливам. А. Виану, хотя и признал справедливой оценку объективно-прогрессивной роли России, высказал тем не менее предположение, что, если бы не Англия, Франция и Австрия, то Россия якобы оккупировала бы весь Балканский полуостров. Ненаучный характер этого предположения вскрыл Ю. Бардах. Он выразил также сожаление, что докладчики не использовали обширные данные публицистики, которая оказывала влияние на политику русского правительства в восточном вопросе. Болгарский историк Н. Тодоров охарактеризовал этапы русской политики на Балканах, указав при этом, что в разное время Россия стремилась к укреплению там своего влияния, но не к территориальным захватам.

По вопросу межславянских связей в подсекции выступили: Н. И. Хитрова («Русское общество и Черногория 60—70-х годов XIX в.»), К. Шарова (Болгария, «Польско-болгарские отношения в 50—70-х годах XIX в.») и Н. Д. Ратнер («Русская пресса о славянах в Австрии в свете образования Германской империи в 1871 году»).

Роль русских революций в судьбах славян рассмотрели: И. А. Хренов, С. М. Стецкевич («Революция 1905—1907 гг. в России и развитие национально-освободительного движения славянских народов»), И. И. Костюшко, М. М. Сумарокова («Октябрьская революция и развитие революционной мысли в Польше и Югославии. 1917—1923») и Ю. А. Писарев («Освободительная борьба югославянских народов против Австро-Венгрии в годы первой мировой войны и распад монархии Габсбургов»).

Три доклада были посвящены периоду второй мировой войны: «Всеславянский комитет и освободительное движение зарубежных славянских народов в период второй мировой войны» (В. В. Марьяна, Г. М. Славин и Л. Б. Валиев), «Общественно-политическое значение идей славянской солидарности в годы второй мировой войны» (А. И. Недорезов), «Освободительная борьба славянских народов Центральной и Юго-Восточной Европы в годы второй мировой войны и концепции их

национального развития» (Л. Я. Гибианский, Г. П. Мурашко, В. С. Царсаданова). Рассматривая вопросы, связанные с антифашистской борьбой, докладчики уделили особое внимание роли солидарности народов.

По новейшей проблематике были заслушаны следующие доклады: «Немецкий империализм и славянские народы» (К. Герман, З. Сладек, Чехословакия), «Школьная забастовка 1906—1907 гг. в Познани» (И. И. Кульчицкий, США), «Проблема славянских комитетов во второй мировой войне (И. Грозенчик, Чехословакия) и «Национально-освободительная борьба в Болгарии в период второй мировой войны (1941—1944)» (В. Божинов, Х. Христов, В. Ташкова, Болгария).

Во многих выступлениях подчеркивалось общественно-политическое значение солидарности славянских народов во время и после второй мировой войны и необходимости классовой оценки идей славянской солидарности.

В заключение необходимо отметить, что активное участие историков социалистических стран сказалось положительно как на ходе работы исторической секции, так и на достигнутых там результатах. Несомненно одно: в результате проделанной работы марксистско-ленинская историческая наука и методология заняли на съезде господствующее положение.

Л. Б. Валев, Н. И. Хитрова

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В САРАЕВЕ

Ячейкой, из которой возник Институт истории рабочего движения в Сараеве, послужил Исторический отдел Центрального комитета Союза коммунистов Боснии и Герцеговины. В нем была начата работа по сбору и обработке архивных и других материалов, относящихся к истории рабочего движения и революции в Боснии и Герцеговине. Результатом этой деятельности была публикация трех томов материалов (в 5 книгах). Как объем, так и значимость работы, начатой небольшим числом специалистов отдела, повлияла на то, что Центральный комитет Союза коммунистов Боснии и Герцеговины в Сараеве принял решение о создании специального учреждения, которое занялось бы сбором и обработкой исторических материалов, их публикацией, научным изучением истории рабочего движения, народно-освободительной борьбы и социалистической революции. В соответствии с этим решением 1 января 1959 г. в Сараеве был создан Институт по изучению рабочего движения. В последующие 2—3 года в Институт было принято около 20 молодых и перспективных историков.

В эти первые годы все сотрудники Института были заняты сбором и систематизацией архивных материалов и других исторических источников (газет и журналов, воспоминаний активных участников рабочего движения и др.). Именно в это время появились основные архивные коллекции документов и фонды, которыми Институт располагает в настоящее время. Это — коллекции документов и материалов по периоду с момента зарождения рабочего движения в Боснии и Герцеговине до 1918 г. и по периоду между двумя мировыми войнами (1919—1941), несколько фондов и коллекций по периоду народно-освободительной борьбы (1941—1945) и богатый фонд материалов

по послевоенному периоду. В эти же годы была создана и довольно богатая специализированная библиотека Института (около 10 000 книг).

Одновременно с работой по сбору и систематизации материала сотрудники Института направлялись на усовершенствование и специализацию с тем, чтобы в дальнейшем как можно успешнее участвовать в решении сложных проблем, связанных с научной разработкой истории рабочего движения, народно-освободительной борьбы, революции и социалистического строительства. Так, десять сотрудников Института прошли аспирантуру в Белграде и защитили магистерские диссертации. Большое внимание было уделено специализации в стране и за границей. Трое из сотрудников Института (Н. Бабич, Р. Брчић и Н. Шехич) в течение года изучали в ГДР исторические документы, материалы и литературу, относящиеся ко второй мировой войне. Два сотрудника Института провели год в Советском Союзе, один — изучая коммунистическое молодежное движение (Д. Шкарица), а другой — вопросы, связанные со второй мировой войной и проблемой народной власти (В. Джуретич). Два сотрудника Института (Дж. Юзбачич — один год и Й. Хаджибегович — полтора года) пробыли в Вене, где они ознакомились с богатыми архивными фондами, относящимися к Боснии и Герцеговине, охватывающими период с 1878 г. до окончания первой мировой войны. Вопросы, освещающие взаимоотношения Югославии и Франции в межвоенный период, изучал в течение года в Париже сотрудник Института Т. Ишк. Многие другие находились также в командировках (от одного месяца до трех) в различных европейских странах (Австрии, Венгрии, Советском Союзе, Голландии, Чехословакии, Польше, Федеративной Республике Германии), где занима-

лись исследованием отдельных вопросов и проблем. Подобного рода деятельность способствовала тому, что сотрудники Института смогли повысить свой уровень в научном и профессиональном отношении.

В 1964 г. была осуществлена реорганизация Института, и в нем были созданы отделы и сектора, в том числе — Отдел архивных материалов, перед которым были поставлены задачи по сбору, обработке и изданию архивных материалов, и Отдел исторических исследований, сотрудники которого получили задания по разработке различных тем из истории рабочего движения (до первой мировой войны, в период между двумя войнами) и народно-освободительной борьбы и революции в Боснии и Герцеговине. Тогда и началась целенаправленная работа по научному исследованию истории рабочего движения в Боснии и Герцеговине.

В 1965 г. вышел в свет первый номер научного издания Института «Prilozi Instituta za istoriju radničkog pokreta». До настоящего времени вышло восемь номеров этого журнала, имеющего три основные рубрики: статьи и исследования, сообщения и обзоры и рецензии. Время от времени появляются и другие рубрики, например: научная жизнь Института, новые книги и журналы и др. Объем каждого номера составляет от 350 до 500 страниц.

Появление научного издания Института привело к тому, что его сотрудники получили возможность публиковать свои работы. научная общественность — знакомиться с достижениями в области изучения новейшей истории наших народов. Очень скоро, после двух-трех номеров, «Prilozi» стали значительным журналом по новой истории и в них начали печататься такие известные ученые, как академики В. Чубрилович и А. Бабиц, доктора Х. Чемерлич, Б. Джурджев, Х. Капиджич и М. Экмечич, профессора Университета Ф. Хауптман, Н. Шарац, доктора А. Пуриватра, К. Хрелия, Деган и другие, а также многие научные работники из Белграда, Загреба, Титограда и других городов Югославии. Разумеется, значительную часть материалов, опубликованных в журнале «Prilozi», написали сотрудники Института. Журнал помог Институту установить связь со многими научными учреждениями и другими организациями. Путем взаимного обмена изданиями Институт поддерживает связь более чем с 40 научными учреждениями в стране и за границей.

Одновременно с работой над журналом «Prilozi» сотрудники Института продолжали разрабатывать ранее начатые темы, завоевывая авторитет и в других областях деятельности Института. Так, например, очень хорошо были приняты и оценены научной критикой две большие книги документов и материалов о деятельности

Антифашистского веча народного освобождения земли Боснии и Герцеговины (ЗАВНОБиГ), которые подготовили сотрудники Отдела архивных материалов Института С. Прибуля и В. Митрашевич. Книга содержит все выявленные документы, относящиеся к Первой и Второй сессиям ЗАВНОБиГ. При подготовке примечаний и комментариев к документам сотрудники Института консультировались со многими непосредственными участниками этих заседаний. Документы опубликованы под названием «Первая и Вторая сессии ЗАВНОБиГ. Документы и материалы».

Эти же сотрудники подготовили еще одну не менее значительную публикацию документов: «Коммунистическая партия Югославии в Боснии и Герцеговине в 1921—1941 гг. Документы и материалы». В этой книге, состоящей из двух разделов, опубликованы материалы пяти газет, которые в труднейших условиях подполья издавала организация Коммунистической партии Югославии в Боснии и Герцеговине, и около 130 документов (листочки, воззвания и др.), относящихся к деятельности КПЮ в Боснии и Герцеговине в период подполья (с 1921 по 1941 гг.). Документы снабжены необходимыми комментариями и справочным аппаратом. Среди документальных публикаций следует упомянуть и о факсимильном издании газеты «Радничко единство», которая в качестве органа Независимых профсоюзов в Боснии и Герцеговине выходила на протяжении почти двух лет (в 1922—1923 гг.) в Сараеве. Независимые профсоюзы в Югославии, как известно, входили в состав Красного Профинтерна. Власть постоянно препятствовала их деятельности, пока они совсем не были запрещены. И хотя газета выходила легально, нигде в Югославии нет ее полного комплекта, и Сараевский институт взял на себя труд подготовить факсимильное издание газеты. Работу по розыску и подборке всех номеров газеты в разных городах Югославии, их подготовке к печати и комментированию осуществил сотрудник Института В. Митрашевич.

Группа сотрудников Института, работая над сбором и систематизацией материалов, изучая источники и литературу для написания монографий и других работ, пришла к выводу, что на основе собранного материала можно издать хронологию событий по истории рабочего движения в Боснии и Герцеговине со времени его возникновения до 1941 г. Эта работа была успешно выполнена. Книга содержит 3500 хронологических единиц, касающихся отдельных событий, каждая из которых сопровождается ссылкой на один или несколько источников (архивные источники, периодическая печать, литература), в которых говорится об этом событии. «Хронология» уже используется

в качестве справочника не только многими историками, но также и читателями, интересующимися историей рабочего движения в Боснии и Герцеговине.

Одной из форм деятельности Института истории рабочего движения в Сараеве являются научные конференции и симпозиумы. Это особенно важно для осуществления связи с внештатными сотрудниками и родственными научными учреждениями. Таким путем Институт, в частности, осуществляет постоянное сотрудничество с Академией наук и искусств Боснии и Герцеговины, Кафедрой истории философского факультета Сараевского университета, Обществом историков Боснии и Герцеговины, Центральным комитетом Союза коммунистов Боснии и Герцеговины, Главным комитетом Союза борцов народно-освободительной войны и другими, участвующими вместе с Институтом в организации научных конференций. Из весьма значительного числа состоявшихся уже научных конференций перечислю только некоторые, по моему мнению, наиболее успешные. Именно такой была конференция, посвященная выходу в свет «Очерков по истории КПЮ». На конференции, где присутствовали и авторы «Очерков», развернулась оживленная дискуссия, было высказано много конкретных замечаний. Материалы этой конференции опубликованы в одном из первых номеров журнала «Prilozi». Еще более содержательным и представительным был симпозиум на тему «Исторические предпосылки возникновения Республики Боснии и Герцеговины», материалы которого были полностью опубликованы. В городе Дрваре, героическая история которого всем хорошо известна, была проведена научная конференция: «1941 год в истории Боснии и Герцеговины». На этой конференции было сделано около 50 докладов и сообщений. На ней присутствовали многие известные партийные и военные деятели того времени. Все доклады и сообщения, сделанные на этой конференции, публикуются отдельной книгой. В ноябре 1973 г. Институт организовал в Сараеве симпозиум, который тематически продолжил предыдущую конференцию — «1942 и 1943 гг. в истории Боснии и Герцеговины». Серия конференций о народно-освободительной войне в Боснии и Герцеговине (последней является третья конференция: «1944 и 1945 гг. в Боснии и Герцеговине») должна самым подробным образом осветить нашу новейшую историю и способствовать написанию многих аналитических трудов, необходимых для создания хорошо аргументированной обобщающей истории народно-освободительной борьбы и революции в Боснии и Герцеговине.

Многолетние усилия коллектива Института, направленные на совершенствование научной квалификации сотруд-

ников, принесли ощутимые результаты уже к 1969 г. С апреля 1969 г. до начала 1973 г. семь сотрудников Института защитили докторские диссертации в Сараевском и Белградском университетах и получили ученую степень доктора исторических наук. В беглом обзоре этих работ я буду придерживаться хронологического порядка, в котором эти диссертации были защищены.

В апреле 1969 г. А. Хаджирович защитил диссертацию на тему: «Профсоюзное движение в Боснии и Герцеговине в 1935—1941 гг.». Как проблема, избранная автором, так и хронологический период не были изучены в боснийско-герцеговинской историографии. Работая с архивными материалами (большая часть оригинальными), автор стремился разобраться во всех аспектах профсоюзного движения в Боснии и Герцеговине, показать деятельность различных профсоюзных направлений и течений, создать картину экономической жизни Боснии и Герцеговины и положения рабочих в это время, рассказать о борьбе рабочих за улучшение материального и социального положения. Автор стремился также дать оценку работы Коммунистической партии Югославии в профсоюзах, показать работу других политических партий и их борьбу за влияние в рабочем профсоюзном движении. Ряд положений автора (по вопросам периодизации, деятельности политических партий в профсоюзах) и некоторые его выводы являются новыми. Эта диссертация была опубликована в 1972 г. в Сараеве под тем же названием.

В мае 1969 г. В. Джуретич защитил диссертацию «Развитие органов народной власти в Боснии и Герцеговине в 1941—1945 гг.». Интересная и по тематике и по подходу автора к решению многих вопросов, эта работа, к сожалению, еще не опубликована. В ней прослеживается развитие органов народной власти в Боснии и Герцеговине с момента появления первых сельских народно-освободительных комитетов в 1941 г., создания в дальнейшем уездных, общинных и областных органов, вплоть до возникновения республиканских органов народной власти и освещается их деятельность. Автором привлечен широкий круг источников различного происхождения.

Доктор Н. Шехич избрал предметом своего исследования зарождение четнического движения в Югославии и деятельность четнического комитета в стране до 1941 г., уделив особое внимание Боснии и Герцеговине. Правильное решение проблем, связанных с этой темой, во многом позволяет дать ответ на вопросы о четническом движении в период второй мировой войны. Скрупулезно собрав все, что имеет отношение к его теме, автор создал серьезное исследование, которое вызвало большой интерес как у истори-

ков, так и среди широких читательских кругов. Этот труд как значительное достижение в области науки отмечен специальной премией имени Веселина Маслеша. Книга Н. Шехича «Четничество до 1941 г., особенно в Боснии и Герцеговине» была пазана Академией наук и искусств Боснии и Герцеговины.

Диссертация Р. Хурема «Кризисные явления в народно-освободительном движении в Боснии и Герцеговине в 1941 г.» как по своей теме, так и по методу исследования вызвала большой интерес историков и участников этих событий. Работа, основанная на многочисленных источниках и литературе, свидетельствует о стремлении ее автора привести максимально полные, сводные данные и сделать самостоятельные выводы. Это подчеркнутое стремление Р. Хурема внести в работу как можно больше своего, личного можно одобрить, но это явилось и причиной появления в его труде ряда положений и выводов, с которыми нельзя согласиться. Но во всяком случае работа достойна внимания, даже если о ней существуют противоречивые мнения. Книга с тем же названием, что и диссертация, была опубликована в Сараеве. Как лучшая научная книга года среди изданий такого рода монография Р. Хурема получила премию издательства «Светлост» за 1972 г. Присуждение книгам Н. Шехича и Р. Хурема премий является одновременно и высокой оценкой работы Института истории рабочего движения в Сараеве.

Диссертация З. Антоница называется «Восстание в Восточной и Центральной Боснии в 1941—1942 гг.». Автор скрупулезно и внимательно просмотрел все доступные ему основные материалы, изучил обширную литературу, проконсультировался со многими участниками народно-освободительной войны. Все это помогло ему написать большое исследование об этом важном отрезке новейшей истории народа Боснии и Герцеговины. Не прибегая к каким-либо догадкам и предположениям и руководствуясь только фактами и документами, З. Антониц внес большой вклад в дело изучения все еще недостаточно разработанной истории восстания в Восточной и Центральной Боснии. Стремясь наиболее полно и точно ответить на вопросы, связанные с самим восстанием, он в исследовании часто возвращается назад, в предшествующий исторический период, где пытается найти причины некоторых явлений и событий восстания. Это ценное аналитическое исследование в 1973 г. опубликовано в Белграде.

«Позиция социал-демократической партии Боснии и Герцеговины по отношению к войне, революции и национальному вопросу» — так называется докторская диссертация Н. Бабица. Разрабатывая эту тему, он использовал наряду с юго-

славскими материалами литературу и источники, хранящиеся в библиотеках и архивах Вены, Москвы, Будапешта, Берлина, Лейпцига, Дрездена, Амстердама и Бонна. Эта работа дала Н. Бабицу не только обширный материал, который он умело использовал в своей диссертации, но и помогла получить представление о деятельности многих социал-демократических партий, особенно Австрии и Германии, оказавших заметное влияние на Социал-демократическую партию Боснии и Герцеговины. В диссертации, получившей очень высокую оценку, автор проследил генезис проблемы, рассмотрев ее сначала в международном аспекте, а затем на материале, касающемся Социал-демократической партии Боснии и Герцеговины и ее позиции по названным выше вопросам. Вопросы исследованы исчерпывающе и хорошо сведены в единое композиционное целое. Работа написана ясным и четким языком. Лично у меня сложилось впечатление, что все же немного преувеличена позиция Социал-демократической партии по вопросу о революции. Книга Н. Бабица находится в печати и скоро должна выйти в свет.

Докторская диссертация Дж. Юзбашича называется «Строительство боснийско-герцеговинских железных дорог в свете австро-венгерской политики на Балканах». Как видно из самого названия работы, ее автор занимается изучением истории Боснии и Герцеговины в годы австро-венгерского господства. Вопрос о строительстве железных дорог является наиболее значительным в балканской политике Австро-Венгрии. Дж. Юзбашич работал над этой темой в архивах Вены, а также имел в своем распоряжении и материалы, хранящиеся в сараевском Государственном архиве и других архивах Югославии. На основе этих документов и использованной литературы автор диссертации глубоко изучил проблему, которую затем аргументированно и всесторонне изложил в своей диссертации. Но, возможно, иногда он увлекается чрезмерно детальным рассмотрением документов. Юзбашич делает это с целью выжать из этих документов, как говорится, до последней капли все необходимые для его темы сведения. Но именно поэтому на эту диссертацию мы можем уверенно сослаться. И эта книга передана в печать и скоро предстанет перед читателями.

Несколько сотрудников Института опубликовали свои работы отдельными книгами. В основном это сборники статей и исследований, тематически объединенных одной проблематикой, написанных и опубликованных в разное время. До настоящего времени вышло шесть-семь таких книг.

В ближайшее время еще несколько сотрудников Института должны защитить докторские диссертации. Упомяну лишь

некоторые из них, находящиеся ближе всего к завершению и представляющие интерес, судя по отзывам, которые эти работы получили при рассмотрении их на советах факультетов. Так, магистр И. Карабегович работает над диссертацией «Реформизм в рабочем движении Боснии и Герцеговины в 1919—1941 гг.». Подобно тому, как это было в Сербии, социал-демократы, а затем социалисты в Боснии и Герцеговине имели достаточно сильные организации, и под их влиянием или даже в их руках в годы нелегальной деятельности Коммунистической партии были и все организации, осуществлявшие защиту интересов рабочих (биржи труда, Рабочая палата, конторы по страхованию рабочих, кассы взаимопомощи, рабочие санатории и больницы и т. д.), что давало им возможность оказывать сильное влияние на рабочее движение Боснии и Герцеговины. Разъяснение этого явления в значительной мере облегчит исследование развития коммунистического движения в Боснии и Герцеговине.

Магистр Р. Брчич заканчивает работу над рукописью своей диссертации «Оккупационные системы в Боснии и Герцеговине в 1941—1945 г.». Как показывает название работы, в ней наряду с рассмотрением устройства так называемого Независимого государства Хорватия, в состав которого после капитуляции королевской Югославии в апреле 1941 г. была включена вся Босния и Герцеговина, будут проанализированы и системы власти, установленные немецкими и итальянскими оккупантами. Известно, что оккупанты разделили Югославию на зоны своего влияния, в которых установили свою власть. Южные районы Боснии и Герцеговины, а именно Герцеговина, отошли по этому разделу к итальянской зоне, а остальная часть, т. е. Босния, — к Германии. Наряду с источниками и литературой отечественного происхождения автор смог использовать для этой темы также и многочисленные немецкие и итальянские источники. С этой целью он дважды был в ГДР и ФРГ. В круг проблем его диссертации, в частности, входит и вопрос об эксплуатации оккупантами природных ресурсов и промышленного потенциала Боснии и Герцеговины.

«Политика Хорватской республиканской (крестьянской) партии в Боснии и Герцеговине до 1941 г.» — название диссертации, которую подготовил магистр Т. Ишек. Влияние этой буржуазной политической партии было довольно сильным не только в Хорватии, но и в Боснии и Герцеговине. Противоречивые и часто очень непостоянные взгляды С. Радича — вот одна из проблем, стоящих перед автором диссертации. То обстоятельство, что политические взгляды руководителя этой партии были очень неустойчивыми, а это не могло не отразиться

и на политике руководимой им партии, создает для автора диссертации серьезные трудности.

Юридический советник Института Д. Боровчанин работает над диссертацией «Государственно-правовое положение Боснии и Герцеговины в 1941—1945 гг.». Автор предполагает сначала ретроспективно рассмотреть государственно-правовое положение Боснии и Герцеговины в более ранние исторические периоды, а затем попытаться изложить статус этой югославянской земли в период народно-освободительной борьбы и революции народов Югославии в 1941—1945 гг. Сколь велико значение этой темы для новейшей истории Боснии и Герцеговины, по моему мнению, не нужно специально подчеркивать.

Докторская диссертация магистра Д. Шкарицы «Прогрессивное молодежное движение в Боснии и Герцеговине в 1919—1941 гг.» также близка к завершению. Изучая молодежное рабочее движение и прогрессивное движение студенческой и учащейся молодежи, Д. Шкарица использовала материал архивных и других учреждений в Югославии, относящийся к этой теме, а кроме того провела год в Москве, где изучила материалы о Коммунистическом интернационале молодежи, газеты и журналы, освещающие его деятельность, и др.

Ряд не названных здесь сотрудников Института, выполняя программу его работы, одновременно также готовит докторские диссертации. Наиболее значительные из них это — «Борьба боснийско-герцеговинских мусульман за автономию до 1941 г.», «Четничество в годы войны 1941—1945 гг.», «Народный фронт в Боснии и Герцеговине», «Профсоюзное движение в Боснии и Герцеговине в 1919—1941 гг.», «Деятельность боснийского сабора», «Восстание в Восточной Боснии в 1941—1945 гг.», «Социальные и национальные аспекты восстания в Боснии и Герцеговине в 1941—1945 гг.». Эти темы находятся сейчас на различной стадии разработки.

В настоящее время в Институте ведется подготовка к изданию специализированной библиографии газеты «Глас слободе», хронологии послевоенных событий в Боснии и Герцеговине, обрабатываются богатые фонды партийных и государственных органов Боснии и Герцеговины после освобождения страны и др.

Многие сотрудники Института участвуют в работах, которые он выполняет в содружестве с другими научными учреждениями. Так, например, шесть сотрудников привлечены к работе Комиссии по истории, созданной по решению Академии наук и искусств Боснии и Герцеговины. Этой Комиссии поручено написание истории народа Боснии и Герцеговины с древнейших времен до конца второй мировой войны. Наши сотрудники участ-

вуют в написании трех последних книг этой многотомной истории. Это — период австро-венгерского господства до конца первой мировой войны, период между двумя мировыми войнами и народно-освободительная война.

Трое научных сотрудников Института участвуют в создании труда по истории рабочего движения на Балканах, осуществляемого под руководством Института балканистики в Белграде во главе с академиком В. Чубриловичем.

В силу того, что Институт истории рабочего движения в Сараеве уже и в прежние годы ориентировался на изучение не только рабочего движения, о чем говорят и темы, над которыми работали или работают его сотрудники, а также и потому, что в Боснии и Герцеговине нет другого научно-исследовательского института, который занимался бы научной разработкой ее истории, уже давно был поставлен вопрос о преобразовании его в комплексный исторический институт. Состоялись несколько заседаний и обсуж-

дений по этому вопросу с наиболее авторитетными представителями науки, культуры и общественно-политических учреждений и, наконец, в феврале 1973 г. Скупщина Боснии и Герцеговины приняла Закон об основании Института истории в Сараеве, вместо ранее существовавшего Института истории рабочего движения. Законом определены и хронологические рамки его деятельности, охватывающие историю Боснии и Герцеговины с древнейших времен до наших дней, предусмотрено объединение архива Института с Архивом Боснии и Герцеговины.

В новом Институте остались все сотрудники из отдела исторических исследований, темы которых уже включены в план его работы, а также приняты новые сотрудники — специалисты по средним векам и периоду турецкого господства в Боснии и Герцеговине. Предполагается, что и в дальнейшем, в случае необходимости, Институт будет пополняться новыми кадрами.

А. Хаджирович

CONTENTS

Eugeniush K. Kostsheva (Poland). Socialist Poland's Thirtieth Anniversary. *S. V. Vasiljev, G. P. Klepikova, B. F. Stakhejev*. Co-operation of the Institute of Slavic and Balkan Studies of the Academy of Sciences of the USSR with the Socialist Countries' Scientific Institutions (To the 250-th Anniversary of the Academy of Sciences of the USSR. *V. Marjina*. Agrarian and Peasant Question in Politics of Communist Parties of the Central and Southeastern European Countries between Two World Wars. *V. P. Grabilina*. The Czechoslovak Communist Party and the Progressive Intellectuals (1929—1933). *O. A. Severnaya*. From the History of the Conceptions on a Creative Person in the Bulgarian Aesthetics. *N. M. Vagapova*. Beginning of the Yugoslavian Revolutionary Theatre (Miroslav Krleža's Early Dramaturgy). *A. S. Mylnikov*. Culture and National Consciousness of the Central and Southeastern European Peoples during National Renaissance. *T. B. Menskaya*. Redecomposition of the Loan-STEMS (on the Material of the Greek Verbal Borrowings in Bulgarian Language)

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

A. V. Lipatov. Problems of Literature and Culture of the Polish Enlightenment. *N. A. Meshcherski*. Research on a Prominent Monument of the Ancient Bulgarian Literature and its publication. *T. I. Komarinets*. R. F. Kirchiv. Ukrainian Folklore in the Polish Literature. *I. Mozhajeva*. Bibliografia polskich prac z zakresu slawistyki 96

Bibliography

The main articles and materials on the present state, history, culture and languages of the foreign Slav peoples published in the Soviet periodicals in 1973—1974. Contents of Foreign Periodicals 103

SCIENTIFIC LIFE

I. K. Scientific Symposium «Socialist Industrialization in the USSR and Poland» (To the People's Poland's 30-th Anniversary). *M. I. Kopasheva*. Generalization of the Socialist Construction's Experience in the European Countries. *L. B. Valey, N. I. Khytrova*. The VII International Congress of Slavonic Studies — Historical Themes. *A. Hadžirović* (Yugoslavia). The Activity of the Institute on History of the Labour Movement at Sarajevo 114

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ, В. Г. КАРАСЕВ,
В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРКОВ, И. С. МИЛЛЕР,
А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВИН, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного
редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕПТУНОВ, Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕНИН

Адрес редакции: Москва, Г-69, Трубниковский пер., д. 30а, телефон 290-27-40

Технический редактор *Т. Н. Семенко*

Сдано в набор 9.IV-1974 г.	Т-06589	Подписано к печати 7/VI-1974 г.	Тираж 1245 экз.
Зак. 393	Формат бумаги 70×118 ¹ / ₁₆	Усл. печ. л. 11,2	Бум. л. 4,0
			Уч.-изд. л. 12,3

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

№ 17

Б ОРДЫНКА 34/38 КВ 40

ТОЛСТОМУ Н И

70891

1-12

Цена 1 руб.

Индекс 70891

К